

Bestseller

ЖЕНЩИНА В ОЗЕРЕ

Р. Спарк

Р. Чандлер

Э. Квин

Bestseller

ЖЕНЩИНА В ОЗЕРЕ

R.Stark

R.Chandler

E.Queen

Р. Старк

Лимоны
никогда не лгут

Р. Чандлер

Женщина
в озере

Э. Квин

Жила - была
старуха...

Москва «СКС» 1994

ББК 84.7США
Ж56

Серия «Bestseller» основана в 1991 году

Перевод с английского

Ж 4703000000-60 Без объявл.
979(01)-94

ISBN 5-86092-058-X

© Состав и перевод на русский язык.
Издательство «СКС», 1994

Раймонд Чандлер

Женщина в озере

Глава 1

Триолер-Хауз находился на улице Олив вблизи Шестой авеню в западной части города. Тротуар перед фасадом дома был только что выложен белыми и черными плитами, и в данный момент чиновники муниципалитета принимали работу. Какой-то мужчина без шляпы, очевидно администратор, наблюдал за приемкой с таким искаженным злобою лицом, словно сердце его готово было превратиться в одну из этих плит.

Я прошел мимо него под арками галантерейных магазинов и очутился в огромном черно-желтом холле.

«Джиреллен компани» помещалась на шестом этаже за двойными вращающимися стеклянными дверями, окаймленными металлом, похожим на платину. Приемную устлали китайские ковры, стены были окрашены в серебристо-серый цвет. Тут стояли современная мебель и абстрактные скульптуры на пьедесталах, а в угловой треугольной витрине разместились выставка продукции фирмы: сверкающие бутылочки и баночки различных форм представляли косметические средства, отражавшие всю историю «Джиреллен компани», — кремы, пудра, мыло и одеколоны; пригодные для любого человека во все времена года. Одни духи в высоких тонких флакончиках, казалось, могли упасть от простого дуновения.

Другие, в более массивной таре, были перевязаны атласными лентами, как девочки на уроках танцев. Жемчужина этой выставки — духи в низеньком янтарном пузырьке — выглядели весьма непритязательно. Их поместили в витрине на уровне глаз и вокруг оставили много свободного пространства. Этикетка гласила: «Джиреллен-Регаль» — духи высшего качества, вещь, которую стоило купить. Одна капля этой жидкости — и на женщину, словно летний дождь, посыплется жемчуг. В тихом углу за барьером у телефонных автоматов скромно сидела симпатичная миниатюрная блондинка. За низким столом против дверей хозяйничала высокая, стройная, черноволосая девушка по имени Адрианна Фромсетт, как сообщала табличка над столом. На ней был костюм серо-стального цвета, темно-вишневая блузка и мужской галстук более светлого оттенка. Носовой платок торчал из кармана на ее груди под столь острым углом, что, казалось, им можно резать хлеб. Кроме цепочки-браслета она не носила никаких драгоценностей. Ее темные волосы, расчесанные на пробор, падали тщательно уложенными волнами. У нее была гладкая кожа цвета слоновой кости, немного суровые брови и большие темные глаза, которые, похоже, могли становиться теплыми только при соответствующих условиях.

Я положил на край стола визитку, не прибегая к пистолету, и спросил мистера Дерраса Кингсли. Взглянув на карточку, она заинтересовалась:

— Вам было назначено?

— Нет.

— Мистер Кингсли, как правило, принимает лишь тех, с кем договорился заранее.

На это я ничего не сумел возразить.

— А по какому вы делу, мистер Марлоу?

— По личному.

— Хорошо. Мистер Кингсли вас знает?

— Не думаю. Хотя, возможно, он слышал мое имя. Сообщите ему, пожалуйста, что меня направил сержант Мак-Ги.

— А мистер Кингсли знаком с сержантом Мак-Ги?

Она положила мою визитку рядом с пачкой отпечатанных на машинке бумаг, откинулась назад и, вытянув руку, принялась постукивать по столу маленьким золотым карандашом. Я улыбнулся ей. Миниатюрная блондинка у телефонов прислушалась, показав ухо, напоминавшее раковину, и тоже слегка улыбнулась. Она походила

на кошку, которая не уверена в том, будут ли ей рады хозяева.

— Надеюсь, что знаком, — ответил я. — Но все же лучше спросить его об этом.

Она внезапно принялась делать какие-то пометки на бумагах, чтобы скрыть свое раздражение. Затем снова заговорила, не поднимая головы:

— У мистера Кингсли заседание. Вашу карточку я передам, как только появится возможность.

Поблагодарив ее, я сел в кресло из хромированной стали и кожи. Оно, против ожидания, оказалось удобным. Наступила тишина. Никто не входил и не выходил. Изыщная рука мисс Фромсетт скользила по бумаге, да время от времени слышались приглушенный голос кошечки у телефонов и легкое потрескивание.

Я закурил сигарету, оглядел приемную и придвинул массивную пепельницу. Летели минуты. Я еще раз окинул взором приемную. Из подобной мебелировки нельзя было сделать никаких выводов. Возможно, владельцы загребают миллионы, а может, в это самое время шериф опечатывает их кассу. Спустя полчаса позади стола мисс Фромсетт открылись двери, и в них показались двое смеющихся мужчин. Третий стоял на пороге, принимая не такое активное участие в общем веселье. Все трое сердечно пожали друг другу руки, и двое удалились. Третий смахнул улыбку с лица, и теперь мне показалось, что он никогда в жизни не смеялся. Это был высокий мужчина в сером костюме. Своим серьезным видом он давал понять, что не потерпит никаких глупостей.

— Есть дела? — спросил он резким начальственным тоном.

— С вами хочет поговорить по личному делу мистер Марлоу. Его направил сержант Мак-Ги.

— Никогда о таком не слышал, — проворчал он, затем взял мою карточку и вернулся в кабинет, даже не взглянув на меня. Двери автоматически закрылись, издав при этом звук, напоминающий «фу-у-у». Мисс Фромсетт послала мне нежную печальную улыбку, а я ответил ей откровенным подмигиванием. Затем я принялся за очередную сигарету, начиная привыкать к «Джиреллен компани». Десять минут спустя двери снова распахнулись. Хозяин и повелитель этих мест, уже в шляпе, пробормотал на ходу, что идет в парикмахерскую. Уверенным шагом спортсмена ступал он по ковру, но потом неожиданно повернулся ко мне.

— Вы хотели со мной побеседовать? — спросил он.

При своем росте он был весьма худошав. В его серых, как гранит, глазах поблескивали холодные огоньки. Элегантный костюм был сшит из отличного серого материала в узкую белую полоску. Манеры этого человека показывали, что он умеет обращаться с другими сурово. Я поднялся.

— Если вы мистер Деррас Кингсли.

— А кто же еще здесь может находиться, черт возьми!

Я промолчал и подал ему другую визитку, на которой была указана моя профессия. Бросив на карточку хмурый взгляд, он сжал ее в кулаке.

— Кто такой Мак-Ги? — фыркнул он.

— Мой коллега.

— Я в восторге, — сказал он, глядя на мисс Фромсетт. Это ей очень понравилось.

— Конечно. Его прозвали Мак-Ги с фиалками, — заметил я. — Он вечно жует пастилки, которые пахнут фиалками. Это толстяк с серебристыми волосами и нежным маленьким ртом, будто созданным для того, чтобы целовать детей. Когда я его видел в последний раз, он сидел в костюме приятного голубого цвета, коричневых ботинках с широкими носками, мягкой серой шляпе и курил опиум из короткой трубочки.

— Мне не нравятся ваши манеры, — произнес Кингсли голосом, которым можно было расколоть кокосовый орех.

— Не беда. Я не собираюсь их продавать, — парировал я.

Он отшатнулся, будто я сунул ему в лицо макрель, сдохшую неделю назад. Затем повернулся ко мне спиной и уже на ходу заявил:

— Даю вам ровно три минуты. И черт меня знает, зачем.

Он быстро прошел мимо стола мисс Фромсетт и толкнул двери кабинета, которые немедленно захлопнулись перед самым моим носом. Ей это тоже понравилось, но у меня создалось впечатление, что в глубине ее глаз притаилась хитрая усмешка.

Глава 2

Кабинет имел внушительный вид: длинный, мрачный, спокойный, с кондиционером, закрытыми окнами и серыми венецианскими жалюзи, опущенными до половины для защиты от жаркого июльского солнца. Серые шторы гармонировали с цветом стен и мебели. В углу находи-

лись гигантская черно-серебристая касса и длинный ряд низких шкафов. На стене висела цветная фотография какого-то остроносого старика с бакенбардами и в высоком стоячем воротничке. Его непомерно большое адамово яблоко выпирало из шеи под острым углом. На фото значилось: «*Мэтью Джиреллен. 1860—1934*».

Деррас Кингсли быстро прошел за свой восьмисотдолларовый директорский стол и погрузил заднюю часть тела в огромное кожаное кресло. Затем взял сигару из малахитовой шкатулки, обрезал ее и прикурил от медной зажигалки, лежавшей на столе. Занимался он этим довольно долго, нисколько не заботясь обо мне. Наконец, усевшись поудобнее, он выдохнул облако дыма и сказал:

— Я деловой человек и не люблю попусту тратить время. Судя по вашей карточке, вы частный детектив. Мне нужны доказательства этого.

Я вынул бумажник и извлек оттуда самые разные документы. Он взглянул на них, потом отодвинул. Мое удостоверение с фотографией на право заниматься розыском в целлулоидной обложке упало на пол, но он даже не счел нужным извиниться.

— Я не знаю никакого Мак-Ги, — повторил он. — Мне известен шериф Петерсен. Я просил его рекомендовать мне подходящего человека. Допускаю, что им может оказаться вы.

— Мак-Ги работает в голливудском управлении в отделе шерифов, — заметил я. — Хотите проверить?

— Незачем. Похоже, вы мне подойдете, если не станете больше устраивать ваших дурацких штучек. И запомните: если я нанимаю человека, он должен делать именно то, что я прикажу, и держать рот на замке. Иначе он сразу вылетит ко всем чертям! Понятно? Полагаю, я не слишком груб?

— Давай закроем эту тему, — предложил я.

Он нахмурил брови и резко спросил:

— Сколько вы желаете получить?

— Двадцать пять долларов в день и суточные. Кроме того, по восемь центов за каждую милю, которую я проеду на своей машине.

— Чепуха! — возразил он. — Слишком дорого. Пятнадцать долларов в день — и то много. А за бензин я готов платить, но в границах разумного. Никаких развлекательных прогулок!

Я выдохнул серое облачко дыма и разогнал его рукой, но ничего не ответил. Кажется, он удивился

моему молчанию. Наклонившись вперед, он наставил на меня сигару.

— Я еще не нанял вас. Но если найму, вы будете работать в полной тайне. Никакой болтовни на эту тему с вашими друзьями из полиции. Ясно?

— А что за работа, мистер Кингсли?

— Какая разница? Вы же производите всякого рода расследования, не так ли?

— Нет, не всякого. Только чистые.

Он взглянул на меня, прищурившись и сжав губы, его серые глаза потемнели.

— Между прочим, я не веду дел, связанных с разводами,— заявил я.— Но в качестве эксперта соглашусь за сто долларов.

— Ладно, ладно,— неожиданно мягко произнес он.

— Что касается грубости,— продолжал я,— то большинство клиентов начинают либо обливать мою рубашку слезами, либо кричат, стремясь показать, кто из нас хозяин. Но обычно в конце они становятся рассудительными... если только доживают до развязки.

— Ладно,— мирно повторил он, по-прежнему глядя на меня.— А многих вы теряете?

— Немногих, если со мной обращаются вежливо.

— Желаете сигару? — предложил он.

Я взял и положил ее в карман.

— Я хочу, чтобы вы отыскали мою жену,— сказал Кингсли.— Она исчезла месяц назад.

— Хорошо, я ее найду.

Он ударил обеими руками по столу и улыбнулся.

— Похоже, вы действительно ее найдете. За последние четыре года со мной никто так не разговаривал,— прибавил он. Я промолчал.

— Черт возьми! — воскликнул он.— Мне это нравится.— Он провел рукой по своим густым черным волосам и продолжил: — Она выехала ровно месяц назад из нашего домика в горах возле Пума-Пойнт. Вы знаете эту местность?

Я ответил утвердительно.

— Дом расположен в пяти километрах от деревни. Туда приходится добираться по частной дороге. Он стоит на берегу озера Оленят, тоже частного. Плотину там мы сами построили. Это владение принадлежит мне и двум моим друзьям. Участок большой, но не обжитой и таким останется очень долго. Некий Билл Чейз живет там бесплатно со своей женой в соседней хижине и присматрива-

ет за хозяйством. Он инвалид войны, получает пенсию. Вот, пожалуй, и все. Жена отбыла туда в середине мая, выезжала два раза на уик-энды. А двенадцатого июня отправилась на какую-то увеселительную прогулку и назад не вернулась. С тех пор я ее не видел.

— И что вы предприняли в связи с этим? — поинтересовался я.

— Ничего. Ровно ничего. Я даже не поехал туда.

Он явно ожидал, что я спрошу его почему. И я спросил.

Он отодвинул кресло, отпер ящик стола, достал из него сложенный листок и подал мне. Это был телеграфный бланк, заполненный в Эль-Пасо четырнадцатого июня в девять часов девятнадцать минут утра. Он адресовался Деррасу Кингсли, Беверли-Хилл, Карсон-драйв, 965. Я прочитал:

«Выезжаю Мексику, получить развод, выхожу замуж Криса. Всего лучшего, до свидания. Кристаль».

Я положил телеграмму на стол, а Кингсли протянул мне большую любительскую фотографию на глянцевой бумаге, запечатлевшую мужчину и женщину, сидящих под зонтиком на пляже. Мужчина был в плавках, а женщина в чем-то, отдаленно напоминавшем купальный костюм. Она была стройной блондинкой, молодой и хорошенькой. Мужчина сильного сложения, смуглый и красивый, имел узкие бедра, длинные ноги, огромную копну волос и белые зубы. Словом, обычный тип соблазнителя, разбивающего семью. У него было интеллигентное лицо и руки, созданные для объятий. Он держал в руках темные очки и улыбался, глядя в объектив, профессиональной, беззаботной улыбкой.

— Это Кристаль,— пояснил Кингсли,— а это Крис Лавери. Скорее всего, они сожительствоуют, и ну их обоих к дьяволу.

Я отложил снимок.

— Если так, то в чем же дело?

— В горах нет телефона,— продолжил Кингсли,— и не было ничего необычного в том, что она куда-то уехала. До тех пор, пока не пришла телеграмма, я об этом не думал, да и депеша меня не удивила. Мы с Кристаль уже несколько лет обитаем отдельно. Каждый из нас живет своей жизнью. У нее много денег: ежегодный доход от аренды принадлежащих ей нефтяных участков в Техасе составляет двадцать тысяч. Кристаль ведет легкомысленный образ жизни, и мне доподлинно известно,

что Лавери был одним из ее любовников. Признаться, я удивился только тому, что она собирается выйти за него замуж, ведь этот парень профессиональный соблазнитель. Но все выглядело вполне правдоподобно. Вы меня понимаете?

— А потом?

— Ровно две недели от нее не было никакой информации. И вдруг отель «Прескотт» в Сан-Бернардино сообщил мне, что «паккард», зарегистрированный на имя Кристаль Грейс Кингсли, помещен в тамошний гараж и никто за ним не приходит. Они спрашивали, что с ним делать. Я велел держать его по-прежнему и послал им чек. Тут тоже не было ничего необычного. Я решил, что жена просто выехала куда-нибудь в машине Лавери и еще не вернулась. Однако позавчера я встретил Лавери в спортклубе, здесь за углом. Он сказал, что понятия не имеет, где находится Кристаль.

Кингсли бросил на меня быстрый взгляд, вытащил бутылку, два бокала цветного стекла, налил и один подвинул мне. Затем, взглянув на свой бокал на свет, медленно прибавил:

— Лавери заявил, что никуда с ней не уезжал, не видел ее уже два месяца и вообще не поддерживает с Кристаль никаких отношений.

— Вы ему поверили?

Кингсли кивнул головой, поморщился, выпил и отодвинул бокал в сторону. Я сделал глоток. Это было шотландское виски отличного качества.

— Может быть, поверил я напрасно,— заметил Кингсли,— хотя в этом вопросе он заслуживает доверия. Сукин сын, если здесь подойдет такое выражение, считает достойным занятием соблазнять жен своих друзей, да еще хвастаться этим. Он бы наверняка чванился, как петух, если бы моя жена убежала с ним и оставила меня в дураках. Я знаю таких самцов, а его особенно хорошо. Он выполнял разные поручения для нашей фирмы, постоянно вляпываясь в неприятности. Он не мог пропустить ни одной юбки. Кроме того, я рассказал ему о телеграмме, полученной из Эль-Пасо, и ему не было нужды лгать.

— А если ваша жена его прогнала?— спросил я.— Это могло задеть Лавери за живое — комплекс Казановы.

Кингсли улыбнулся, но затем снова нахмурился и покачал головой.

— И все же я отчего-то верю ему,— заявил он.—

Больше чем наполовину. Попробуйте доказать, что я ошибаюсь. Между прочим, тут тоже нужна ваша помощь. Но существует еще одно очень неприятное обстоятельство. Я занимаю отличную должность, и кроме нее у меня ничего нет. Я не могу рисковать, впутываясь в какой-нибудь скандал. Я же вылечу отсюда, если моей женой заинтересуется полиция.

— Полиция?

— Помимо прочих своих занятий,— хмуро сказал Кингсли,— моя жена время от времени ворует разную мелочь в магазинах. Я полагаю, это возбуждает ее, подобно виски. Мне неоднократно приходилось улаживать там чрезвычайно скверные дела. До сих пор я кое-как удерживал владельцев от составления протоколов в полиции, но, если она выкинет что-то подобное в другом городе, где ее никто не знает...— Он поднял руки и с силой ударил по столу.— Это может закончиться тюрьмой, не правда ли?

— У нее когда-нибудь брали отпечатки пальцев?

— Ее ни разу не арестовывали,— ответил Кингсли.

— Неважно. Иногда в крупных универмагах в качестве условия сохранения тайны требуют согласия на снятие отпечатков. Это удерживает любителей-клептоманов и позволяет расширить о них сведения. Если кто-нибудь попадается несколько раз, магазин возбуждает дело.

— Насколько мне известно, ничего такого до сих пор не случилось.

— Отлично. Тогда можем об этом пока не думать,— сказал я.— Если бы ее задержали, то неизбежно обыскали бы. Даже зарегистрировав ее под вымышленной фамилией, полицейские непременно вам сообщат. Да и сама она начнет звать на помощь, попав в беду.— Я постучал пальцем по голубому бланку телеграммы.— Деша отправлена месяц назад. За такое время полиция уже предприняла бы какие-то шаги, обязательно поставив вас в известность.

Он налил себе очередной бокал и выпил.

— Слушая вас, я вновь обретаю уверенность,— сказал он.

— Помимо того, могли случиться и другие вещи, прибавил я.— Например, ваша жена могла уехать с Лавери и поссориться с ним. Она могла удрать с другим мужчиной и телеграфировать вам ради шутки, убежать одна или с какой-нибудь женщиной. Могла выпить столько, что теперь вынуждена проходить курс лечения

в частном санатории. Она могла попасть в беду, о которой мы даже не подозреваем. Наконец, ее могли убить.

— Ради бога, не говорите так! — воскликнул Кингсли.

— А почему бы и нет? Нельзя отбрасывать любой из вариантов. У меня конечно скудные данные о миссис Кингсли, но, как я себе представляю, она молода, красива, легкомысленна и порывиста. Ваша жена пьет и любит острые ощущения. Она легко сходится с мужчинами и потому может познакомиться с неизвестным, который окажется гангстером. Верно?

— Вполне.

— Сколько денег она предположительно взяла с собой?

— Ей всегда нравилось иметь под рукой крупную сумму. У нее личный счет в банке, где я держу свои сбережения. Она бы сняла оттуда сколько угодно.

— Дети у нее есть?

— Нет.

— Ее дела вели вы?

Он покачал головой.

— Она не имеет никаких дел, только выписывает чеки и транжирит деньги. Она не вложила ни во что и пяти центов. Из ее капитала я не извлек ничего, если вы это имели в виду. — Помедлив, он прибавил: — Но, пожалуйста, не думайте, что я не пытался. Я всего лишь человек. Любому было бы неприятно видеть, как двадцать тысяч долларов ежегодно просеиваются, как через сито, на виски и проходимцев вроде Криса Лавери.

— Какие у вас отношения с ее банком? Могли бы вы получить сведения о чеках, реализованных ею за последние два месяца?

— Боюсь, что нет. Когда-то я пытался получить такую информацию, заподозрив, что ее кто-то шантажирует. Банк отказался мне что-либо сообщать.

— Попробуйте еще раз, — посоветовал я. — Может, теперь удастся. Правда, придется обратиться в бюро розыска пропавших людей. А вы, вероятно, хотели этого избежать?

— Конечно. Иначе бы я не вызвал вас.

Я кивнул, собрал все документы и положил их в карман.

— В этом деле наверняка возникнет гораздо больше трудностей, чем может показаться сейчас, — заметил я. — Я начну с Лавери, затем поеду к озеру Оленят и там тоже

кое о чем побеседую. Сообщите мне адрес Лавери и черкните записку человеку, охраняющему ваш дом.

Кингсли достал листок бумаги, написал несколько слов и передал мне. Я прочитал:

«Дорогой Билл, рекомендую Вам мистера Филипа Марлоу, который желает познакомиться с нашими владениями. Покажите ему все и помогите, чем сумеете.

Деррас Кингсли».

Я сложил листок и убрал его в конверт, на котором Кингсли написал адрес.

— А как другие дома?

— В этом году они пусты. Один из владельцев служит в Вашингтоне, а второй находится в Форт-Левенворте. Их жены уехали вместе с ними.

— А теперь сообщите, пожалуйста, мне адрес Лавери, — попросил я.

Некоторое время он смотрел поверх моей головы, потом наконец буркнул:

— Он живет в Вай-Сити. Найти его дом я бы сумел, но номер забыл. Думаю, мисс Фромсетт вам его сообщит. Если она о чем-то спросит, не отвечайте. Кроме того, вы хотели получить сто долларов?

— Ах, нет, — ответил я. — Я потребовал их только потому, что вы начали разговор в неподобающем тоне.

Он улыбнулся. Я встал и внимательно посмотрел на него.

— Вы ничего не скрываете?.. Ничего существенного?

Он принялся рассматривать свои пальцы.

— Нет, ничего. Я просто беспокоюсь. Дьявольски беспокоюсь. Если вы что-то выясните, звоните в любое время днем или ночью.

Я пообещал, мы пожали друг другу руки, и я вышел в приемную к мисс Фромсетт, которая по-прежнему сидела за своим столом.

— Мистер Кингсли заявил, что вы можете сообщить мне местонахождение Криса Лавери, — сказал я, внимательно глядя на ее лицо.

Она не спеша достала толстую адресную книгу и начала ее перелистывать. Когда она заговорила, ее голос звучал приглушенно и холодно:

— Здесь указан следующий адрес: Вай-Сити, Элтерстрит, 623. Телефон: 1-25-23. Но мистер Лавери не посещал нас более года. За это время он мог пересечь.

Я поблагодарил ее и направился к выходу. Потом снова обернулся. Она сидела неподвижно, положив руки

на стол, взор ее был задумчив и печален. На ее щеках выступили красные пятна. Похоже, воспоминания о Кри-се Лавери не доставили ей удовольствия.

Глава 3

Элтер-стрит располагалась на окраине Вай-Сити. С южной стороны ее открывалась панорама этого маленького прибрежного городка, раскинувшегося над автострадой. На севере сверкало холодно-голубое зеркало залива. Маленькая улочка заканчивалась золоченой железной оградой, за которой возвышались деревья, виднелись кусты, дорожки и газоны. Зданий там не было. Несмотря на то что улицу украшало множество больших роскошных вилл, беспорядочно разбросанные бунгало придавали ей какой-то неряшливый вид. Возле той же ограды, на противоположных сторонах, стояли два дома. Я подъехал к номеру 623, развернулся и выключил двигатель. Дом был повернут к улице боком, и вход в него располагался немного ниже ее уровня. На крыше виднелась терраса, спальни размещались в нижнем этаже, правее просматривался гараж. Фронтон здания был увит плющом, а каменные плиты тротуара заросли корейским мхом. На узкой входной двери висел железный молоток. Я постучал им несколько раз, но ответа не получил. Тогда я нажал звонок, услышал, что он работает, однако опять никто не отозвался. Я снова взялся за молоток, но результат получился таким же. Я подошел к гаражу и приоткрыл дверь. Там стоял автомобиль с белыми полосами на шинах. Я вернулся обратно. Превосходный черный «кадиллак» вырулил из гаража противоположного дома, проехал мимо и замедлил ход. Худой мужчина в темных очках за рулем бросил на меня такой недоброжелательный взгляд, словно был недоволен моим присутствием. Я ответил ему столь же приветливым взором, и машина скрылась. Затем я опять забарабанил молотком и на сей раз добился результата. Дверной глазок приоткрылся, и я увидел лицо красивого светловолосого молодого мужчины, глядевшего на меня с недовольным видом.

— Что за шум, черт побери! — воскликнул он.

— Мистер Лавери?

— Да, но что вам нужно?

Я протянул ему визитку.

— Очень сожалею, — изрек он, — но я не нуждаюсь в услугах детектива.

— Я работаю на Деррасса Кингсли.

— Дьявол забери вас обоих, — молвил он и скрылся.

Я сильно нажал на звонок, а свободной рукой достал сигарету и поднес к ней спичку. Дверь неожиданно распахнулась, и на пороге показался Лавери в купальных трусах, сандалиях и белом мохнатом купальном халате. У него был такой вид, словно он жаждал броситься на меня. Я перестал звонить и ощерил зубы в ослепительной улыбке.

— Только позвоните еще раз, и вылетите на улицу, — пригрозил он.

— Не будьте ребенком, — фыркнул я. — Вы отлично понимаете, что нам необходимо побеседовать.

Я вынул из кармана депешу и протянул к самому его носу. Он прочитал ее с кислым видом, закусил губу и пробормотал:

— Ну ладно, входите!

Я очутился в приятном полумраке комнаты, устланной дорогим китайским ковром и украшенной несколькими бра. Справа располагался рояль, слева — широкая удобная кушетка, а у камина с медной решеткой — глубокие кресла. На каминной полке стоял букет манзониты. Цветы уже увядали, но еще не утратили красоты. Поднос на столе занимали бутылка вина и рюмки, а маленький ореховый столик — медное ведерко со льдом. Комната заканчивалась небольшим портиком, из которого виднелись три узких окна и лестница. Лавери закрыл дверь и сел на кушетку. Затем достал из серебряного портсигара сигарету, закурил и окинул меня гневным взглядом. Я уселся напротив. Он был не менее красив, чем на фото: мощный торс, стройные бедра, карие глаза и длинные волосы, слегка вьющиеся на висках. Смуглая кожа была идеально чиста. Я сразу понял, почему он имел такой успех у женщин.

— Отчего вы не расскажете нам, где она? Ведь в конце концов мы найдем ее, а если вы все откроете, то избавитесь от неприятностей.

— Едва ли частный шпик сумеет мне их причинить.

— Вот как? И тем не менее частный сыщик может насолить каждому. У него есть опыт и терпение. Свое оплачиваемое время он отлично использует на то, чтобы досаждать людям.

— Ну так слушайте, — сказал он, наклоняясь вперед. — Я знаю, что написано в вашей телеграмме, но это вздор. Я не ездил в Эль-Пасо с Кристаль Кингсли

и вообще не видел ее уже давно. Понимаете, у меня с ней не было никакого контакта. Я уже объяснял Кингсли.

— Он не верит вам.

— А зачем мне лгать?

— А зачем говорить правду?

— Слушайте, вы,— медленно процедил он.— Вам этого не понять, вы не знаете ее. Она не связана с Кингсли веревкой. Если ему не нравится поведение жены, пускай принимает меры. Эти властные мужчины вызывают у меня отвращение.

— Коли вы не ездили с ней в Эль-Пасо, почему она отправила такую телеграмму?

— Не имею ни малейшего представления.

— Позвольте спросить,— сказал я, указывая на цветы манзониты,— вы привезли их с озера Оленят?

— Этой травы полным-полно на здешних холмах,— презрительно ответил он.

— Но здесь нет таких прекрасных цветов.

Он расхохотался.

— Ну что ж, я действительно был там во второй половине мая. Тогда я видел ее в последний раз.— Он отогнал дым и прибавил: — Не скрою, я думал о ней. У нее есть деньги, а они всегда нужны. Но у меня не было желания связывать себя браком.

Я кивнул, но промолчал. Он взглянул на цветы и наклонился, снова выдыхая табачный дым. Минуту спустя он опять посмотрел на мою визитную карточку и сказал:

— Значит, вас нанимают для того, чтобы вы копались в грязи? И хорошо платят за это?

— Не могу пожаловаться. Доллар здесь, доллар там.

— И все они воняют.

— Послушайте, мистер Лавери, не нарывайтесь на ссору. Кингсли убежден, что вы знаете, где его жена, но не хотите сообщить. То ли со зла, то ли из соображений деликатности.

— А что вас больше устраивает? — засмеялся Лавери.

— Мне все равно. Лишь бы получить информацию. Мистеру Кингсли не интересно, чем вы с ней занимаетесь, куда ездите и собирается ли она с ним разводиться. Он только хочет быть уверен, что все в порядке и его жена не попала в беду.

Лавери неожиданно встрепенулся.

— В беду? Какого рода беду?

Он обсасывал это слово своими сочными губами так, будто пробовал его на вкус.

— Разве вы не догадываетесь, чего может опасаться человек в его положении?

— Нет. Поведайте мне об этом,— саркастически сказал он.— Я люблю постигать все, чего не знаю.

— И отлично делаете,— заметил я.— На конкретный разговор у вас нет времени, но сколько угодно времени для шуток. Только не подумайте, что мы жаждем впутать вас в историю о незаконном сожителе с чужой женой.

— Опомнитесь, мудрец. Сперва вы должны были бы доказать, что я платил за ее билет.

— Но существует еще телеграмма.

— По-моему, я уже говорил о ней, и не один раз. Вероятно, она просто пошутила. Кристаль всегда любила откалывать подобные номера. Все женщины глупы, а многие еще и злы.

— Из телеграммы этого не видно.

Я небрежно стряхнул пепел на стол. Он хмуро взглянул на меня и отвернулся.

— Я порвал с ней,— сказал он наконец.— Возможно, она мечтала отомстить мне. Я собирался с ней на уик-энд, но не поехал. Она мне опротивела.

— Гм,— произнес я и посмотрел на него.— Это мне не нравится. Меня бы больше устроило, если бы вы отправились в Эль-Пасо, поссорились и бросили ее там. Вы не смогли бы представить ситуацию таким образом?

Он сильно покраснел. Это было заметно даже под загаром.

— Подите вы к черту! — выругался он.— Я уже объяснил, что никуда с ней не ездил. Никуда! Будьте добры запомнить мои слова!

— Запомню, если поверю!

Он встал, медленно затянул пояс купального халата и подошел ко мне.

— Отлично,— резко сказал он.— А теперь убирайтесь! Сейчас же! Довольно с меня. Вы отнимаете мое время и теряете свое, если оно чего-нибудь стоит.

Я встал и улыбнулся.

— Мое время стоит недорого. Ровно столько, сколько за него платят. Вряд ли я заработаю что-нибудь, если с вами произойдет неприятность в каком-то универмаге. Например, в отделе чулок или ювелирных изделий.

Он внимательно посмотрел на меня, подняв брови и сжав губы.

— Не понимаю,— пробормотал он, но в голосе его не чувствовалось искренности.

— Это все, что я собирался выяснить,— заявил я.— Благодарю за беседу. Кстати, чем вы занимаетесь... с той поры, как оставили работу в фирме Кингсли?

— Какого дьявола вам нужно?

— Никакого, тем более, что это всегда можно выяснить,— ответил я и сделал шаг к двери.

— Сейчас я нигде не работаю,— холодно произнес он.— Меня в любую минуту могут призвать во флот.

— Звучит страшно правдоподобно.

— Ну а теперь убирайтесь, шпик! И не трудитесь приходить снова. Меня все равно не будет дома.

Я открыл дверь. Крис Лавери едва сдерживал ярость.

— Вероятно, я все же приду,— сказал я,— но не для того, чтобы обмениваться шутками. Я вернусь, если найду что-то, требующее объяснений.

— Значит, вы по-прежнему считаете, что я лгу?! — гневно крикнул он.

— Думаю, вы не сообщили всего, что вам известно. Я отлично разбираюсь в людях и уверен в своих словах. Но пока это не мое дело. Вот когда оно станет моим, весьма возможно, вам снова придется выгонять меня.

— С удовольствием,— ответил он.— Но в следующий раз прихватите с собой кого-то, кто потом отправит вас домой. На тот случай, если вы упадете на пол и получите небольшое сотрясение мозга.

Затем, без всяких к тому оснований, мистер Лавери плюнул на ковер. Меня это поразило. Точно где-то на улице лопнул асфальт, и из трещины вылез гангстер, или какая-нибудь изящная, утонченная женщина вдруг ни с того ни с сего обругала вас матом.

— До свидания, красавчик,— сказал я, уходя.

Закрывая дверь, мне пришлось сильно хлопнуть ею, чтобы защелкнулся замок. Выйдя на тротуар, я остановился и посмотрел на дом, расположенный напротив.

Глава 4

Это было большое здание с розовыми ставнями, поблекшими от времени и принявшими пастельный оттенок. Рамы были бледно-зелеными, а крышу устилал зеленый шифер. Подъезд украшала разноцветная мозаика. Перед фасадом была разбита клумба, двор окружала ограда с железными острями наверху, которые заржавели от

влажного воздуха, тянувшегося с залива. С левой стороны здания находился гараж на три машины, двери его открывались во двор. Бетонная дорожка вела от гаража к боковым дверям дома.

На калитке виднелась металлическая табличка с надписью: «Альберт Алмор, доктор медицины». Пока я рассматривал фасад, на улице появился черный «кадиллак». Он притормозил и стал выруливать в сторону, чтобы развернуться и въехать в гараж, ибо ему мешала моя машина. «Кадиллак» добрался до конца улицы, развернулся возле золоченой ограды и медленно вкатился в гараж. Из гаража вышел и направился к дому худой мужчина в темных очках с докторским чемоданчиком. На полдороге он внезапно замедлил шаг и специально прошел мимо моей машины. Отпирая ключом дверь, он снова посмотрел на меня. Я влез в кабину, закурил и начал размышлять о том, стоит ли нанять кого-то следить за Лавери. Потом решил, что в этом мало смысла. Занавески в окне докторского дома зашевелились. Между ними показалась его худая рука, и блеснули стекла очков. Занавески тотчас опять задвинулись. Я снова поглядел на дом Лавери, лениво раздумывая над тем, знаком ли с ним доктор. Очевидно, да, как сосед. Я бросил взгляд на дом врача и решил, что его профессия не позволит ему ничего мне рассказать. В это время занавески вновь раздвинулись, а затем их вообще раздернули в стороны. У окна стоял доктор Алмор и напряженно всматривался в мой автомобиль. Я стряхнул пепел с сигареты, а доктор отвернулся и сел за стол. Чемоданчик стоял перед ним. Алмор сидел в напряженной позе, постукивая пальцами по столу. Он протянул было руку к телефону, но снова опустил ее. Потом закурил и опять уставился в мою сторону. Это меня заинтриговало, ведь врачи самые нелюбопытные люди. Врачу с большой практикой приходится выслушивать столько секретов, что их хватит на всю жизнь. А мне казалось, что доктор Алмор очень заинтересован, даже обеспокоен моим присутствием. Я уже собрался включить стартер, как открылась дверь Лавери. Быстро отдернув руку от зажигания, я откинулся на спинку сиденья. Торопливо выйдя на улицу, Лавери огляделся и направился к своему гаражу. Одет он был так же, как во время моего визита. Я услышал, как открылись двери гаража, а затем раздался гул мотора. Машина выкатилась задним ходом, выбрасывая белые клубы дыма из выхлопной трубы. Это был небольшой

голубой кабриолет (автомобиль с откидным верхом), из которого выглядывала голова молодого человека в темных очках и с мохнатым полотенцем на шее. Кабриолет скрылся за углом. Это событие не пробудило во мне любопытства. Мистер Кристофер Лавери отправился в какой-нибудь уголок побережья Тихого океана, дабы лежать там на солнце и восхищать молодых женщин своей фигурой. Я сосредоточил внимание на докторе. Он стоял у телефона, но ничего не говорил, а просто держал трубку возле уха. Потом он наклонился, вероятно, услышав чей-то голос. Затем положил трубку, сделал пометку в блокноте и раскрыл толстую книгу с желтыми страницами почти на середине. При этом он еще раз взглянул через окно на мою машину. Отыскав в фолианте нужное место, он опять наклонился, и его окутали клубы табачного дыма. Записав что-то, он отодвинул книгу и снова взялся за телефон. Набрал номер, подождал и очень быстро заговорил, кивая головой и размахивая сигаретой. Окончив беседу, он удобно устроился в кресле и задумался, изредка поглядывая на меня. Он чего-то ждал, я тоже, что было совершенно бессмысленно. Врачи часто говорят по телефону, нервно выглядывают из окон, хмурятся, переживают и ломают головы над разными проблемами. Ведь они обыкновенные люди, рожденные страдать, как и все мы.

Но что-то в его поведении меня заинтриговало. Я взглянул на часы, решил, что самое время перекусить, закурил новую сигарету и не тронулся с места. Так продолжалось минут пять. Затем из-за угла появилась зеленая машина и, подъехав к дому доктора, остановилась. На ней была установлена радиоантенна. Высокий шатен вылез из кабины, подошел к дверям докторского дома, нажал кнопку звонка и наклонился, чтобы чиркнуть спичкой о порог. Затем, подняв голову, он посмотрел на улицу, туда, где стояла моя машина. Дверь открылась, и шатен шагнул за порог. Невидимая рука задернула занавески в кабинете доктора. А я сидел и разглядывал на них узор, выцветший от солнца. Снова прошло несколько минут.

Наконец дверь распахнулась, и высокий шатен медленно спустился по ступенькам. Он бросил окурки и пригладил волосы. Потом, пожав плечами, потер подбородок и зашагал ко мне. Шаги четко раздавались в царившей вокруг тишине. Опять зашевелились занавески в кабинете. Алмор стоял у окна и ждал. Рядом с моим

локтем, лежащим на открытом окне машины, опустилась широкая веснушчатая рука, и я увидел лицо незнакомца. У него были голубые глаза стального оттенка. Пристально посмотрев на меня, он спросил:

— Вы кого-нибудь здесь ждете?

— Возможно, — сказал я.

— Отвечайте же!

— Черт возьми! — воскликнул я. — Вот и результат пантомимы!

— Какой пантомимы?

Он не отрывал от меня голубого взгляда.

Я указал сигаретой на дом доктора и пояснил:

— Нервный тип у телефона вызывает полицию, едва узнав мою фамилию в автоклубе и проверив ее в адресной книге. В чем дело?

— Документы на право езды!

Теперь он взглянул на меня неприязненно, и я отплатил ему той же монетой.

— А что, ребята, вы всегда так грубо себя ведете или только при проверке бумаг? — спросил я.

— Когда я стану грубым, вы это почувствуете.

Я наклонился, повернул ключ зажигания и нажал на акселератор. Мотор недовольно рыкнул и заработал.

— Выключи его! — нервно крикнул он, ставя ногу на подножку.

Я подчинился и откинулся на спинку сиденья.

— Дьявол! — воскликнул он. — Ты что, хочешь, чтобы я вытащил тебя из машины и разложил на мостовой?

Я достал бумажник и подал ему. Он проверил мои права и фотокопию удостоверения на право заниматься сыском, затем пренебрежительно вложил документы в бумажник, вернул мне и вынул из кармана золотистого голубой полицейский значок.

— Де Гармо, сержант полиции, — сказал он резким голосом.

— Очень приятно, сержант.

— Ерунда. А теперь объясни, зачем ты тут околачиваешься и шпионишь за доктором Алмором?

— Я не шпиону, сержант. Я никогда не слышал о докторе Алморе и не имею никаких оснований следить за ним.

Он отвернулся и сплюнул. Решительно, мне сегодня везло на плюющихся людей.

— Тогда что ты здесь делаешь? Мы не любим ищек. У нас в городе их нет.

— Правда?

— Правда. Ну, говори, если не желаешь отправиться в управление, где с тобой побеседуют по-настоящему.

Я ничего не ответил.

— Тебя наняли его родственники? — неожиданно спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Последний парень, который пытался следить за доктором, сейчас находится на принудительных работах.

— Пускай, если он их заслужил, — сказал я. — Только что он сотворил?

— Пытался выдоить из Алмора деньги.

— Жалко, что я не знаю как, — заметил я. — Он действительно напоминает дойную корову.

— Подобная болтовня может повредить тебе.

— Ладно, — сказал я. — Поговорим начистоту. Я не знаком с доктором Алмором, никогда о нем не слышал, и он меня не интересует. Я приехал сюда, чтобы встретиться с приятелем, а пока наслаждаюсь пейзажем. Я не делаю ничего такого, что может возбудить ваше любопытство. Если вам что-нибудь не нравится, мы отправимся в управление и побеседуем там с дежурным офицером.

Де Гармо переступил ногами и посмотрел на меня с сомнением.

— Это правда? — медленно спросил он.

— Чистейшей воды.

— Черт возьми, похоже, парень ошибся, — пробормотал он, взглянув на дом доктора. — Нужно возвращаться.

Он рассмеялся, но не весело, потом пригладил волосы.

— Ладно, смывайся, — сказал он. — Если не станешь совать свой нос в наши дела, у тебя не будет врагов.

Я снова включил зажигание, а когда мотор заработал, спросил:

— Как поживает Эл Поргард?

Он вытаращил на меня глаза.

— Ты знаешь Эла?

— Да. Два года назад, когда шефом полиции был Уокс, мы вместе работали.

— Эл теперь служит в военной полиции. Хотел бы я оказаться на его месте, — с горечью произнес де Гармо. Он отошел, но вдруг резко повернулся и добавил: — Ну, убирайся, пока я не раздумал.

Тяжело ступая, он исчез в доме доктора Алмора.

Я двинулся в путь. Всю обратную дорогу я размышлял. Мысли шевелились, как худые нервные руки доктора Алмора возле занавесок.

Вернувшись в Лос-Анджелес, я пообедал и отправился в свое бюро, чтобы узнать, нет ли там писем. Позвонил Кингсли.

— Я видел Лавери, — сообщил я. — Он рассердился, и мне показалось, что ему можно верить. Я попытался прижать его, но ничего не вышло. Полагаю, что они действительно поссорились и расстались. У него нет надежды исправить ситуацию.

— В таком случае он должен знать, где она, — заметил Кингсли.

— Не обязательно. Кроме того, произошло одно любопытное происшествие. На той же улице, напротив, стоит дом доктора Алмора...

Я вкратце рассказал ему о случившемся. Несколько секунд Кингсли молчал, потом спросил:

— Доктор Альберт Алмор?

— Да.

— Когда-то он лечил Кристаль. Несколько раз он приходил к нам, когда она была... ну, пьяной. По-моему, он злоупотребляет различными инъекциями. Его жена... минуточку, что-то с ней стряслось... Ага, вспомнил, она покончила с собой.

— Когда?

— Точно не скажу. Это было давно. Мы не встречались с ним. А что вы теперь собираетесь делать?

Я заявил, что думаю отправиться к озеру Пумы, хотя и приближается вечер. Он заметил, что у меня еще есть время, поскольку в горах темнеет на час позже. Я сказал, что это превосходно, и повесил трубку.

Глава 5

Сан-Бернардино задыхался от вечернего зноя. Горячий воздух буквально обжигал мне язык. С трудом удерживая руль, я притормозил на минуту, чтобы купить себе бутылку чего-нибудь покрепче на случай, если свалюсь с ног, не добравшись до гор. Дорога потянулась вверх. За двадцать пять километров она поднялась на полторы тысячи метров, но прохлада еще не наступила. Прощав еще пятьдесят километров по горам, я очутился среди сосен в местности, называемой Баблинг-Спрингс. Там имелся маленький магазинчик и бензоколонка, а человек

чувствовал себя здесь как в раю. Начиная с этого места стало прохладнее.

На плотине у озера расположилась военная охрана: двое солдат по краям и один посередине. Часовой приказал мне закрыть все окна. На поверхности воды метрах в ста от плотины протянулась веревка с пробковыми поплавками, устанавливающая запретную зону для частных. Кроме перечисленных деталей, ничто не указывало, что война уже достигла озера Пумы. По голубой воде сновали весельные лодки, пофыркивали длинные моторки. Битком набитые красивыми девушками, они поднимали волны, девушки пищали при каждом крутом повороте. Тихо покачивались лодки рыбаков-любителей, которые, отдавая по два доллара за разрешение, пытались наловить рыбы на десять центов.

Дорога извивалась среди отвесных скал, бежала мимо лугов, покрытых жесткой травой, дикими ирисами и сухими кустарниками. Высокие темные сосны поднимались к лазурному небу. Теперь дорога пролегла по берегу озера. Тут пейзаж оживляли девушки в брючках, косыночках и босоножках на толстых подошвах. По шоссе осторожно продвигались велосипедисты, а по озеру время от времени кто-нибудь с напряженным лицом пронесся на скутере.

Незадолго до деревни показалась развилка. Более узкое ответвление поднималось в горы. «*Озеро Оленят — 2,8 километра*», — прочитал я на табличке и направился туда.

Сначала мне еще попадались отдельные домики, но потом местность стала безлюдной, и последовала новая развилка с табличкой: «*Озеро Оленят, частная дорога. Въезд воспрещен*».

Я осторожно покотился туда между гранитных скал, миновал небольшой водопад, пробрался сквозь окутанную тишиной чащу черных дубов, железного дерева и магнонии. Сойка прокричала мне какое-то приветствие, а белка выругалась и сердито ударила лапкой по сосновой ветке. Дятел перестал долбить дерево, искося взглянул на меня и спрятался за ствол. Я подъехал к воротам с очередной табличкой.

За ними метров на триста тянулись деревья, потом неожиданно передо мной, подобно капле росы на сморщенной листе, блеснуло небольшое овальное озеро, окруженное кустами, скалами и травой. На ближнем берегу высилась бетонная плотина с веревочной оградой,

а сбоку торчало старое мельничное колесо. Неподалеку стоял небольшой домик из сосновых бревен, очищенных от коры. На другой стороне, почти у самой воды, виднелся отличный дом из красного дерева. Венецианские жалюзи его окон были спущены, немного поодаль стояло два похожих строения. Во всех трех не было никаких признаков жизни. Кроме того, я заметил на озере какое-то сооружение: причал или павильон для оркестра. На стене павильона висела доска, на которой большими буквами значилось: «*Лагерь Килькар*». Для меня эти слова были лишены смысла. Я выбрался из машины и приблизился к домику.

Откуда-то доносился стук топора. Я забарабанил в дверь. Топор затих, и я услышал мужской голос. Я сел на камень и закурил. Раздались чьи-то неровные шаги. Из-за домика показался мужчина с топором в руке. Он был кряжист и невысок, к тому же хромал, слегка выбрасывая вперед правую ногу. Его щеки заросли давно не бритой щетиной, а взлохмаченные волосы явно скучали по ножницам. На смуглом морщинистом лице светились голубые глаза. Расстегнутый ворот синей рубашки обнажал мускулистую загорелую шею. Штаны тоже были синие. Из угла его рта свисала сигарета.

— Ну?

— Мистер Билл Чейз?

— Да, это я.

Он говорил с явным городским акцентом.

Я поднялся и вручил ему рекомендательное письмо Кингсли. Он с минуту смотрел на конверт, потом заковылял к домику и вернулся уже с очками на носу. Дважды перечитав записку, он убрал ее в карман рубашки, застегнул его и протянул мне руку.

— Очень рад с вами познакомиться, мистер Марлоу.

Мы обменялись рукопожатием.

— Вы хотите осмотреть дом Кингсли? Я все охотно покажу. Надеюсь, он не собирается его продавать?

Он смотрел на меня в упор, направив палец на другой берег озера.

— Кто знает, — ответил я. — В Калифорнии все продается.

— Верно. Вон то строение из красного дерева. Плотницкая работа из горной сосны, каменный фундамент и терраса, ванная, душ, венецианские жалюзи, камин, керосиновая печь в главной спальне — все высшего качества. Стоит около восьми тысяч, и только потому, что расположен в горах. На холме работает частная водочка.

— А как с электричеством и телефоном? — из вежливости поинтересовался я.

— С электричеством все в порядке, а телефона нет. Сейчас подключиться невозможно, да и проводка обошлась бы в бешеные деньги.

Мы смотрели друг на друга. Он выглядел как настоящий пьяница: красный нос, налитые кровью глаза.

— Здесь еще кто-нибудь живет? — спросил я.

— Нет, никого. Миссис Кингсли навевывалась недели три назад, а потом уехала. Полагаю, она вернется в ближайшее время. Он ничего об этом не говорил?

Я изобразил недоумение.

— А зачем? Разве они отравились домой вместе?

Он нахмурил лоб, покачал головой и разразился смехом, напоминающим шум трактора.

— Вот так штука, — фыркнул он наконец. — Разве они уехали вместе...

Он снова рассмеялся, а потом его рот захлопнулся, как клапан.

— Да, у них тут хороший домик, — сказал он, внимательно вглядываясь в меня.

— А постели там удобные? — спросил я.

Он усмехнулся.

— Кажется, вы принимаете меня за дурака, — заметил он.

Я широко открыл глаза.

— Не понимаю. На что вы намекаете?

— Почему я знаю, удобные там постели или нет? — сердито проворчал он.

— А почему бы вам и не быть в курсе, — возразил я. — Впрочем, можете не отвечать, я сам увижу.

— Ладно, — буркнул он. — Вы считаете, я не разгадал ваших штучек? Наверное, мистер Кингсли нанял шпиона, чтобы тот проверил, не надеваю ли я его пижамы. Слушайте, вы, несмотря на мою деревяшку, женщины еще поглядывают на меня.

— Напрасно обижаетесь, — попытался я утихомирить своего собеседника. — Я приехал не для того, чтобы влезать в ваши любовные дела. Я никогда не видел миссис Кингсли, а ее мужа впервые встретил сегодня утром. В чем дело, черт побери?

Он опустил глаза и стиснул зубы, будто пытался вдавить обратно слова, готовые сорваться с языка. Пальцы его дрожали.

— Прошу прощения, мистер Марлоу, — произнес

он. — Вчера я маленько выпил, и теперь голова что-то плохо варит. Я проторчал здесь целый месяц совсем один и начал туго соображать. К тому же у меня случилась одна неприятность.

— Может, хотите хлебнуть?

В его глазах блеснул огонек.

— А у вас есть с собой?

Я достал бутылку и повернул ее так, чтобы он разглядел зеленую этикетку.

— Слишком хорошо для меня, честное слово, слишком хорошо. Подождите, я сейчас принесу стаканы. А может, войдете в дом?

— Предпочитаю посидеть здесь. Мне нравится этот пейзаж.

Он опять заковылял к домику, вскоре вернулся с двумя стаканами и тяжело опустился на камень рядом со мной. Я откупорил бутылку и налил ему три четверти стакана, а себе чуть-чуть. Мы чокнулись и выпили. Лицо его прояснилось.

— Первоклассное виски, — крикнул он. — Сам не понимаю, почему я вас так принял. Здесь можно совершенно спать. Рядом ни души. Ни друзей, ни жены. — После паузы он прибавил: — Особенно жены не хватает.

Он долго вглядывался в голубую воду озера. Из-под нависающей скалы выскочила рыба, блеснула в воздухе чешуей и исчезла. Легкое дуновение ветра зашевелило верхушки сосен, и они зашумели, как набегающая волна.

— Она меня бросила, — сказал он. — Ровно месяц назад. В пятницу двенадцатого июня. Я навсегда запомнил этот день.

Я сидел, затаив дыхание, и осторожно доливал виски в его стакан. Двенадцатого июня исчезла миссис Кингсли.

— Наверное, вам неинтересно об этом слушать, — продолжал он. Однако в его поблекших глазах выразилось страстное желание как можно больше об этом говорить.

— Меня это действительно не касается, — заметил я. — Но если вы хотите...

— Два парня садятся в парке на скамью и начинают беседовать о боге, — изрек он, качая головой. — Вы наблюдали такое когда-нибудь? Не существует человека, который не захотел бы поговорить о боге с первым встречным.

— Бывает, — подтвердил я.

Он махом осушил стакан и взглянул на противоположный берег озера.

— Она была красивой женщиной,— мягко сказал он.— Временами резкой, но очень красивой. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Я встретил Мэриел в одном ресторане Риверсайда год и три месяца назад. Ресторан был не такого рода, где можно надеяться на встречу с девушкой, похожей на Мэриел, но так случилось. Мы повенчались. Я крепко любил ее, и мне было с ней хорошо. Но я не смог жить с ней честно, оказавшись негодяем.

Я шевельнулся, чтобы напомнить ему, что он говорит с совершенно посторонним человеком, но не произнес ни слова, боясь прервать его монолог. Я даже не притронулся к виски. Когда меня использовали в качестве дневника, я воздерживался от выпивки.

Он печально продолжал:

— Вы знаете, как это получается в семье... почти в каждой. Через какое-то время бездельник вроде меня начинает приударять за другой девчонкой. Ему хочется познакомиться с посторонней бабой. Возможно, это очень плохо, но так бывает.

Он посмотрел на меня, и я кивнул головой. Он высосал очередной стакан, и я протянул ему бутылку. Голубая сойка над нашими головами перескакивала с ветки на ветку.

— Да-а,— протянул Билл.— Все, кто живут в горах, сходят с ума от тоски, и я тоже. А казалось бы, что может быть лучше? Жилье мне ничего не стоит, жалованье хорошее, половину своих денег я вложил в облигации военного займа. Женился на такой красивой блондинке, какой вы, пожалуй, и в глаза не видели, и вот, сам все испортил. Наткнулся я на нечто...— Он кивнул на дом красного дерева на другом берегу озера.— Возле собственного двора, перед своими окнами спутался с бабой, которая ровным счетом ничего для меня не значила. Иисусе, каким только может стать человек!

Он снова выпил и поставил бутылку на камень. Затем достал из кармана рубашки сигарету, чиркнул спичкой о ноготь и выпустил клуб дыма. Я дышал открытым ртом тихо, как ночной взломщик.

— К черту! — прибавил Билл.— Может, вы думаете, что я блудил где-нибудь на стороне и выбрал женщину другого типа? Так ничего подобного. Эта маленькая трещотка — такая же блондинка, как и Мэриел, того же

сложения и роста. Красивая, конечно, но куда ей до моей жены! Ну так вот, я сжигал мусор в то утро и ничего вокруг не замечал. А она выходит ко мне в модной пижаме, такой прозрачной, что сквозь нее видны даже веснушки на спине. И говорит своим ленивым, ничего не стоящим голосом: «Выпей, Билл. Зачем тебе столько работать в такой хороший день?» Выпить я никогда не прочь, а потому отправляюсь на кухню и приканчиваю стаканчик. Потом другой и третий, и вот я уже в комнате. И чем ближе я подхожу к этой женщине, тем яснее вижу постель в ее глазах.

Он замолчал и сурово посмотрел на меня.

— Вы спрашивали, хороши ли постели в этом доме, а я рассердился. У вас ничего не было на уме, а у меня кое-что было. Да... постель, в которой я лежал, оказалась очень удобной.

Он замолчал, в полной тишине снова взял бутылку и стал вглядываться в нее. Казалось, в нем происходит борьба, но, как обычно, победило виски. Он сделал большой глоток прямо из бутылки и заткнул горлышко пробкой, словно это имело теперь какое-то значение. Потом схватил камень и швырнул его в воду.

— Я вернулся через плотину,— медленно продолжал он охрипшим от виски голосом.— Чувствовал себя неважно, но я просто воспользовался тем, что само плыло в руки. Как мы, мужчины, часто ошибаемся в подобных вещах. Ничем я не пользовался. Ерунда! Помню слова Мэриел, она даже голоса не повысила. Обо мне говорила. Вы и представить себе не можете, что!

— И она ушла от вас? — спросил я.

— Той же ночью. Меня тогда не было дома. Я ощущал себя таким подлецом, что должен был напиться. А потому сел в свой «форд» и поехал на север, захватив двух таких же бездельников, как я сам. Мы накачались в дрезину. Не скажу, чтобы мне это очень помогло. Часам к четырем утра вернулся я домой, но Мэриел уже не было. Она уехала, забрав все свои вещи, ничего не оставила, кроме записки на туалетном столике и следов помады на подушке.

Он вытащил из старого порванного бумажника страничку блокнота и подал мне. Там была пара карандашных строчек:

«Мне очень жаль, Билл, но лучше смерть, чем дальнейшая жизнь с тобой.»

Мэриел.

Я вернул ему записку.

— А что с той женщиной? — указал я на другой берег озера.

Билл Чейз поднял очередной камешек и бросил в воду, стараясь, чтобы он запрыгал по поверхности. Но это ему не удалось.

— С той — ничего, — ответил он. — Запаквала вещи и уехала в ту же ночь. С тех пор я ее не видел, да и не хочу видеть. От Мэриел я не получил ни слова. За весь месяц ни единого. Возможно, она завела себе кого-нибудь другого. Надеюсь, он обходится с ней лучше, чем я.

Билл встал, вынул из кармана ключ и продемонстрировал его мне.

— Если хотите пройти на ту сторону и осмотреть дом Кингсли, это можно устроить. Спасибо за угощение и за то, что выслушали мою историю. Пошли.

Он поднял бутылку с жалкими остатками виски и вручил ее мне.

Глава 6

Мы прошагали по берегу озера, а потом поднялись на узкую плотину. Билл Чейз шел, выбрасывая вперед свой протез и придерживаясь за веревку, заменявшую перила. В одном месте вода лениво переливалась через бетон.

— Сегодня я спустил немного воды с помощью вон того колеса, — обернувшись, сказал он. — Только за тем оно и нужно. Три года назад здесь построили декорации, снимали какой-то фильм. Волнорез по другую сторону озера — тоже работа киношников. Большую часть своих сооружений они разобрали, но Кингсли уговорил их оставить волнорез и мельничное колесо. Это создает настроение.

Мы поднялись вместе с Биллом по широким деревянным ступенькам на крыльцо дома Кингсли. Он отпер дверь, и мы словно попали в теплицу. В помещении было жарко и душно. Солнечный свет проникал между планками жалюзи и лился узкими полосами на пол. Гостиная была просторная, веселая, устланная коврами. Ее украшала мебель из гнутых металлических труб. Всюду висели кретоновые занавески. Паркетный пол был из секвойи. В одной из стен размещался бар. Комната блистала чистотой, и не верилось, что ее поспешно оставили. Мы осмотрели спальни. В двух стояло по две кровати, а в третьей — одна двухспальная, застланная кремовым

покрывалом. Это была спальня хозяйки, как сообщил мне Билл Чейз. На туалетном столике теснилось множество бутылочек и баночек с различными косметическими средствами, сосуды из зеленой эмали и хромированной стали. На двух баночках с кремом красовалась фабричная марка «Джиреллен компани». Целую стену спальни занимали шкафы с раздвижными дверцами. Я открыл один и заглянул в него. Он был забит женскими летними туалетами. Чейз следил за мной с кислым видом. Закрыв дверцы, я выдвинул ящик. В нем находилась по меньшей мере дюжина совсем новых, ненадеванных туфель. Задвинув ящик, я поднялся. Билл Чейз стоял передо мной, упревая руки в боки.

— Зачем вы осматривали платья? — сердито поинтересовался он.

— На то есть основания, — ответил я. — Ведь миссис Кингсли так и не вернулась домой. Ее муж не знает, где она.

Он опустил руки.

— Сыщик, — пробормотал Билл. — Первая мысль всегда самая верная. А я-то дурак открыл ему всю душу! Исповедовался перед ним. Ну и осел!

— Постараюсь оправдать доверие, как подобает личному человеку, — бросил я и прошел в кухню.

Там имелись большая бело-зеленая печка, водослив, автоматическое отопление. Из кухни двери вели в светлую столовую. На полках стояла посуда. Все было в идеальном порядке: ни одной грязной тарелки, невымытой рюмки или пустой бутылки. Ни следа мух. Если даже миссис Кингсли и вела цыганский образ жизни, то бедлама после себя не оставляла. Через гостиную я вышел на крыльцо, ожидая, пока Билл запрет дверь. Когда он наконец повернулся с хмурым видом, я сказал:

— Я не просил вас открывать свою душу, но и мешать не стал. Кингсли не должен знать, что его жена соблазнила вас, если за всем этим не кроется что-то еще.

— Убирайтесь к черту! — сердито проворчал он.

— Хорошо, уберусь. Но ответьте сперва, могло так случиться, что ваша жена и миссис Кингсли уехали вместе?

— Не понимаю.

— Пока вы ходили топить свое горе, они могли поругаться, а потом помириться и поплакать друг у друга в объятиях. И позднее миссис Кингсли увезла вашу жену. У жены была машина?

Это звучало изумительно глупо, но он все принимал всерьез.

— Чепуха. Мэриел не плакала ни в чьих объятиях. Она вообще никогда не плакала. А если уж захотела бы выплакаться, то не перед такой исповедницей. Что касается машины, у нее был свой «форд». Она не ездила в моей машине, поскольку управление в ней приспособлено для протеза.

— Мне только сейчас пришло это в голову,— миролюбиво пояснил я.

— Если придет еще что-нибудь подобное, лучше держите это при себе.

— Вы дьявольски обидчивы для человека, который столь рьяно стирает свое грязное белье перед чужими людьми.

Он шагнул ко мне.

— Нарывается на драку?

— Слушайте, вы,— произнес я.— Я изо всех сил стараюсь не терять терпения. По-моему, вы порядочный человек. Способны вы хоть немного помочь мне?

С минуту он лишь тяжело дышал, потом беспомощно опустил руки.

— Человече, если бы я мог кому-нибудь помочь...— вздохнул он.— Давайте прогуляемся по берегу озера.

— Охотно, если позволит ваша нога.

— Я уже не раз там ходил.

Мы пошли рядом, как две хорошо воспитанные собаки. Дорожка, достаточно широкая для автомобиля, тянулась вдоль берега. На половине пути я заметил маленькую хижину на скале. Чуть дальше виднелась другая такая же. Обе были заперты, и казалось, что в них давно никто не живет.

Через пару минут Чейз заговорил:

— Значит, эта баба пропала?

— Похоже на то.

— Вы настоящий полицейский или только частный?

— Только частный.

— Она удрала с каким-нибудь парнем?

— Очень возможно.

— Наверняка. Она настоящая пустышка. Кингсли должен знать об этом. У нее полно любовников.

— Здесь тоже?

Он ничего не ответил.

— А среди них был некий Лавери?

— Понятия не имею.

— Что до этого парня, то тут нет никакого секрета, объяснил я.— Она послала телеграмму из Эль-Пасо, что выезжает вместе с ним в Мексику.

Я достал депешу и протянул Биллу. Он вытащил из кармана очки и остановился, чтобы прочесть текст. Возвращая мне листок, он вновь спрятал очки и посмотрел на воду.

— Как видите, я плачу доверием за доверие,— заметил я.

— Лавери приезжал сюда,— медленно произнес Билл.

— Он признался, что виделся с ней месяца два назад, возможно, здесь. Но утверждает, что с той поры ее не встречал. Нам неизвестно, заслуживает ли он доверия.

— А разве теперь она не с ним?

— Он отрицает это.

— Не думаю, чтобы она шутила с такими вещами, как брак,— убедительно заявил он.— Провести медовый месяц во Флориде — было бы в ее вкусе.

— Может, вы сообщите мне какие-нибудь сведения? Например, вы видели, как она уезжала?

— Нет,— ответил он.— А если бы видел, то вряд ли бы сказал. Я, конечно, свинья, но не до такой степени.

— Хорошо. Во всяком случае, спасибо за доброе намерение.

— Не за что меня благодарить,— проворчал он.— По мне, так пускай черти заберут всех легавых и вас заодно.

— Мы начинаем повторяться,— заметил я.

Мы подошли к берегу. Я покинул Билла и поднялся на маленький мол. Опершись на деревянные поручни, я рассмотрел предмет, казавшийся издали павильоном для оркестра: это попросту были две дощатые стены, стоявшие углом к плотине. Билл топтался сзади меня.

— Все же я благодарен за угощение,— изрек он.

— Пустяки. В озере водится рыба?

— Кое-какая мелочь. Я не любитель рыбной ловли, она меня не интересует. Но извините, я опять ответил невежливо.

Я улыбнулся и, наклонившись над перилами, стал всматриваться в воду. Она была совсем зеленая. Вдруг я заметил какое-то движение: что-то мелькнуло в глубине и мгновенно исчезло.

— Верно, рыба! — воскликнул Билл.— Ого, какая большая!

Под водой находилось что-то вроде дощатого

настила, расположенного там непонятно зачем. Я спросил о нем Чейза.

— Еще до постройки плотины здесь была лодочная пристань. Плотина подняла уровень воды метра на полтора, и старая пристань теперь затонула.

У конца волнореза тихо покачивалась привязанная плоскодонка. Пронизанный солнцем воздух был спокоен и ласков, вокруг царила такая тишина, о которой в городе нельзя и мечтать. Наверное, я простоял бы так многие часы, совершенно забыв о Деррассе Кингсли, его жене и ее любовниках.

Вдруг Билл сделал резкое движение и крикнул:

— Смотрите!

Его голос прозвучал, как удар грома в горах. Своими сильными пальцами он так сжал мне руку, что я с трудом освободился. Он наклонился над перилами, глядя в воду, его загорелое лицо побледнело. Я тоже посмотрел в направлении затопленной пристани. Из-под покрытого тинной настилы что-то выглянуло, шевельнулось и снова скрылось под досками. Этот предмет очень напоминал человеческую руку. Билл резко выпрямился, развернулся и зашагал к волнорезу. Нагнувшись над кучей лежащих там камней, он с трудом поднял один из них. Я слышал его хрипловое дыхание. Прижимая ношу к груди, он вновь подошел ко мне. Камень был тяжелый, килограммов, наверное, в пятьдесят. Мышцы Чейза напряглись под смуглой кожей, как веревки, зубы сжались. Дойдя до конца мола, Билл остановился и высоко поднял камень. Так простоял он несколько мгновений, взглядом измеряя расстояние. Наконец из его уст вырвался нечленораздельный звук, тело перегнулось через поручни, и тяжелый камень полетел в озеро. Струи воды взметнулись вверх. Камень упал куда нужно и ударил почти в то место затопленной пристани, где мы заметили таинственно выглянувший и исчезнувший предмет. Побурлив немного, вода стала успокаиваться, и тут послышался глухой шум, будто треснуло дерево под водой. Старая прогнившая доска выскочила на поверхность и отплыла в сторону. Вода в озере снова прояснилась. Что-то еще медленно двигалось в глубине, но только не доска. Темный предмет вращался, постепенно всплывая. Я разглядел темно-серый свитер, черную кожаную куртку и брюки. Затем ботинки и какую-то отвратительную массу между ними и манжетами брук. Потом увидел волну светлых волос, словно для большего эффекта, извивающихся в воде.

Вскоре на поверхности появилась рука с призрачными пальцами, а вслед за ней и лицо. Оно являло собой разбухшую клейкую белесую массу, без глаз и губ, страшный призрак с человеческими волосами. Массивное ожерелье из зеленых крупных негранных камней, соединенных чем-то блестящим, висело на том, что некогда было шеей. Билл Чейз впился в поручни, и суставы его пальцев побелели от напряжения.

— Мэриел! — хрипло крикнул он. — Великий боже, это Мэриел!

Мне показалось, что его голос доносится откуда-то издалека, из-за холма и безмолвной темной массы деревьев.

Глава 7

За окном барака виднелся громадный стол, заваленный пыльными папками. На верхней застекленной половине двери красовалась надпись:

«Командант полиции. Комендант пожарной охраны. Городской констебль. Торговая палата».

Ниже к стеклу были приклеены государственный герб и эмблема красного креста. Я вошел внутрь. В одном углу помещения располагалась широкая печь, в другом — стол за барьером. Почти всю стену занимала большая карта округа, рядом с ней притулилась вешалка с четырьмя крючками. На ней висело пальто с потрепанными полами. На барьере лежала малярная кисть и стояла бутылка с чернилами. Стена за столом была исписана телефонными номерами, причем почерк выглядел детским, но надписи были сделаны так основательно, что, вероятно, не стерлись бы до окончания века.

За столом в большом деревянном кресле сидел мужчина внушительных размеров. У правой ноги его стояла плевательница таких габаритов, что в ней мог бы свободно поместиться пожарный шланг. На голове мужчины красовалась старая стетсоновская шляпа, его громадные безволосые руки покоились на животе чуть выше пояса. Штаны цвета хаки, похоже, прослужили бесценно не одно десятилетие, да и рубашка полностью соответствовала им. Его волосы имели пепельный оттенок, а на висках серебрились. Человек сидел, склонившись влево, поскольку справа висела огромная кобура, из которой торчала рукоятка кольца сорок пятого калибра. Звезда на его рубашке была без одного угла. Мужчина обладал

большими ушами, мягкими глазами и непрестанно двигающимися челюстями. По виду он был грозен, как белка, только не суетлив. Мне он сразу очень понравился. Я наклонился над барьером, и мы посмотрели друг на друга. Он кивнул и выплюнул в плевательницу по меньшей мере полстакана табачной жвачки. Я закурил и поискал глазами пепельницу.

— Страхивай прямо на пол, сынок,— сказал этот симпатичный толстяк.

— Вы шериф Паттон?

— Я констебль и помощник шерифа, олицетворяющий собой все полицейские власти в этих краях, по крайней мере до следующих выборов. Двое ребятшек тоже пытаются заполучить эту должность и могут меня выжить. Я получаю восемьдесят долларов в месяц, квартиру, топливо и электричество, а это немало для жизни в горах.

— Никто вас отсюда не выживает,— заявил я.— Вы сумеете сделать себе неплохую рекламу.

— Вот как? — с любопытством спросил он и снова пополнил плевательницу.

— Конечно если ваша юрисдикция распространяется на озеро Оленят.

— Владения Кингсли. Да. А что? Там что-нибудь произошло, сынок?

— В озере найдена мертвая женщина.

Мое сообщение глубоко потрясло его. Он развел руками и почесал пальцем ухо, затем поднялся, опираясь о ручки кресла, и оттолкнул его ногой. Стоя он выглядел крепким широкоплечим мужчиной.

— Кто-нибудь, кого я знаю? — неуверенно спросил он.

— Мэриел Чейз. Полагаю, вы с ней знакомы. Жена Билла Чейза.

— Да, Билл Чейз мне известен.— В его голосе появилась уверенность.

— Похоже на самоубийство. Она оставила записку, которую можно понять в том смысле, что она просто оставляет мужа. Но можно прочитать и как послание самоубийцы. Не скажу, чтобы труп выглядел привлекательно. Похоже, тело пролежало в воде около месяца.

Он почесал другое ухо.

— А что вам известно о случившемся?

Его глаза испытующе вглядывались в мое лицо, но в то же время держался он непринужденно. Вряд ли Паттон был склонен проявлять поспешность.

— Месяц назад они поссорились. Билл уехал на север

и провел там несколько часов. А когда вернулся, жены уже не застал. С той поры он больше ее не видел.

— Понятно. А кто ты, сынок?

— Моя фамилия Марлоу. Я приехал из Лос-Анджелеса осмотреть дом Кингсли. У меня была от него записка, адресованная Биллу Чейзу. Мы с Биллом прогуливались возле озера и дошли до маленького мола, построенного кинематографистами. С мола посмотрели в воду. И вдруг из-под досок затопленной пристани появилось нечто, похожее на руку. Билл бросил тяжелый камень, и тело всплыло наверх.

Паттон глядел на меня, но на лице его не дрогнула ни одна жилка.

— Послушайте, шериф, а не лучше было бы поскорее отправиться туда? Парень почти спятил от потрясения, и он там один.

— Много он выпил?

— Не очень. Вообще-то я привез с собой бутылку, но большую часть мы прикончили вдвоем во время беседы.

Паттон подошел к столу, открыл ящик, вынул из него три или четыре бутылки и посмотрел на свет.

— Маленькая почти полная,— сказал он, поглаживая одну из них.— Это должно его подкрепить. Округ выделяет мне денег на служебное виски. Вот и приходится промышлять самому. Я виски в рот не беру и никогда не понимал тех, которые его пьют.

Он сунул бутылку в карман штанов, запер стол и вылез из-за барьера. За дверное стекло он засунул листок бумаги. На нем значилось:

«Возможно, вернусь через 20 минут».

— Сейчас я помчусь за доктором Холлисом,— сказал он.— Вернусь мигом и возьму вас с собой. А это не ваша машина?

— Моя.

— Тогда вы сможете ехать за нами.

Он сел в автомобиль, снабженный сиреной, двумя красными фонарями, противотуманными фарами, несколькими пожарными топорами, пожарным насосом, бочкой с водой, баками с бензином, запасными шинами и множеством других вещей. К машине был приклеен плакат:

«Внимание: снова избирайте помощником шерифа Джима Паттона! Он слишком стар, чтобы работать!»

Нажав на акселератор, он тронулся в путь, поднимая облака пыли.

Паттон остановился перед небольшим деревянным домом, вошел в него и тотчас вернулся вместе с каким-то мужчиной, усевшимся в машину сзади, рядом с топорами и насосом. Я покатил вслед за ними. Повсюду сновали женщины в брючках, повязанные платками, с ярко накрашенными губами. Доехав до холма, мы снова остановились перед очередным маленьким домиком. Паттон деликатно нажал на сирену, и дверь открыл мужчина в выцветшем голубом комбинезоне.

— Садись, Энди, срочное дело.

Человек в голубом комбинезоне кивнул и вернулся в домик. Вскоре он вышел в серой шляпе и сел за руль на место Паттона, который подвинулся в сторону. Мы направились к озеру Оленят. По дороге я досыта наглотался пыли. Паттон вылез из машины, приблизился к берегу и посмотрел в сторону мола. Голый Билл Чейз сидел на волнорезе, закрыв лицо руками. Что-то лежало рядом с ним на мокрых досках.

— Мы можем подъехать поближе,— сказал Паттон.

Машина подрулила к молу, и вся наша четверка собралась возле Билла. Доктор остановился, судорожно закашлялся, придерживая платок у рта, а потом внимательно взглянул на Чейза. Доктор был худым, с водянистыми глазами и болезненным лицом. То, что мы увидели возле Билла, оказалось трупом женщины, лежащим на досках вниз лицом. Под мышками у нее была веревка, а рядом валялась одежда Билла. Он вытянул свой протез, а на другую ногу, согнутую в колене, положил голову. На нас он не взглянул и даже не шевельнулся. Паттон достал бутылку виски, откупорил и протянул ему.

— Сделай хороший глоток, Билл.

Воздух был пропитан невыносимым, ужасающим смрадом. Но казалось, что ни Билл, ни Паттон, ни доктор его не замечают. Человек по имени Энди достал из машины одеяло и накрыл им тело, а потом, ни слова не говоря, отошел в сторону. Билл выпил по меньшей мере полбутылки, затем поставил ее, придерживая рукой, у колена. Он заговорил сухим деревянным голосом, ни на кого не глядя и ни к кому не обращаясь. Поведал о ссоре с женой, о том, что случилось позже, однако не упомянув о причине размолвки. Имя миссис Кингсли вообще не было произнесено. Билл сказал, что после моего отъезда он принес веревку, разделся, полез в воду и вытащил

тело. Он и сам не знал зачем. Паттон молча жевал табак, и его добрые глаза ничего не выражали. Потом он стиснул зубы и наклонился, чтобы приподнять одеяло. Заходящее солнце отразилось в ожерелье из крупных зеленых камней, сжимавшем распухшую шею. Паттон выпрямился и высморкался в платок.

— Что скажешь, доктор?

— По поводу чего? — спросил человек с бледным лицом.

— Причины и времени смерти.

— Не будь дураком, Джим.

— Значит, ничего не скажешь?

— Ты только посмотри на это. Великий боже!

Паттон вздохнул и произнес:

— Похоже, она сама утопилась. Но никогда нельзя быть уверенным. Бывали случаи, когда людей убивали ножом или отравляли, а потом бросали в воду, чтобы скрыть следы.

— И много перед тобой прошло таких случаев? — иронически спросил доктор.

— Клянусь богом,— ответил Паттон, искоса поглядывая на Билла,— единственное настоящее преступление произошло тогда, когда кто-то прикончил старого Мешона на северном берегу. У него был домик в Пиди-Каньон, туда он приезжал на лето мыть золото на старом участке. А поздней осенью его долгое время никто не встречал. Потом был страшный снегопад, и крыша его дома в одном месте провалилась. Мы отправились починить ее, убежденные, что Мешон уехал на зиму, никому ничего не сказав, как часто делают старые золотоискатели. Но не тут-то было, Мешон никуда не уезжал. Он лежал на кровати: кто-то вогнал ему в череп топор. Мы так и не выяснили, чья это была работа. Вероятно, убийца полагал, что у Мешона припрятаны мешочки с золотым песком.

Шериф задумчиво взглянул на Энди, а тот чмокнул губами и произнес:

— Да нет же, мы все отлично знаем. Мешона убил Ги Поп. Но все дело в том, что Ги умер от воспаления легких за девять дней до того, как мы обнаружили труп.

— За одиннадцать дней,— поправил Паттон.

— Нет, за девять,— настаивал на своем Энди.

— Это было шесть лет назад. Ну, ладно, пусть будет по-твоему, сынок. Так, значит, Ги убил его?

— Кроме золотого песка в хижине Ги мы обнаружили

около трех унций золота в самородках. На участке Ги кроме песка отродясь ничего не водилось, а Мешон порой находил самородки.

— Верно, так и было,— согласился Паттон, робко усмехаясь.— Человек вечно что-нибудь забывает, как бы ни старался все запомнить.

— Полицейская работа,— с отвращением изрек Билл Чейз. Он натянул штаны и уселся, чтобы надеть рубаху и ботинки. Затем поднялся, взял бутылку и, сделав большой глоток, отшвырнул ее прочь. Вдруг он протянул Паттону свои волосатые руки.

— Если вы так рассуждаете, то наденьте мне наручники и дело с концом! — яростно крикнул он.

Не обращая на него внимания, Паттон подошел к краю помоста и посмотрел в воду.

— Странно, что тело обнаружилось именно здесь,— заметил он.— Ведь в озере нет никакого течения, а если и есть, то очень слабое. Тело должно было всплыть на поверхность.

Билл Чейз опустил руки и спокойно проговорил:

— Она сама это совершила, дуралей. Мэриел отлично плавала. Она нарочно нырнула и подплыла под доски, чтобы утопиться. Она должна была так поступить, не видя другого выхода.

— Я бы не сказал этого, Билл,— мягко возразил Паттон. Его глаза имели не больше выражения, чем новые пуговицы.

Энди покачал головой. Паттон взглянул на него.

— Тебе опять что-нибудь пришло на ум, Энди?

— Это было за девять дней, говорю я тебе. Я еще раз все прикинул,— ответил Энди.

Доктор отошел в сторону, держась руками за голову. Он снова закашлялся и вытер платком губы. Паттон подмигнул мне и сплюнул в воду.

— Над этой историей стоит подумать. Ты пробовал когда-нибудь протащить труп под водой?

— Нет. А нельзя ли это сделать при помощи веревки?

Энди пожал плечами.

— От веревки на теле могли остаться следы, и убийца выдал бы себя. А раз так, то зачем ему мучиться и прятать труп?

— Чтобы выиграть время,— ответил Паттон.— Может, убийце нужно было закончить кое-какие дела.

Билл выругался и снова потянулся к бутылке. Глядя

на серьезные лица шерифа и Энди, я никак не мог понять, о чем они думают. Неожиданно Паттон медленно и значительно проговорил:

— Я слышал, что было оставлено письмо.

Билл вытащил бумажник и протянул ему смятый листок. Паттон не спеша несколько раз прочитал записку.

— Здесь нет числа,— заметил он наконец.

Билл хмуро покачал головой.

— Да. Она оставила меня месяц назад. Двенадцатого июня.

— Но и прежде она уже оставляла тебя, не так ли?

— Да.— Билл пристально взглянул на него.— Тогда я напился и переночевал у какой-то девки. Это было в декабре прошлого года. Жена ушла, но вернулась через две недели. Сказала, что уезжала по делу и останавливалась у одной приятельницы, с которой вместе работала в Лос-Анджелесе.

— И как зовут эту приятельницу? — спросил Паттон.

— Она не сообщила, а я не спрашивал. Все, что делала Мэриел, было для меня свято.

— Понятно. А в тот раз она написала письмо? — спокойно спросил Паттон.

— Нет.

— Бумага очень измята,— заметил Паттон.

— Я таскал ее с собой целый месяц,— пробормотал Билл.— Кто тебе сказал, что она уже убежала от меня?

— Не помню,— уклончиво ответил Паттон.— Знаешь, как это бывает в таком местечке: соседи все знают друг о друге. Только летом, когда сюда съезжаются дачники, можно кое-что скрыть.

Наступило молчание, потом Паттон подчеркнуто спросил:

— Ты утверждаешь, что она уехала двенадцатого июня? То есть ты думал, что она уехала? А соседи, живущие у озера, еще были здесь в ту пору?

Билл посмотрел на меня, и лицо его снова потемнело.

— Спроси лучше этого шпика, если он тебе и так все выболтал.

Паттон даже не взглянул в мою сторону. Он не отрывал глаз от цепи гор, лежащих далеко за озером.

— Мистер Марлоу вообще ничего мне не рассказывал, Билл. Он только сообщил, что тело всплыло на поверхность, а ты думал, будто Мэриел уехала. Кроме того, он сказал, что она оставила записку, которую ты ему показывал. По-моему, в этом нет ничего плохого.

Снова наступила тишина. Билл смотрел на прикрытое одеялом тело, лежащее в двух шагах от него. Он стиснул руки, по щеке его катились крупные слезы.

— Здесь была миссис Кингсли,— произнес он.— Она уехала в тот же день. В остальных домах никого не было. Мистер Перри и мистер Фаркуер не появлялись этим летом.

Паттон молча кивнул головой. Снова воцарилось молчание. Казалось, что-то невысказанное было ясно для всех, и об этом не стоило говорить. Вдруг Билл Чейз дико завопил:

— Вяжите меня, сукины дети! Конечно, это моя работа! Я утопил ее! Она была моей женой, и я любил ее. Я бездельник, всегда им был и останусь бездельником, но, несмотря на это, я любил ее. Только вам не понять меня. И не пытайтесь. Берите меня, и черт с вами!

Никто не сказал ни слова. Билл Чейз посмотрел на свою сильную загорелую руку. Потом сжал ее в кулак и изо всех сил ударил себя по лицу.

— Ты, проклятый негодяй! — хрипло выкрикнул он страшным голосом.

Из его носа медленно потекла кровь. Она лилась по губам и подбородку на рубашку. Паттон спокойно заметил:

— Конечно, я должен взять тебя на допрос, Билл. Ты же знаешь. Мы ни в чем тебя не обвиняем, просто хотим с тобой побеседовать.

Билл хмуро спросил:

— Могу я переодеться?

— Конечно. Ступай с ним, Энди, и поищи там что-нибудь, во что можно завернуть тело.

Мы пошли по тропинке вдоль берега. Доктор посмотрел на воду, откашлялся и вздохнул.

— Может, перевезешь ее в моей машине, Джим? — предложил он.

Паттон покачал головой.

— Нет. Мы живем в бедных краях, доктор. Полагаю, эта дама обойдется путешествием более дешевым способом, чем в твоей машине.

Доктор, разозлившись, отошел от него и, обернувшись, буркнул:

— Если захочешь, чтобы я заплатил за ее похороны, сообщи мне об этом.

— Ах, лучше не говори таких ужасных вещей,— вздохнул Паттон.

Отель «Индион-Хид» находился на главной улице в темном здании напротив танцевального зала. Я поставил машину у входа. Прежде чем войти в ресторан, я вычесал из волос сосновые иголки и умылся. Ресторан, вернее салун, был полон изрядно выпивших мужчин в расстегнутых пиджаках и визгливо хохочущих женщин с малиновыми ногтями на грязных руках.

Его владелец — неприглядный мужчина со свисающей из угла рта сигаретой и в рубашке с короткими рукавами — не отрывая глаз, следил за посетителями. За кассой какой-то блондин пытался поймать военные новости на своем маленьком радиоприемнике, в котором было столько же треска, сколько воды в ресторанном пюре. В углу оркестр из пяти человек, одетых в плохо скроенные пиджаки и пурпурные рубашки, прилагал все усилия, чтобы быть услышанным среди дикого шума и гвалта. Я заказал то, что называлось здесь стандартным обедом, выпил рюмку бренди, дабы проглотить это месиво, и выбрался на улицу.

Солнце еще не зашло, но уже зажглись неоновые лампы. Вечер медленно наступал в хаосе автомобильных сирен, криков детей и звона посуды. Взад и вперед сновали малолитражки и гремели взбесившиеся музыкальные автоматы. Над всем этим стоял несмолкаемый рокот моторных лодок, кружащих по широкому озеру.

В моей машине сидела худощавая девушка в темных очках, шатенка с красивым лицом. Она курила сигарету и болтала с неловким сельским ковбоем. Я обошел автомобиль и влез в кабину. Ковбой убежал, подтягивая штаны. Девушка не шевельнулась.

— Меня зовут Верди Кеп,— весело сказала она.— Днем я косметичка, а по вечерам работаю в «Знамени Пума-Пойнт». Прошу прощения, что самовольно забралась в вашу машину.

— Пустяки. Вы желаете посидеть здесь, или я должен вас куда-нибудь отвезти?

— Может, вы отъедете в какое-то место, где будет хоть немного потише, мистер Марлоу? Конечно, если хотите со мной побеседовать.

— Информация у вас поставлена отлично,— заметил я, заводя мотор.

Мы проехали мимо почты на углу, где голубая стрела с надписью «телефон» указывала на узкую тропинку,

ведущую к берегу озера. Я повернул, миновал несколько телефонных будок и остановился перед огромным дубом, ветви которого свисали над водой.

— Здесь вам нравится, мисс Кеп?

— Миссис Кеп. Но, пожалуйста, называйте меня Верди. Так меня все зовут, и это очень приятно. Я ужасно рада, что мне удалось вас встретить, мистер Марлоу. Я слышала, что вы прибыли из Голливуда, города греха.

Она протянула мне сильную загорелую руку. Я пожал ее.

— Я разговаривала с доктором Холлисом о бедной Мэриел Чейз,— продолжала она.— Думаю, вы могли бы сообщить какие-нибудь подробности. Насколько мне известно, вы обнаружили труп.

— Вернее, его обнаружил Билл Чейз, я только присутствовал при этом. Вы уже беседовали с Джимом Паттоном?

— Нет еще. Он куда-то исчез. И кроме того, вряд ли он многое сообщит мне.

— Он ожидает выборов,— заметил я,— а вы журналистка.

— Джим не политик, мистер Марлоу, а меня трудно назвать журналисткой. Маленькая газетка, которую мы издаем,— чисто любительское предприятие.

— Хорошо. А что, собственно, вы хотели узнать?

Я угостил ее сигаретой и чиркнул спичкой.

— Я мечтаю, чтобы вы попросту рассказали всю историю.

— Я прибыл сюда с письмом от Кингсли, чтобы осмотреть его владения. Билл Чейз сопровождал меня. Мы с ним распили бутылку, и виски развязало ему язык. Кроме того, он долго сидел в одиночестве и хотел поболтать. Билл рассказал, что его бросила жена, и показал оставленную ею записку. Обходя озеро, мы подошли к волнорезу, и Билл заметил руку, показавшуюся из-под досок в воде. Оказалось, что это труп Мэриел Чейз. Вот и все.

— Я узнала от доктора Холлиса, что она долгое время пролежала в воде и труп совершенно разложился.

— Да, вероятно, целый месяц, то есть столько, сколько Билл считал ее уехавшей. Записка позволяет предположить, что она намеревалась покончить с собой.

— И это не вызывает никаких сомнений, мистер Марлоу?

Я искоса взглянул на нее. Умные темные глаза внима-

тельно всматривались в меня. На землю медленно спустились сумерки.

— По-моему, в таких случаях полиция всегда сомневается.

— А вы сами?

— Мое мнение не имеет значения.

— Однако я хотела бы его услышать.

— Я встретил Билла впервые сегодня после полудня. Он произвел на меня впечатление довольно циничного субъекта. Да и сам он, по его словам, не считает себя святым. Но, похоже, он любил свою жену. Не представляю себе, как бы он мог спокойно здесь жить, зная, что она гниет в воде под волнорезом. Как мог выходить из дому на солнечный свет и смотреть на воду, зная, что в ней скрыто, ни на минуту не забывая, что это дело его рук!

— Я тоже в это не верю,— мягко произнесла Верди Кеп.— И никто не верит. Однако нам известно, что такие вещи случаются и будут случаться. Вы работаете в отделе торговли недвижимостью, мистер Марлоу?

— Нет.

— А чем вы занимаетесь, осмелюсь вас спросить?

— Я предпочел бы не отвечать.

— Это звучит как признание,— заметила она.— Кроме того, доктор Холлис слышал, как вы сообщили Джиму Паттону свою фамилию. У нас в бюро есть адресная книга Лос-Анджелеса, но я никому об этом не говорила.

— Как мило с вашей стороны.

— И никому не скажу, если пожелаете.

— А что это будет мне стоить?

— Ничего. Ровно ничего. Я не претендую на звание первоклассной журналистки. И наша газета не напечатает фактов, которые повредили бы Джиму Паттону. Джим — наша гордость. Полагаю, все это объясняет ситуацию.

— Прошу не делать ложных выводов,— сказал я.— Менянисколько не интересует Билл Чейз.

— А Мэриел Чейз?

— С какой стати она может меня волновать?

Она аккуратно загасила сигарету в пепельнице.

— Пусть будет так. Но есть одно небольшое обстоятельство, о котором вы, вероятно, захотите услышать, если только оно вам еще не известно. Около шести недель назад сюда приезжал полицейский из Лос-Анджелеса по имени де Сото, типичный хам. Он нам очень

не понравился. Немного он получил пользы от своих расспросов. По крайней мере, это можно сказать о нас троих из редакции «Знамени». Он заявлял, что ищет по уголовному делу женщину по имени Милдред Хавеланд и показывал ее фото. Это была обычная увеличенная любительская фотография, а не полицейский снимок. Он утверждал, будто располагает сведениями, что эта женщина находится в нашем округе. Дама на фотографии очень походила на Мэриел Чейз. Правда, у нее волосы были немного темнее, прическа была другая, а брови тщательно выщипаны, что в корне изменяет внешность женщины. И все-таки она исключительно походила на жену Билла Чейза.

Я побарабанил пальцами по дверце машины и спросил:

— Что же вы ему ответили?

— Ничего. Во-первых, мы сомневались, а во-вторых, нам не понравились его манеры. Но и без этих причин мы бы все равно не указали на Мэриел. С какой стати? Каждый на совести имеет нечто, о чем сожалеет. Возьмите меня. Некогда я была женой... профессора классических языков Редлонского университета.— Она беззаботно рассмеялась.

— Но вы бы могли получить материал для статьи,— возразил я.

— Вероятно. Однако прежде всего мы люди.

— А что, де Сото виделся с Джимом Паттоном?

— Наверное. Только Джим ничего об этом не говорил.

— А он показывал вам свое полицейское удостоверение?

Верди подумала и покачала головой.

— Не помню. Но он вел себя как типичный хам из городской полиции.

— Это еще не доказывает, что он действительно полицейский. Кто-нибудь сообщил Мэриел о его визите?

Немного поколебавшись, она кивнула головой.

— Это сделала я. Я не имела права так поступать?

— Как она отреагировала?

— Ничего не сказала, лишь натянуто рассмеялась, как над неудачной шуткой. Потом ушла. Но мне помешало, что в ее глазах блеснул какой-то странный огонек. Ну что, вам еще неинтересна Мэриел Чейз, мистер Марлоу?

— А почему я должен интересоваться ею? До сегод-

няшнего дня я слыхом о ней не слыхивал. Даю вам слово. Кроме того, я понятия не имел о женщине по имени Милдред Хавеланд. Отвезти вас в город?

— Ах, нет. Благодарю вас. Я пройду пешком. Здесь всего несколько шагов. Я очень вам признательна и надеюсь, что обстоятельства не обернутся против Билла. Это исключительно неприятная история.— Она вышла из машины, покачала головой и опять рассмеялась.— Говорят, я хорошая косметичка. Надеюсь, что это правда. Но репортер я отвратительный. Спокойной ночи!

Я пожелал ей того же, и она шагнула в вечернюю тьму. Я подождал, пока она не дошла до главной улицы и не скрылась с глаз. Затем вылез из кабины и направился к зданию телефонной станции.

Глава 10

Передо мной остановилась ручная лань в кожаном ошейнике. Я погладил ее по головке и вошел в бюро. За конторкой, склонившись над книжкой, сидела небольшого роста девушка в брючках. Она сообщила мне, сколько стоит разговор с Беверли-Хилл, и разменяла деньги для автомата. Кабины помещались рядом.

— Надеюсь, вам понравится в наших местах,— сказала девушка.— Здесь очень спокойно и можно отлично отдохнуть.

Я закрыл дверцу кабины. За девяносто центов я получил право беседовать с Кингсли целых пять минут. Он был дома, и нас соединили очень скоро, но на линии слышался страшный треск.

— Вы что-нибудь обнаружили? — спросил он своим глубоким баритоном, в котором чувствовались три выпитых коктейля. Его голос звучал резко и властно.

— Обнаружил, и даже чересчур много,— ответил я.— Но совсем не то, что искал. Вы один?

— Какая разница?

— Для меня никакой. Но я знаю, что собираюсь сообщить, а вы нет.

— Ну хорошо. Говорите что угодно.

— Я пообщался с Биллом Чейзом. Он теперь один. Жена сбежала от него месяц назад. Они поссорились, и он отправился выпить. А когда вернулся, уже не застал ее. Она оставила записку, в которой сообщила, что предпочитает умереть, чем жить с ним дальше.

— Насколько мне известно, Билл вообще слишком много пьет,— донеслись до меня слова Кингсли.

— По его возвращении обеих женщин уже не было. Он понятия не имеет, куда пропала миссис Кингсли. Лавери приехал сюда в мае, но с тех пор больше не появлялся. Он сам так заявил. Конечно, он мог приехать, когда Билл сидел в салуне, но у нас нет никаких доказательств. У обеих женщин были свои машины. Сперва я предположил, что ваша жена и Мэриел Чейз удрали вместе, но все оказалось иначе. Мэриел Чейз уехала недалеко. Она осталась в вашем озере. Сегодня она при мне всплыла из-под воды.

— Боже! — Похоже было, что Кингсли в самом деле испугался.— Вы хотите сказать, что она утопилась?

— Не исключено. Ее записку можно рассматривать как предсмертное письмо самоубийцы. А можно и иначе. Труп лежал под старой пристанью у волнореза. Когда мы с Биллом стояли на молу, он заметил под водой человеческую руку. Он вытащил тело. Его арестовали. Несчастный совсем упал духом.

— Боже! — снова воскликнул Кингсли.— Представляю себе. А вы не думаете, что он...

Послышался голос телефонистки, требующей сорок пять центов доплаты. Я опустил в прорезь две монеты, и разговор продолжился.

— Что он?..

— Что он убил ее.

— Не исключено,— ответил я.— Джиму Паттону, здешнему констеблю, не нравится, что на записке нет даты. Кажется, Мэриел уже убежала от Билла из-за какой-то женщины. Паттон подозревает, что Билл показывал нам старое послание. Во всяком случае, Билла отвезли в Сан-Бернардино на допрос, а тело вскрывают.

— А каково ваше мнение? — спросил Кингсли.

— Билл сам обнаружил тело. Ничто не заставляло его вести меня на волнорез. Труп бы пролежал там очень долго, если не вечно. Письмо могло затеряться, пока Билл таскал его в бумажнике, время от времени вытаскивая и перечитывая. Дата могла отсутствовать в любом случае. Записки подобного рода обычно вообще не датируются. Люди, которые их сочиняют, вечно забывают поставить число.

— Вероятно, труп уже разложился. Что-нибудь удалось выяснить?

— Мне неизвестно, каким оборудованием они тут

располагают. Очевидно, в лучшем случае сумеют установить причину смерти и обнаружить следы насилия на теле. Вероятно, смогут обнаружить рану, если такая имеется. Самое важное для нас то, что теперь я обязан объяснять причины моего пребывания в этих краях. Ведь мне придется выступать свидетелем.

— Это плохо,— пробормотал Кингсли.— Просто скверно. Что вы намереваетесь делать сейчас?

— По дороге заеду в отель «Прескотт» и попытаюсь кое-что выяснить. Скажите, ваша жена дружила с Мэриел Чейз?

— По-моему, да. Кристаль нужно было с кем-то проводить время. Лично я ее не знал.

— А вы знакомы с женщиной по имени Милдред Хавеланд?

— Как?

Я повторил фамилию.

— Нет,— ответил Кингсли.— А почему я должен быть с ней знаком?

— На каждый вопрос вы отвечаете вопросом,— заметил я.— Успокойтесь, никаких причин для волнения нет, тем более что вы не знали Мэриел Чейз. Я позвоню вам завтра утром.

— Хорошо,— произнес он и, помолчав, прибавил: — Сожалею, что вы попали в такую кашу.

Я чувствовал, что он хочет еще что-то сказать, но Кингсли пожелал мне спокойной ночи и повесил трубку. Раздался звонок, и телефонистка междугородной станции стала упрекать меня за то, что я бросил в автомат лишние пять центов. Я ответил, что с большей охотой вложил бы туда свой старый башмак. Это, по-моему, ей не понравилось.

Выйдя из кабины, я глубоко вздохнул. Прирученная лань стояла у калитки. Я попытался ее оттолкнуть, но она никак не уступала мне дорогу. Я перелез через забор, сел в машину и отправился в деревню. В штабе Паттона горел свет, но барак был пуст, а записка «вернись через 20 минут» по-прежнему торчала за стеклом. Я несколько раз прошелся от пристани до безлюдного пляжа. По бархатной воде носились моторные лодки. В далеких домиках на другой стороне озера начали загораться золотые огоньки. Одинокая низкая звезда сверкала над цепью гор на северо-востоке. Какая-то птица сидела на вершине сосны, ожидая, пока совсем стемнеет, чтобы своей песенкой пожелать всем доброй

ночи. Вскоре наступила полная тишина. Птица спела и скрылась в беспредельной глубине небес. Я швырнул окурок в тихую воду, вернулся к машине и покатил к озеру Оленят.

Глава II

Ворота частной дороги были закрыты. Я поставил машину между двух сосен, перелез через забор и зашагал пешком. Вскоре впереди блеснуло озеро. В домике Билла Чейза было темно. Три строения на другом берегу выделялись черными тенями на фоне белых гранитных скал. Я прислушался, но повсюду царил тишина. Дверь дома Билла была заперта. Я обошел его, но на второй двери висел громадный замок. Тогда я проверил прочность сеток на окнах — все они оказались достаточно крепкими. На одном окне сетки не было. Я остановился и опять начал вслушиваться. Ветер стих, сосны стояли неподвижно и тихо, как тени. Я просунул лезвие ножа между рамами, задвижка не поддавалась. Я подумал, поднял массивный камень и ударил им по окну. Запор отскочил со страшным лязгом, и ставни распахнулись. Подтянувшись на руках, я влез в темноту. Неожиданно меня ослепил луч карманного фонарика. Спокойный знакомый голос произнес:

— Не трогайся с места, сынок, отдохни, ты, наверно, устал.

Свет фонаря прижал меня к стене, как раздавленную муху. Потом щелкнул выключатель, и загорелась настольная лампа. Фонарь погас. Джим Паттон сидел в старом кресле возле стола. Он был одет так же, как днем, только сверху рубашки нацепил кожаную куртку, которая, похоже, была новой еще задолго до первой мировой войны. Глаза его ничего не выражали, только губы шевелились:

— Чем ты занимаешься, сынок, кроме того, что вламываешься в чужие дома?

Я придвинул стул, оперся на него и, осмотрев комнату, ответил:

— Мне пришла в голову одна мысль. Сначала она показалась мне остроумной, но теперь, по-моему, о ней можно забыть.

Комнату украшала скромная мебель, пол был покрыт старым ковром. Через открытую дверь просматривалась кухонная печь. Паттон кивнул головой, глаза его внимательно изучали меня.

— Я услышал шум подъезжающей машины и предположил, что кто-нибудь захочет сюда пробраться. Ты умеешь тихо ходить, сынок. Твоих шагов я не различил. Мне очень любопытно побеседовать с тобой.

Я ничего не ответил.

— Надеюсь, ты не сердишься, что я называю тебя «сынок»,— сказал он.— Мне бы не следовало фамильярничать, но никак не могу избавиться от этой привычки. Каждый, у кого нет седой бороды и подагры, для меня «сынок».

Я заявил, что он может называть меня как хочет.

Он улыбнулся.

— В телефонную книгу Лос-Анджелеса вписано множество детективов,— продолжал он,— но только один из них носит фамилию Марлоу.

— А для чего вы в нее заглядывали?

— Считаю это простым провинциальным любопытством. Я обратил внимание на то, как Билл Чейз называл тебя шпиком. А ты не потрудились рассказать мне о своей профессии.

— Я собирался сделать это позднее. Очень жаль, если обидел вас.

— Ничуть. Я не так легко обижаюсь. У тебя есть какие-нибудь документы?

Я вынул бумажник и продемонстрировал свое удостоверение.

— Отлично. У тебя призвание к этой работе,— удовлетворенно кивнул он.— На твоем лице ничего нельзя прочитать. Полагаю, ты хотел обыскать помещение?

— Да.

— Сперва я все раздумывал об этом деле, потом забежал к себе на работу и вернулся сюда. Но я не уверен, могу ли разрешить тебе обшарить дом.— Он почесал за ухом.— Один дьявол знает, могу ли я тебе позволить это. Ты говорил, что тебя кто-то нанял?

— Деррас Кингсли. Он поручил мне найти его жену, которая удрала месяц назад. Она жила здесь, отсюда и исчезла. Я и собирался начать свои поиски тут. Есть предположение, что она убежала с мужчиной, хотя он и отрицает это. Я надеялся отыскать какой-нибудь след.

— Ну и?..

— Не нашел почти ничего. След ведет прямо в Сан-Бернардино, оттуда в Эль-Пасо и там обрывается. Но я только-только приступил к работе.

Паттон встал и открыл дверь.

В комнату ворвался живительный запах сосны. Паттон сплюнул на улицу, снова уселся и пригладил волосы. Без шляпы его голова выглядела как-то странно.

— Так ты совсем не интересуешься Биллом Чейзом?

— Совершенно не интересуюсь.

— Мне всегда казалось, что вы, частные сыщики, занимаетесь преимущественно разводами. По-моему, это грязное занятие.

Я ничего не ответил.

— Ведь Кингсли мог обратиться в полицию, не так ли?

— Сомнительно. Он достаточно хорошо с полицией знаком.

— Из твоих слов я так и не понял, почему ты хотел обыскать жилище Билла,— подчеркнуто произнес он.

— Я вообще люблю развлечения такого рода.

— Это не объяснение.

— Ладно, признаюсь: меня действительно интересует Билл Чейз. Но только потому, что с ним произошло несчастье, да и дело необычное, хотя сам Билл — обыкновенный бездельник. Если он собственноручно прикончил жену, то, возможно, здесь мы найдем доказательства. В противном случае доказательства также могут найтись.

Паттон, словно птица, свесил голову набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Платья, туалетные принадлежности, разные безделушки, все, что женщина тащит с собой, если не собирается возвращаться.

Паттон шевельнулся в кресле.

— Но она никуда не уезжала, сынок.

— Тогда все ее вещи должны быть здесь. И муж обязательно заметил бы, что она кое-чего не захватила. Он же понимает, что она не могла удрать с пустыми руками.

— Черт побери! Мне это предположение не нравится,— заметил Паттон.

— А если бы он убил ее,— продолжал я,— то наверняка бы избавился от вещей.

— А как, по-твоему, он мог это сделать? — спросил Паттон. В желтом свете лампы половина его лица отличалась бронзой.

— Вероятно, часть вещей он сжег, а остальное закопал в лесу. Утопить их в озере было бы опасно. Однако я слышал, что она имела собственный «форд». Его бы он не сумел ни сжечь, ни закопать. Только угнать куда-то.

— Понятно,— сказал Паттон.— Но Билл не может согнуть в колене правую ногу, значит, не в состоянии пользоваться педалями. Машина Билла, в отличие от обычных, имеет ручное управление.

Я стяхнул пепел в маленькую баночку на столе.

— Для него важнее всего было избавиться от автомобиля,— продолжал я.— Причем из любого места ему следовало вернуться так, чтобы никто его не видел. Просто бросить машину на шоссе он не мог, ее бы тотчас отыскивали и установили владельца. Лучшим выходом было бы автомобиль перекрасить; но у Билла не было такой возможности. И тогда он решил спрятать ее в лесу, чтобы суметь добраться до нее пешком. То есть совсем недалеко отсюда.

— Для человека, утверждающего, что он не интересуется этим делом, ты провел тщательное расследование,— сухо заметил Паттон.— Ну, а если машина, спрятанная в лесу, найдется, что тогда?

— Он наверняка принял в расчет то, что ее могут отыскать. Хотя в дешевых лесах никто не живет, туда ежедневно наведываются лесники и дровосеки. Если они наткнутся на машину, то лучше бы вещи Мэриел в ней обнаружили. Это бы оставило ему два выхода — не самых выгодных, но зато правдоподобных. Во-первых, что жену убил какой-то неизвестный, подстроивший все так, чтобы запутать Билла, если преступление раскроется. Во-вторых, что Мэриел покончила жизнь самоубийством, но оставила все таким образом, чтобы погубить Билла. Самоубийство из мести.

Паттон тщательно все обдумал, потом опять подошел к двери и снова сплюнул. Вернувшись, он сел в кресло и в очередной раз пригладил волосы. Взгляд, которым он подарил меня, был полон скептицизма.

— Первое, пожалуй, возможно,— изрек он.— Только ума не приложу, кто мог это сделать. Надо сперва обмозговать историю с предсмертной запиской.

Я покачал головой.

— Допустим, послание сохранилось у Билла от предыдущего ухода Мэриел. Предположим, что теперь его жена уехала, не оставив записки. Прошел месяц без всяких известий, и Билл начал беспокоиться. А потому нашел старое письмо, чтобы иметь оправдательный документ на случай возможного несчастья с женой.

Судя по всему, Паттону мои рассуждения не понравились. Да и мне тоже. Он сказал:

— Твое второе предположение — сплошная чепуха. Я не представляю, как можно покончить с собой для того, чтобы обвинить другого в преступлении. Мне такие люди не встречались.

— Выходит, вы плохо знаете людей, — возразил я. — Подобные случаи бывают, и почти всегда с женщинами.

— Глупости! — воскликнул он. — За свои пятьдесят семь лет я сталкивался со множеством печальных историй, но за твою версию не дам и ломаного гроша. Я бы скорее предположил, что она, собираясь удрать, написала записку, а он жену поймал и в ярости прикончил. Потом он уже мог сделать то, о чем мы говорили.

— Я никогда ее не видел, — заметил я, — и потому не знаю, на что она была способна. Билл рассказал мне, что год назад познакомился с ней в одном риверсайдском ресторане. До этого она вполне могла вести темную жизнь, ведь никому о ее прошлом ничего неизвестно.

— Она была очень красивой женщиной, особенно когда подкрашивалась. Похоже, она крепко держала Билла и, по-видимому, умела молчать. Спокойная такая, хотя Билл утверждал, что нрав у нее пылкий. В моем присутствии она всегда проявляла исключительную сдержанность. Зато сам он был чересчур горяч.

— А вы не находите, что она походила на женщину с фотографии по имени Милдред Хавеланд?

Губы его перестали шевелиться, а зубы сжались.

— Черт побери! — воскликнул он наконец. — Сегодня перед сном я загляну под кровать, чтобы проверить, не сидишь ли ты там. Откуда ты пронюхал об этом?

— Услышал от славной девушки Верди Кеп. Она, как представитель прессы, брала у меня интервью и при этом случайно вспомнила, что некий полицейский из Лос-Анджелеса, назвавшийся де Сото, показывал всем такую фотографию.

Паттон потер колено и опустил руку.

— Я тогда совершил ошибку, — буркнул он. — Я был не прав. Этот полицейский продемонстрировал снимок почти всем в нашем городе и только потом заявился ко мне. Понятно, меня это задело. Девушка на снимке действительно была похожа на Мэриел, но я все же сомневался. И потому спросил его, для чего он это затеял. Он ответил, что перед нами уголовное дело. Тогда я сказал, что и сам занимаюсь такими делами на свой провинциальный лад. Он заявил, что получил предписание установить местопребывание дамы с фотографии и больше

ничего не знает. Де Сото явно скрывал от меня что-то. Ну и я ответил тем же: не видел, мол, никого, похожего на женщину с фото.

Широкоплечий добродушный человек робко улыбнулся и внимательно посмотрел на меня.

— Я буду тебе благодарен, если ты все сохранишь в секрете, мистер Марлоу. Кстати, твое предположение было обоснованным. Ты знаешь Большое озеро?

— Никогда о нем не слышал.

— В полутора километрах отсюда, — продолжал он, указывая пальцем направление, — начинается лесная дорога, ведущая на запад. По ней можно проехать на машине совершенно безопасно. На высоте каких-нибудь ста пятидесяти метров она приводит к Большому озеру. Там исключительно красивая местность. Порой туда приезжают на пикники, но не часто: по пути легко повредить покрышки. Там есть еще пара небольших озер, заросших водорослями. А в тени даже летом лежит снег. Довольно далеко от берегов в густых зарослях стоят несколько старых срубов и длинный заброшенный барак, который раньше был летним лагерем Монклерского университета. Вот уже десять лет туда не наведывалось ни души. За баракom расположена полуразвалившаяся прачечная и примыкающий к ней деревянный сарай с раздвижными дверьми. Его планировали под гараж, но хранили в нем дрова и запирали по окончании сезона. Дрова — последняя вещь, которую местные жители стали бы воровать. Тот, кто имеет возможность срубить дерево в лесу, не станет ломать замок, чтобы украсть его из сарая. Я полагаю, ты уже догадался, что я нашел в том сарае?

— Я был уверен, что вы уехали в Сан-Бернардино.

— Нет, я изменил план. Мне показалось, что будет неправильно, если Билл покатит туда на машине с трупом жены на заднем сиденье. Я отправил ее в автомобиле доктора, а Энди поехал с Биллом. Я решил немного здесь осмотреться, прежде чем передать дело в руки коронера.

— Итак, в сарае стояла машина Мэриел?

— Да. А внутри нее — два незапертых чемодана, набитые одеждой. Похоже, их бросили второпях. Самое главное, что никто из посторонних не догадался бы о местонахождении этих вещей.

Я согласился с ним. Паттон вынул из бокового кармана куртки бумажный сверток, распаковал его и протянул мне.

— Взгляни-ка.

На бумаге лежала тонкая золотая цепочка с крохотным замком, не крупнее одного ее звена. Цепочка была разорвана, а замок испорчен. И вещицу, и бумагу покрывал белый порошок.

— Как ты думаешь, где я это взял?

Я попытался соединить разорванные концы цепочки, но они не подходили друг к другу. Ничего не говоря, я послунывил палец, провел по ней и лизнул его.

— Цепочку прятали в банке с сахаром,— сказал я.— Она от медальона. Обычно женщины не снимают таких украшений, так же как обручальные кольца. У того, кто его оборвал, не было ключика.

— И какой же отсюда вывод?

— Незначительный,— ответил я.— Биллу не было смысла срывать медальон, оставляя зеленое ожерелье. К тому же он бы, вероятнее всего, бросил его в озеро. Скорее, Мэриел сама разорвала цепочку — если она потеряла ключ — и потом спрятала. Она хотела сохранить ее и в то же время утаить от Билла. Тогда становится понятным, почему она положила вещь в такое место.

— Почему?

— Это типичный женский тайник. Сахарную пудру кладут в тесто. Мужчина никогда в нее не сунется. Вы настоящий ловкач, если решили поискать именно там, шериф.

Паттон робко улыбнулся.

— Какого черта! Я просто опрокинул банку, и сахарная пудра просыпалась,— пояснил он.— Иначе разве бы я нашел?

Он опять завернул цепочку в бумагу и, убрав в карман, поднялся, как бы давая понять, что разговор окончен.

— Ты остаешься или возвращаешься в город, мистер Марлоу?

— Возвращаюсь, если только не понадобится вам в качестве свидетеля. Но, по-моему, понадобится.

— Конечно, тебя захочет допросить коронер. А теперь почини окно, которое ты выломал. Тогда я выключу свет и запру дверь.

Я исправил окно, и мы вышли. Паттон проверил запор, опустил сетку на стекло и взглянул на освещенное луной озеро.

— Не могу поверить, что Чейз убил ее специально,— печально сказал он.— Он мог задушить эту женщину, не

сознавая, что делает. Билл страшно силен. Потом он, наверное, потерял голову, пытаюсь скрыть следы. Все это ужасно печально, но ничего не попишешь. История выглядит просто и естественно, а значит, похожа на правду.

— Мне кажется, что в таком случае он бы попытался удрать. Не представляю, как он мог здесь остаться.

Паттон сплюнул на бархатно-черную тень манзониты и медленно произнес:

— Он получал пенсию по месту жительства и наверняка потерял бы ее. А большинство мужчин во всем мире готовы принять свою судьбу, если она глядит прямо в лицо. Спокойной ночи. Пойду на мол, постояю немного при свете луны и подумаю. Такая прекрасная ночь, а нам приходится размышлять об убийствах.

Он шагнул в темноту и быстро растаял в ней. А я подошел к запертым воротам, перелез через них и сел в машину.

Глава 12

В нескольких сотнях метров от ворот начиналась узкая просека, усыпанная сухими прошлогодними дубовыми листьями. Я вырубил на нее, остановил машину возле дерева, выключил мотор, погасил фары и начал ждать. Наконец через полчаса издали послышался гул автомобильного мотора, а потом белые лучи фар осветили дорогу передо мной. Постепенно мотор стал затихать вдаль, но облако пыли еще долго висело в воздухе. Я вылез из кабины и зашагал обратно к домику Чейза. Толкнув окно, я легко открыл его и снова забрался внутрь. Потом повернул выключатель и прислушался: тишина. Я направился на кухню и тоже включил там свет. В печи лежали приготовленные дрова. В раковине не было ни одной грязной тарелки. Билл Чейз, оставшись без жены, поддерживал в доме идеальный порядок. Из кухни одна дверь вела в спальню, другая, маленькая, в крохотную ванную, недавно пристроенную к домику. В ванной я не нашел ничего. В спальне стояли широкая кровать, туалетный столик с круглым зеркалом, висевшим на стене, шкаф, два простых стула и корзина для бумаг. На полу возле кровати лежали два овальных коврика. На стенах Билл развесил военные карты. Столик был покрыт белой салфеткой с красным узором. Я обыскал шкаф. Шкатулка с поддельными драгоценностями осталась на месте. В ней находились и другие предметы,

необходимые женщине. Пилочка для ногтей, щипчики для бровей. Мне показалось, что их слишком много. Шкаф переполняла мужская и женская одежда. Мужской, впрочем, было немного. Билл располагал единственной рубашкой кричащего цвета с крахмальным воротничком. В углу шкафа под листом голубой бумаги я обнаружил вещь, которая мне не понравилась: совершенно новую шелковую кружевную ночную рубашку. Ни одна женщина, находившаяся в здравом рассудке, не оставила бы такой наряд. Все это свидетельствовало против Билла. Интересно, что подумал на сей предмет Паттон. Я вернулся на кухню и осмотрел полки. Они были уставлены банками и коробками. Сахарная пудра хранилась в четырехугольной металлической таре, вокруг которой Паттон оставил рассыпанный порошок. Рядом стояли питьевая сода, крахмал, патока и прочее. В каждой из банок могли спрятать предмет, оторванный от цепочки. Я закрыл глаза и наугад ткнул пальцем в соду. Вытащив из-под коробки газету, я высыпал на нее порошок и начал копаться в горке ложечкой. Соды было много, но в ней ничего не лежало. Ссыпав ее обратно в банку, я попытал счастья в муке. И там ничего не оказалось. Искать нужно трижды. Я обратился к соли. Ничего.

Звук приближающихся шагов заставил меня похолодеть. Я выключил свет, вбежал в комнату и повернул выключатель. Конечно, я опоздал, снова послышались тихие, осторожные шаги. Волосы дыбом поднялись на моей голове. Я ждал в темноте, сжимая в руке карманный фонарик и затаив дыхание. Это наверняка не Паттон. Он бы подошел к двери, открыл ее и позвал меня. Опять крадущиеся шаги. Пауза. Снова шаги. Кто-то начал возиться с замком. Я рванул дверь, широко открыв ее, и включил фонарик. Блеснули золотые глаза. Потом мелькнула быстрая тень и раздался топот копыт среди деревьев. Это была всего лишь любопытная серна. Я закрыл дверь и с фонариком в руке вернулся на кухню. Его луч осветил коробку с сахарной пудрой. Я в очередной раз включил свет, снял коробку и высыпал содержимое на газету. Паттон глубоко не заглядывал. Случайно обнаружив цепочку, он решил, что там больше ничего нет. Ему и в голову не пришло, что это не так. В белой массе появился новый комочек бумаги. Я страхнул с него пудру и развернул. Внутри лежало золотое сердечко размером с ноготь мизинца. Я ссыпал пудру обратно в коробку, поставил ее на место и убрал газету. Затем вернулся

в комнату и включил настольную лампу. При ее свете даже невооруженным глазом можно было различить крохотные буквы, выгравированные на оборотной стороне медальона:

«Ал — в знак любви Милдред. 28 июня 1938 г.»

Ал — в знак любви Милдред.

Некий Ал дарит медальон Милдред. Хавеланд — это Мэриел Чейз. Мэриел умерла через две недели после того, как полицейский де Сото расспрашивал о первой. Я держал медальон в руке и раздумывал о возможной связи этих обстоятельств с моим делом. Однако прийти к определенному выводу мне не удалось. Я забрал медальон, покинул домик и вернулся в деревню. Паттон сидел в своей конторе и разговаривал по телефону. Дверь была закрыта, и мне пришлось дожидаться, пока он не повесит трубку. Вскоре он впустил меня. Я положил бумажку на стол и развернул ее.

— Вы недостаточно глубоко заглянули в сахарную пудру,— сказал я.

Он посмотрел на медальон, потом на меня и достал увеличительное стекло. Тщательно исследовав надпись, он отложил лупу и нахмурился.

— Я должен был догадаться, что ты вернешься туда,— недовольно заметил он.— Надеюсь, ты больше не доставишь мне хлопот, сынок?

— Но вы не обратили внимания, что концы цепочки не подходят друг к другу,— возразил я.

Он печально кивнул.

— Сынок, у меня же нет твоих глаз.

И своими неловкими большущими пальцами он отодвинул крошечный медальон, не спуская с меня взгляда. Я сказал:

— Если вы полагаете, что этот медальон и связанная с ним история могли вызвать ревность Билла, я с вами согласен, в том случае, конечно, если он его видел. Однако я уверен, что Билл даже не подозревал о нем и не слышал имени Милдред Хавеланд.

— Похоже,— неохотно заметил Паттон,— что мне придется просить прощения у де Сото.

— Если вы его когда-нибудь встретите.

Мы посмотрели друг на друга.

— По-моему, сынок, у тебя возникла совершенно новая версия.

— Да. Чейз не убивал своей жены.

— Не убивал?

— Нет. Женщину прикончил кто-то другой, связанный с ее прежней жизнью. Человек, который потерял ее след, а потом нашел снова. Он убедился, что она замужем, и это пришлось ему нё по вкусу. Убийца хорошо знал эту местность, настолько хорошо, что сумел спрятать здесь машину. Он ненавидел свою будущую жертву, но был отличным актером. Он сумел ее уговорить бежать с ним, а потом схватил за горло и совершил то, чего она, по его мнению, заслуживала. Затем он спрятал труп в озере и поехал своей дорогой. Как вам нравится эта версия?

— Ну что ж,— неторопливо произнес он.— Она несколько усложняет дело, ты согласен? Но такое возможно. Вполне правдоподобно.

— Когда она перестанет вам нравиться, прошу меня известить. Я придумаю что-нибудь другое.

— Не сомневаюсь в этом,— согласился Паттон и впервые за время нашего знакомства рассмеялся. Я снова пожелал ему спокойной ночи и вышел. Он остался один обдумывать события с медвежьей энергией крестьянина, который выкорчевывает пень.

Глава 13

Около одиннадцати вечера я остановил машину возле отеля «Прескотт» в Сан-Бернардино, достал из багажника свой дорожный чемодан и поднялся с ним на три ступеньки. Его немедленно выхватил у меня из рук бой в вышитых штанах и белой рубашке с черным галстуком.

Дежурный портье — мужчина с яйцевидной головой — не выказывал никакого интереса ни ко мне, ни к чему другому. Вручая мне перо, он зевал, глядя в пространство, будто вспоминал свое детство. Мы с рассыльным поднялись на лифте на второй этаж и зашагали по длинному коридору. Было страшно душно. Рассыльный отпер дверь в маленькую комнату с небольшим окном. Вентилятор на потолке не превышал размером дамский носовой платочек.

Рассыльный был немолодым, высоким, тощим, желтым и холодным, как кусок курятины из холодильника. Жуя резинку, он положил мой чемодан на кресло, посмотрел в окно и встал, не спуская с меня глаз. Глаза у него были цвета питьевой воды.

— Может быть, мне следует снять номер за доллар в сутки? — сказал я.— Этот похож на паровую баню для блох.

— Вы родились в сорочке, если получили хоть какую-то комнату. Отель набит, как бочка с селедками.

— Принесите нам немного имбирного пива, стаканы и лед,— попросил я.

— Нам?

— Надеюсь, вы умеете пить?

— Могу попробовать.

Он вышел, а я, сняв пиджак, галстук, рубашку и майку, стоял, обдуваемый теплым сквозняком. В воздухе висел запах нагретого железа. Я вошел в ванную — там действительно имелось нечто вроде ванной — и облился теплой водой. К приходу рассыльного с подносом я дышал немного свободнее. Он закрыл дверь, а я достал бутылку виски. Затем я налил два стакана, и мы — как всегда в таких случаях — неискренне улыбнулись друг другу и выпили. Пот скатился с моего затылка на спину прежде, чем я успел поставить стакан. Но все же я почувствовал себя лучше. Усевшись на кровать, я посмотрел на рассыльного.

— Вы способны сейчас что-то делать?

— Что именно?

— Вспоминать.

— К такому я не привык,— ответил он.

— У меня есть деньги, которые я обычно трачу самым нелепым образом,— заявил я, вынув из кармана кошелек и разбросав на постели несколько долларовых бумажек.

— Ну что ж...— сказал рассыльный.— А если вы сыщик?

— Не будь дураком,— фыркнул я.— Когда ты видел сыщика, раскладывающего пасьянс из собственных сбережений? Можешь считать меня следователем.

— Это и вправду интересно,— заметил он, глядя на деньги.— От такого пейзажа моя голова начинает работать.

Я вручил ему доллар.

— Аванс за твою голову. Ты, наверное, из Техаса?

— Из Амарильо,— ответил он.— Но это не имеет значения. А вам что, понравился мой акцент? Лично меня от него тошнит, но клиентам он нравится.

— Пользуйся им и дальше,— посоветовал я.— На твоём акценте можно заработать.

Он улыбнулся и убрал банкноту в карман.

— Что ты делал в пятницу двенадцатого июня? — спросил я.— Днем и вечером.

Он медленно выпил виски и подумал, встряхивая лед в стакане.

— Я был здесь. Моя смена от десяти до двадцати четырех.

— В отель приезжала молодая женщина, красивая, стройная блондинка. Она остановилась здесь, ожидая ночного поезда в Эль-Пасо. То есть я так полагаю, потому что она попала в Эль-Пасо в воскресенье утром. Сюда она прикатила на «паккарде», зарегистрированном на имя Кристалль Грейс Кингсли, Беверли-Хилл, Карсон-драйв, 965. Возможно, она зарегистрировалась под этой фамилией, а может, и под другой или вовсе не заполнила бланка для прибывающих. Ее машина до сих пор находится в гараже вашего отеля. Мне бы хотелось переговорить с ребятами, которые ее обслуживали. За то, что ты об этом подумаешь, получай второй доллар.

Я выбрал еще одну бумажку из моей выставки, и она исчезла в его кармане с шелестом, напоминавшим трепет крыльев большой бабочки.

— Будет сделано,— отчеканил он.

Рассыльный поставил стакан и вышел. Я выпил свою порцию и приготовил новую, затем отправился в ванную и облил водой грудь. В это время зазвонил телефон. Голос с тexasским акцентом сообщил:

— Это был Сонпи. На прошлой неделе его призвали на военную службу. Другой парень по прозвищу Лос выносил ее вещи. Он еще здесь.

— Отлично. Пришли его ко мне.

Я развлекался вторым стаканом и уже подумывал о третьем, когда раздался стук в дверь. Я открыл ее, и в комнате появился молодой человек, похожий на мышь, с зелеными глазами и маленьким девичьим ротином. Он вошел, пританцовывая, остановился и с вызывающим видом посмотрел на меня.

— Пьешь?

— Конечно,— холодно бросил он и налил себе изрядную порцию виски, капнув туда немного пива. Потом одним глотком проглотил эту смесь, сунул в зубы сигарету и закурил. Выдохнув дым, он опять принялся вглядываться в меня, уголкем глаза заметив деньги на кровати. Хорошо еще, что на кармане его рубашки не было вышитого номера.

— Тебя зовут Лос? — спросил я.

— Нет,— ответил он, помолчал, и прибавил: — Мы не любим сексотов. У нас нет своего шпика, а с чужими мы не станем пугаться.

— Спасибо,— поблагодарил я.— Этого вполне достаточно.

— Чего?

Его маленькое личико неприятно сморщилось.

— Убирайся отсюда,— сказал я.

— Я думал, что вы хотите поговорить со мной,— заметил он.

— Ты старший рассыльный?

— Да.

— Я мечтал тебя угостить и подарить доллар. Получай.— Я дал ему банкноту.— Спасибо за посещение.

Он молча взял деньги и убрал их. Стоял он неподвижно, выпуская дым через нос, а глаза его были внимательны и злы.

— То, что я могу сообщить,— очень важно.

— Только для тебя,— возразил я.— Ты же выпил, деньги получил, а теперь убирайся.

Пожав плечами, он беззвучно покинул комнату. Минут через пять снова раздался стук. Лучисто улыбаясь, вошел высокий рассыльный. Я снова уселся на кровать.

— Насколько я понял, вы не общались с Лосом?

— Нет. Он доволен?

— Думаю, да. Вы же знаете начальство: оно непременно должно получить свою долю. Теперь вы можете называть меня Лосом, мистер Марлоу.

— Значит, это ты ее обслуживал?

— И я тоже. Она не регистрировалась у портъе. Но я вспомнил, как сюда прибыл «паккард». Она поручила мне поставить машину в гараж и позаботиться о ее вещах, пока не прибудет поезд, потом дала мне доллар. А доллар запоминается в нашем городе. Кроме того, у нас много судачили о том, что она долго не забирает машину. Она пообедала в нашем ресторане.

— Как она выглядела?

— Женщина в белом платье с черной отделкой и в панаме с черно-белой лентой. Красивая блондинка, говоря вашими словами. Потом она взяла такси и уехала на вокзал. Я укладывал ее вещи. На них стояли инициалы, только не помню какие.

— И хорошо, что не помнишь,— сказал я.— Это было бы чересчур. Выпей еще. Сколько ей, по-твоему, лет?

Он придвинул стакан и налил себе солидную порцию.

— В наше время трудно определить возраст женщины,— ответил он.— Полагаю, около тридцати. Может, чуть больше или чуть меньше.

Пошарив в своем пиджаке, я вытащил фото Кристаль и Лавери на пляже. Он внимательно изучил снимок.

— Я от тебя не требую присяги, как на суде,— заметил я.

Он кивнул головой.

— Да я бы и не смог присягнуть. Все эти маленькие блондинки похожи друг на друга. А одежда, освещение и косметика делают их либо еще более похожими, либо совершенно различными.

Он все еще колебался, глядя на фото.

— Что тебя смущает?

— Я думаю о мужике на снимке. Он тоже замешан в этом деле?

— Говори все, что тебе известно.

— По-моему, это он подошел к ней в холле, и они вместе пообедали. Высокий красивый парень, сложенный как боксер полутяжелого веса. Потом он сел с ней в такси.

— Ты уверен?

Он взглянул на деньги, разбросанные по кровати.

— Ладно, сколько это будет стоить? — с кислым видом спросил я.

Он отложил фото, вынул из кармана какие-то банкноты и тоже бросил их на постель.

— Спасибо за угощение,— сказал он.— И пусть вас черти заберут.

Он пошел к двери.

— Садись, не надо быть таким недотрогой,— про- бормотал я.

Он сел и с упреком посмотрел на меня.

— И не изображай пылкого южанина,— прибавил я.— Я повидал множество людей в разных отелях, и среди них редко встречались парни, не понимавшие шутку. Угораздило же меня нарваться именно на такого.

Он улыбнулся, кивнув головой, снова взял фото и начал рассказывать.

— Это был приличный мужчина, более солидный, чем та дама. Но кое-что я заметил и потому все запомнил. Мне показалось, что даме не понравилось то, что он так открыто подошел к ней в холле.

Я подумал, что это не имеет значения. Возможно, Лавери просто не явился на какое-то свидание или опоздал на него.

— Наверное, для этого были основания,— сказал я.— А какие на ней были украшения? Кольца, ожерелье, что-нибудь оригинальное или дорогое?

Он заявил, что не помнит.

— Какие у нее были волосы: длинные или стриженные, волнистые или с локонами? Естественная блондинка или крашеная?

Он рассмеялся.

— Черт возьми! На последний вопрос я ответить не могу, мистер Марлоу. Даже натуральные блондинки и те красятся. Насколько я помню, волосы у нее были длинные, какие теперь не в моде, слегка вьющиеся на концах. Но возможно, я и ошибаюсь.— Он опять посмотрел на снимок.— Человек никогда не поручится за свою память.

— Правильно. Я спрашивал просто, чтобы проверить, не слишком ли много ты запомнил. Человек, описывающий множество подробностей,— недостоверный свидетель, как, впрочем, и тот, кто ничего не замечает. В большинстве таких случаев добрая половина выдумывается. Но ты говоришь все более или менее правильно. Спасибо.

Я вручил ему два доллара и прибавил для компании еще пять. Он поблагодарил меня, прикончил виски и деликатно удалился. Я выпил свою порцию, снова умылся и решил, что лучше поехать домой, чем ночевать в этой дыре. Одевшись, я взял свой чемодан и спустился по лестнице. Похожий на мышшь старший рассыльный сидел в холле. Он даже не двинулся, чтобы взять у меня багаж. Портье с яйцевидной головой отнял у меня два доллара, не глядя в мою сторону.

— Два доллара за ночь в подобной бане! — возмутился я.— Лучше спать бесплатно под открытым небом.

Портье зевнул, а когда я уже подходил к двери, неожиданно заметил:

— Жара под утро спадает. С трех до восьми, а иногда до девяти у нас бывает прохладно.

Я вытер голову платком и приблизился к машине. Сиденье было горячее, хотя уже наступила полночь. Я вернулся домой без четверти два. Было свежо.

Глава 14

Мне снилось, что я плыву в холодной зеленой воде с трупом светловолосой женщины под мышкой. Отвратительная рыба с выпученными глазами сновала вокруг меня, как престарелый Дон Жуан. Я почти задохнулся, когда покойница вдруг ожила и куда-то исчезла. Тут я стал бороться с рыбой, а женщина снова появилась

в глубине. Я проснулся и увидел, что изо всех сил стараюсь засунуть себе в рот простыню. Руки продолжали болеть и после того, как я встал. Я закурил сигарету и снова забрался в постель. Проснувшись вторично, я увидел, что часы уже показывают девять. Прямо в лицо мне светило солнце, в комнате было жарко. Я принял душ, побрился, надел брюки и сел завтракать. Вскоре раздался стук в дверь. Не дожидаясь куска жареного хлеба, я открыл ее. На пороге стоял высокий мужчина в сером костюме.

— Лейтенант Флойд Грир, центральное следственное бюро, — отрекомендовался он, входя в комнату.

Мы пожали друг другу руки. Лейтенант сел на край стула, как это обычно делают полицейские. Он держал в руках шляпу и глядел на меня спокойным неподвижным взглядом, что также типично для полицейских.

— Нам звонили из Сан-Бернардино по поводу истории с утонувшей женщиной. Я слышал, что вы присутствовали при том, как вытаскивали тело.

Я кивнул и спросил:

— Выпьете со мной кофе?

— Благодарю вас. Я завтракал час назад.

Я выпил кофе и приготовился слушать.

— Мне поручили вас проверить, — сказал он. — Им нужны о вас сведения.

— Понятно.

— Мы все выяснили. Вы чисты, по крайней мере по нашей линии. Однако удивительно, что человек вашей профессии оказался на берегу именно тогда, когда обнаружили тело.

— Со мной такое случается, — заметил я. — Мне везет.

— Я подумал, что мне следует с вами познакомиться.

— Очень любезно с вашей стороны. Я счастлив, лейтенант.

— Странное стечение обстоятельств, — продолжал он. — Вы находились там по делу, если можно так выразиться?

— Мое дело не имело связи с утонувшей женщиной, насколько я могу понять.

— Но вы в этом не уверены?

— Пока все не закончится, нельзя ни в чем быть уверенным, не так ли?

— Правильно.

Лейтенант вертел шляпу в руках, точно робкий ковбой. Но в глазах его робости не было.

— Мне нужны гарантии, что вы сообщите нам любое новое обстоятельство, связывающее ваше дело с утонувшей женщиной.

— Можете на меня рассчитывать, — пообещал я.

Он облизал нижнюю губу.

— Нам необходимо что-то более определенное, чем ваши предположения. Пока у вас ничего нет?

— Все, что я знаю, известно Паттону.

— А кто это?

— Констебль из Пума-Пойнт.

Высокий лейтенант презрительно ухмыльнулся, затем сказал:

— Коронер из Сан-Бернардино, вероятно, захочет с вами побеседовать до предварительного разбора. Правда, это будет не скоро. Сейчас пытаются снять отпечатки с пальцев трупа. Мы послали туда нашего эксперта.

— Это нелегко. Тело совершенно разложилось.

— Такие вещи делаются, — возразил он. — В Нью-Йорке разрабатывали целую методику. Там постоянно занимаются утопленниками. В общем, это удастся.

— Вы полагаете, что утонувшая женщина была зарегистрирована в полиции?

— Просто мы всегда снимаем отпечатки пальцев у трупов, — ответил он. — Вы должны об этом знать.

— Что касается умершей, то я не был с ней знаком, — продолжал я. — Если вы считаете, что я очутился на месте происшествия не случайно, то вы глубоко заблуждаетесь.

— Тогда, может быть, вы просто объясните, для чего вы туда поехали?

— Вы думаете, что я лгу?

Он повертел шляпу на указательном пальце.

— Вы меня неверно поняли, мистер Марлоу. Мы вообще не думаем, мы только задаем вопросы и ищем факты. Все производится по обычной схеме. Вы долгое время с нами сотрудничали и должны быть в курсе. — Он встал и надел шляпу. — Вы меня очень обяжете, если известите, когда будете уезжать из города.

Я посулил непременно это сделать и проводил его до дверей. Он вышел, кивнув головой с грустной полуулыбкой. Я видел, как он неторопливо прошагал по коридору и нажал кнопку вызова лифта. Я вернулся на кухню налить кофе: его хватило на две трети чашки. Я добавил молока, положил сахар и отнес чашку к телефону. Набрал номер главного полицейского

управления, я попросил соединить меня со следственным бюро и вызвал лейтенанта Флойда Грира. Чей-то голос ответил:

— Лейтенанта Грира нет. Может, его заменит кто-то другой?

— А де Сото на месте?

— Кто?

Я повторил фамилию.

— В каком отделе он работает?

— Он инспектор или кто-то в этом роде.

— Подождите у телефона.

Я подождал. Через минуту отозвался тот же ворчливый голос:

— Что за шутки? У нас нет никакого де Сото. Кто со мной говорит?

Я положил трубку, допил кофе и набрал служебный номер мистера Кингсли. Ответила мисс Фромсетт. Она с холодной вежливостью сообщила, что шеф прибыл минуту назад, и соединила меня с ним.

— Ну? — спросил он резко и властно, как всегда в начале дня. — Что вы разузнали в отеле?

— Она действительно там была и встречалась с Лавери. Рассыльный сам его назвал, без нажима с моей стороны. Лавери с ней обедал, затем они оба уехали к вокзалу на такси.

— Я должен был догадаться, что Лавери лжет, — медленно произнес Кингсли. — Мне показалось, что его поразило мое сообщение о телеграмме из Эль-Пасо. Но, очевидно, я ошибся. Что еще?

— Утром ко мне явился полицейский и потребовал, чтобы я не исчезал из города, не известив его. Он пытался выяснить, зачем я ездил в Пума-Пойнт, но я ничего не сказал. Он даже не подозревает о существовании Джима Паттона. Из этого следует, что Паттон никому ничего не говорил.

— Джим сделает все возможное, чтобы тихо покончить с этой историей, — заметил Кингсли. — Зачем вы вчера спрашивали у меня о какой-то женщине... кажется, Милдред?

Я коротко объяснил. Потом добавил, что найдена машина Мэриел Чейз, и сообщил, где ее обнаружили.

— Это плохо для Билла, — вздохнул Кингсли. — Я знаю Большое озеро, но мне бы никогда не пришло в голову использовать этот сарай... вернее, я просто забыл о его существовании. Ситуация для Билла скверная, она выглядит как преднамеренное убийство.

— Но если он знаком с окрестностями, то ему не нужно было раздумывать, где найти подходящее место. Ведь он мог действовать на ограниченном пространстве.

— Возможно. Что вы теперь собираетесь делать?

— Очевидно, придется снова побеседовать с Лавери.

Он согласился и спросил:

— А другое дело, так печально закончившееся, вас не интересует?

— Нет, если только ваша жена не была в курсе.

— Послушайте, мистер Марлоу, — резко произнес он, — будьте осторожны. Я понимаю, что интуиция детектива заставляет вас сопоставлять разные вещи. Но в жизни подобных совпадений не случается... насколько я знаю. Лучше предоставьте дела семейства Чейз полиции и направьте свои силы на семью Кингсли.

— Хорошо, — ответил я.

— Конечно, я не собираюсь вам приказывать, — прибавил он.

Я рассмеялся, попрощался и повесил трубку. Потом, закончив свой туалет, сел в машину и снова направился в Вай-Сити.

Глава 15

Я остановился на углу Элтер-стрит. Немного посидел в машине, раздумывая, поглядывая на океан и любуясь голубовато-серой цепью гор над побережьем. Я размышлял о том, как мне говорить с Лавери: в перчатках или грубо. И наконец решил, что я ничего не потеряю, начав вежливо. Если это не приведет к положительным результатам — а я опасался, что не приведет, — тогда дело пойдет своим чередом, и мы начнем ломать мебель.

Погода была еще лучше, чем вчера. Утро дышало покоем. Оставив машину, я отправился к дому Лавери пешком. Венецианские жалюзи были спущены, кругом стояла тишина. Позволив, я заметил, что двери не заперты. От одного нажима они открылись с легким скрипом. В коридоре было темно. На мой звонок никто не отозвался. Я не стал звонить вторично, а просто вошел внутрь. Духота в комнате говорила о том, что окна еще не открывали. На круглом столике у кушетки стоял сифон с содовой. Притворив дверь, я прислушался. Если Лавери нет, я воспользуюсь случаем и обыщу дом. У меня не было конкретных подозрений, но я надеялся найти что-нибудь компрометирующее и тем самым удержать его от

звонка в полицию. Время шло. Часы на стене отстукивали секунды, с улицы доносились сигналы автомобилей и гул самолетов. Сделав несколько шагов, я снова прислушался. Тишина. Я зашагал по ковру в сторону лестницы у черного хода. Тут на перилах мелькнула рука в перчатке и застыла. Потом она шевельнулась, и появилась голова женщины в шляпке. Женщина медленно поднималась наверх. Вот она добралась до площадки и вошла в квартиру. Казалось, что она меня не видит. Женщина была невысокая, неопределенного возраста, с рыжими волосами и ярко накрашенными губами. На щеках и под глазами лежал толстый слой грима. На ней было голубое платье из твида и красная шляпа. Наконец она заметила меня, но не остановилась, а просто вошла в гостиную, держа что-то в правой руке. На левой красовалась черная перчатка, которую я видел на перилах. Правой перчаткой она обернула рукоятку маленького пистолета. Женщина остановилась, и с ее уст сорвался какой-то неясный звук. Потом она засмеялась нервным смехом. Направив на меня пистолет, она подошла все ближе и ближе. Я молча смотрел на оружие. Очутившись достаточно близко для того, чтобы завязать дружескую беседу, она наставила пистолет мне в живот и сказала:

— Я ничего не требую, кроме квартирной платы. Похоже, что он содержит дом в порядке. Вроде ничего не испорчено. Он всегда был приличным жильцом. Но я терпеть не могу, когда задерживают деньги.

— А сколько он задолжал? — нервно спросил я.

— За три месяца. Двести сорок долларов. Восемьдесят долларов в месяц — небольшая цена за прекрасно меблированное помещение. У меня и прежде были трудности с получением денег, но обычно все кончалось благополучно. Он обещал мне заплатить сегодня утром. Я говорила с ним по телефону.

— По телефону, — повторил я. — Сегодня утром...

Я сделал шаг вперед, желая приблизиться настолько, чтобы получить возможность ударить по пистолету и выбить его, прежде чем дама опомнится. Я не имел опыта борьбы с вооруженными женщинами, но нужно было когда-нибудь начать. Мне показалось, что сейчас наступило подходящее время. Я продвинулся на несколько сантиметров, но этого было мало для первой попытки.

— Вы владелица дома?

На пистолет я старался не смотреть, надеясь, что она не сознает того, что он направлен на меня.

— Что? Конечно. Моя фамилия Фальбрук. А вы думали как?

— Я так и решил, что вы здешняя владелица, — подтвердил я, — поскольку вы говорили о квартирной плате.

Еще восемь сантиметров вперед. Отлично. Было бы непростительно упустить такой случай.

— А кто вы, разрешите спросить?

— Видите ли, я тоже пришел получить деньги, только за машину, — ответил я. — Дверь была приоткрыта, и я невольно проник в коридор. Сам не понимаю, как это случилось.

Я скроил мину, подобающую чиновнику из кредитного общества, который явился требовать деньги за аренду автомобиля: суровое выражение лица, в любую минуту заменяющееся солнечной улыбкой.

— А что, мистер Лавери неаккуратно платит за пользование машиной? — обеспокоенно спросила она.

— Нет, нет, довольно аккуратно, — успокаивающе ответил я.

Наступил подходящий момент. Теперь нужна быстрота. Сильный удар по руке — и пистолет окажется на полу. Я начал медленно отрывать от ковра левую ногу.

— Представляете, — проговорила она, — какая смешная история получилась с этим пистолетом! Я нашла его на лестнице. Ведь оружие постоянно смазывают, а у меня тут очень дорогой ковер.

И она протянула пистолет мне. Застывшей от напряжения рукой я взял оружие. Женщина с отвращением подула на перчатку, которой была обернута его рукоятка. У меня задрожали колени. А она продолжала свой монолог:

— Конечно, вам гораздо легче, чем мне. Я имею в виду автомобиль. Вы можете его забрать. Но как это сделать, когда речь идет о помещении с такой превосходной мебелью? Чтобы выселить квартиранта, нужны время и деньги. Подумайте только, один ковер стоит больше двухсот долларов! У него приятный цвет. Вы не находите? Я даже пешком сюда пришла, чтобы не тратиться на такси. Можно было бы часть дороги проехать автобусом, но эти отвратительные машины никогда не появляются в нужную минуту либо идут в противоположную сторону.

Я не слышал ее слов. Меня интересовал только пистолет. Я вынул обойму, она была пуста. Потом заглянул в ствол — тоже пуст, но от него разило порохом. Я убрал

оружие в карман. Это был полуавтомат двадцать пятого калибра. Пользовались им, видимо, недавно, не более получаса назад.

— Из него стреляли? — вежливо спросила миссис Фальбрук. — Я надеюсь, что нет.

— А у вас есть какие-то предположения на этот счет? — поинтересовался я.

Голос мой звучал ровно, но в голове все ходило ходуном.

— Он лежал на лестнице, — повторила она. — Может, его бросили там после того, как выстрелили?

— Очень тонкое замечание, — подтвердил я. — Но если у мистера Лавери попросту дыра в кармане? Вы не спрашивали его? Вдруг он все-таки дома?

— Ах, нет. — Она покачала головой. — По-моему, это очень неблагоприятно с его стороны. Обещал заплатить, я пришла...

— Когда вы ему звонили?

— Что? Вчера вечером.

Мои вопросы явно ей не нравились.

— Наверное, его кто-то вызвал, — предположил я.

Она вглядывалась в какую-то точку между моими бровями.

— Послушайте, миссис Фальбрук, — сказал я. — Я, конечно, люблю шутки, но, пожалуй, следует поговорить серьезно. Вы случайно не убили Лавери? Из-за того, что он не уплатил вам за три месяца?

Она опустила на краешек стула и, проведя языком по своим ярко-красным губам, гневно воскликнула:

— Что за гнусное предположение?! Нельзя сказать, чтобы вы были вежливы. Вы же сами утверждали, что из этого пистолета никто не стрелял.

— Нет такого оружия, которым никогда не пользовались. Каждый пистолет когда-нибудь был заряжен.

— Ну что ж... — Она нетерпеливо взмахнула своей запачканной перчаткой.

— Я расскажу вам о своем, возможно, нелепом предположении. Считайте его просто очередной шуткой. Мистер Лавери вышел, а вы вошли. Как у владелицы дома, у вас есть собственный ключ. Верно?

— Я не хотела быть назойливой, — заявила она, кусая ногти. — Возможно, так не следовало поступать. Но я имею право проверить, все ли в порядке.

— Ну и проверили? Вы убеждены, что его здесь нет?

— Под кровать и в холодильник я не заглядывала, —

холодно ответила она. — Просто несколько раз позвала его с лестницы, когда никто не ответил на звонок. Потом сошла в холл и снова позвала. Я даже в спальню посмотрела.

Как бы стыдясь своего поступка, она опустила глаза и положила руку на колено.

— Понимаю, — сказал я.

Она кивнула головой.

— А как ваша фамилия?

— Ванс. Фило Ванс *.

— В какой фирме вы работаете, мистер Ванс?

— Сейчас я безработный и буду им до тех пор, пока у комиссара полиции не возникнут затруднения.

Мои слова явно ее взволновали.

— Но вы же заявили, что пришли получить плату за автомобиль.

— Это мое дополнительное занятие, — ответил я. — Так сказать, сверхурочное.

Она встала и посмотрела на меня в упор. Голос ее звучал холодно:

— В таком случае вам следует немедленно покинуть мой дом.

— А я полагаю, что сперва должен осмотреть его, если вы, конечно, не против. Вы могли чего-нибудь не заметить.

— Не вижу такой необходимости, — возразила она. — Это мой дом. Хозяйка здесь я. Будьте добры удалиться, мистер Ванс.

— А что, если я не удалюсь? Садитесь, миссис Фальбрук, а я изучу этот пистолет. Он кажется мне подозрительным.

— Но я уже объяснила вам, что нашла его на лестнице! — вскричала она. — Больше мне ничего неизвестно. Я вообще не разбираюсь в оружии... Я... я никогда в жизни не стреляла.

Она открыла большую голубую сумку, вынула из нее платок и шмыгнула носом.

— Голословное утверждение, — заявил я. — Я не обязан ему верить.

Она сделала патетический жест рукой и захныкала:

— О, я не должна была сюда входить. Конечно я не права. Мистер Лавери будет страшно сердиться.

— Вот чего вы не должны были делать, — заметил

* Знаменитый сыщик, герой детективных романов американского писателя С. Ван-Дайна. — *Прим. пер.*

я,— так это показывать мне, что пистолет не заряжен. Остальное все было правильно.

Она топнула ногой. «Этого еще не хватало»,— подумал я.

— Бесстыдник! — пискнула она.— Не смейте прикасаться ко мне! Я больше ни минуты не останусь здесь с вами. Как вы смеете так себя вести!

Она наклонила голову и, фыркнув, точно кошка, подбежала к дверям. Похоже, ей хотелось ударить меня, но я был в стороне, а она спешила. Она толкнула дверь с такой силой, что та распахнулась настежь, и разгневанная дама очутилась на улице. Дверь со скрипом закрылась, и я услышал быстро удаляющиеся шаги. Я постучал ногтем по зубам и прислушался.

— Здесь что-то неладно,— громко произнес я. В доме царил необычная тишина.

Глава 16

В холле было несколько дверей. Я начал их обследовать. Первая вела в бельевую, вторая была заперта. Я заглянул в спальню для гостей: штора опущена, постель не тронута. Я вошел в следующую спальню. В ней стояли широкая кровать и современная мебель светлого дерева, на полу лежал ковер кофейного цвета. Туалетный столик и трюмо освещались бра. На столе находились фарфоровая статуэтка собаки, а рядом шкатулка для сигарет. Весь он был обсыпан пудрой. На полотенце виднелись следы губной помады. На кровати рядышком лежали подушки с полотняными наволочками, сохранившие углубления покоившихся на них голов. Из-под подушки выглядывал маленький носовой платочек. На спинке кровати висели брючки от женской пижамы. В воздухе сильно пахло «шипром». Любопытно, что бы об этом подумала миссис Фальбрук? Взяв платок, я нажал на ручку другой двери. Там оказался стенной шкаф, наполненный мужскими костюмами. Но в нем же я увидел и женское платье — белое с черной отделкой, а внизу черные с белым туфли. Шляпка — панама с черно-белой лентой — лежала на полке. Были там и другие женские наряды, но я не стал их осматривать. Закрыв шкаф, я отправился дальше, держа в руке носовой платок. Запертая дверь рядом с бельевой комнатой, вероятно, вела в ванную. Я потянул за ручку, но дверь не поддавалась. Наклонившись, я нашел крохотную замочную скважину. Известно, что двери ванн

комнат запираются изнутри, а замочная скважина делается для примитивного ключа, чтобы отпереть дверь снаружи в случае, если человеку сделалось дурно или дети, запершись, не могут выйти. Ключ, видимо, должен был лежать на верхней полке шкафа, но там его не было. Я попытался отомкнуть дверь перочинным ножом, но лезвие оказалось слишком тонким. Вернувшись в спальню, я взял пилочку для ногтей и ею отпер дверь без труда. На циновке лежали брюки от мужской пижамы, на полу — пара зеленых туфель без каблуков. На краю умывальника валялись бритва и тубик крема. Окно ванной было закрыто, а в воздухе стоял резкий запах пороха.

Три стреляных гильзы остались на зеленом кафеле пола, а в матовом стекле окна виднелась дырочка. В стене под окном я заметил выщербленный кафель. Туда, вероятно, ударила пуля. Занавеска, загораживающая душ, была сделана из зеленого шелка и висела на блестящих хромированных кольцах. Я отдернул ее, и кольца издали пронзительный и почему-то странно громкий звук. Нагнувшись над ванной, я почувствовал боль в спине. Конечно, там был он. Кто же другой мог там находиться? Он скорчился в углу под двумя блестящими кранами, по его груди медленно стекала вода. Его колени были согнуты. В обнаженной груди краснели два отверстия, расположенные в такой близости от сердца, что сомневаться в его смерти не приходилось. Кровь, наверное, смыло водой. В глазах застыло выражение ожидания, словно этот человек почувствовал запах утреннего кофе и собирался позавтракать.

Отличная работа. Человек побрился, разделся, чтобы принять душ, наклонился к крану и начал регулировать температуру воды. Дверь сзади открывается, и кто-то входит. Оказывается, что это женщина с пистолетом. Он смотрит на нее, она стреляет. Три промаха. Это кажется невыносимым на таком близком расстоянии, но так случается. Возможно, даже часто случается, но у меня в этой области нет опыта.

Убежать ему некуда. Конечно, он мог броситься на нее, если бы имел мужество. Но раздетый человек, наклонившийся к кранам, совершенно незащищен. Он каменеет от страха, если похож на большинство людей. Спасти его негде. И человек пытается спрятаться. Он забивается в угол, прижимается к стене, но в ванной мало места, а кафельная стена неподвижна. Тогда раздается еще два или три выстрела, и глаза его уже ничего не выражают. Это застывшие глаза мертвеца.

Она закрывает воду и запирает дверь. Затем бросает пистолет на лестнице и выходит из дому. Пистолет, вероятно, принадлежал убитому. Так ли это? Лучше бы так. Нагнувшись, я коснулся его руки — холодна, как лед. Я вышел из ванной, не заперев двери. Зачем? Только создавать лишнюю работу для полиции. Вернувшись в спальню, я вынул платочек из-под подушки. Он был маленький, с зубчатыми краями, в к углу два крохотных инициала «А. Ф.», вышитых красной ниткой.

— Адрианна Фромсетт,— сказал я и рассмеялся невеселым смехом. Потом встряхнул платочек, чтобы проверить его запах, завернул в бумагу и спрятал в карман. Затем я поднялся наверх и обыскал ящики стола: ни любопытных писем, ни номеров телефонов, ни фамилий. Если они и были, то я их не обнаружил. Я посмотрел на телефон. Он располагался на маленьком столике возле камина. У него был длинный шнур, так что мистер Лавери мог вести нежные, милые разговоры с девушками, лежа на кушетке с сигаретой во рту и со стаканом какого-нибудь напитка на тумбочке. Легкий, пустой флирт и шутки, не очень остроумные и не слишком глупые, в соответствии с его способностями.

А теперь все кончилось. Я подошел к входной двери. Никто не свистел в полицейский свисток. Все было спокойно, тихо и солнечно. Никаких оснований для тревоги. Только Марлоу нашел второй труп. Я стал настоящим специалистом в этой области. Теперь меня будут называть «Марлоу-Каждый-День-По-Трупу». Мне подарят катафалк, чтобы было на чем отвозить свои находки. Нечего сказать, славный и приятный парень.

Я вышел на улицу, сел в машину и уехал.

Глава 17

Рассыльный вернулся в вестибюль клуба через три минуты и кивнул головой, подзывая меня. Мы поднялись на лифте на третий этаж, затем вышли в коридор, и рассыльный показал на полуоткрытые двери.

— Налево, сэр, только, пожалуйста, потише. Некоторые члены клуба спят.

Я очутился в библиотеке. За стеклянными дверцами шкафов помещались книги и иллюстрированные еженедельники, в центре стоял длинный стол, а на стене висел портрет основателя клуба, основным занятием членов которого был сон. Выступающие сегменты полок раз-

деляли зал на несколько частей, и в каждой из них находились глубокие кресла невероятных размеров. В креслах дремали престарелые джентльмены. Их лица имели багровый оттенок от высокого давления, а из розовых носов раздавался причудливый храп. Сделав несколько шагов вперед, я заглянул налево. Деррас Кингсли сидел у самой стены, перед ним стояли еще два кресла. Из-за спинки выглядывала его черная голова. Я уселся и поздоровался с ним.

— Говорите тише,— предупредил он.— Этот зал предназначен для полуденного сна. Ну, что там? Я нанял вас, чтобы вы избавили меня от неприятностей, а не добавляли новые к тем, которые уже есть. Из-за вас мне пришлось отменить важное совещание.

— Знаю,— сказал я и, наклонившись к нему, почувствовал очень приятный запах коктейля.— Она застрелила его.

Брови у Кингсли поднялись, лицо приняло каменное выражение, а зубы стиснулись. Он тяжело задышал и попросил деревянным голосом:

— Продолжайте.

Я осмотрелся. Ближайший старый осел спал крепко и похрапывал.

— В доме Лавери никто не отвечал,— начал я.— Двери были не заперты, и я вошел. В комнате на столе обнаружались два стакана с остатками виски. Вокруг тишина. Через минуту появилась стройная рыжая женщина. Она поднялась по лестнице с пистолетом в руке. Потом она объяснила, что нашла его на ступеньках, и назвалась миссис Фальбрук. Она заявила, что пришла получить квартирную плату за последние три месяца и что открыла дверь собственным ключом. По ее словам, Лавери она дома не застала. Я нагнал на нее страху, и она удрала. Конечно, она может обратиться в полицию, но скорее махнет на все рукой и будет помнить только о квартирной плате.

Я помолчал. Лицо Кингсли было обращено ко мне, и мускулы его напрягались по мере того, как он сжимал зубы. Глаза ничего не выражали.

— Я сошел вниз и увидел следы женщины, проведеншей там ночь. Пижама, пудра, духи и так далее. Три гильзы на полу, два выстрела в стену, один в окошко. Лавери под душем — голый и мертвый.

— Боже! — простонал Кингсли.— Вы полагаете, что прошлой ночью у него была женщина, которая утром застрелила его в ванной?

— А что же, по-вашему, я пытаюсь вам растолковать? — спросил я.

— Тише! — пробормотал он. — Это ужасно! Но почему в ванной?

— Сами вы тише! — огрызнулся я. — А почему бы и не в ванной? Вы можете назвать другое место, где человек был бы столь же беспомощен?

Он заговорил снова:

— Откуда вы знаете, что его застрелила женщина? Вы уверены в этом?

— Не уверен. Вы правы. Кто-то, воспользовавшись маленьким пистолетом, мог просто подыграть под женщину. Ванная помещается наверху, ее окно выходит в безлюдное место, и вряд ли кто-нибудь слышал выстрелы. Таким образом, вероятный убийца — женщина, которая провела там ночь, но, возможно, никакой женщины и в помине не было. Не исключено, что следы оставлены умышленно. Его мог застрелить и мужчина.

— Для чего бы я стал это делать? — пробормотал Кингсли, почти трясаясь от страха. — Я культурный человек.

Мне не хотелось спорить на эту тему, я не люблю бессмысленных разговоров, но спросить я спросил:

— У вашей жены есть оружие?

Он повернул ко мне побледневшее лицо и произнес глухим голосом:

— Великий боже!.. Вы же не думаете, что?..

— Есть или нет?

Он заговорил с трудом, делая большие паузы между словами:

— Да... есть... маленький... пистолет.

— Вы купили его в этом городе?

— Я... я вообще его не покупал. Отобрал у одного пьяницы во время пирушки в Сан-Франциско два года назад. Он размахивал оружием, полагая, что это страшно забавно. Я не вернул его. — Он сжал свой подбородок с такой силой, что суставы пальцев побелели. — Вероятно, он даже не помнит, где и как его потерял, до такой степени был пьян тогда.

— Все это звучит чересчур наивно, — заметил я. — А могли бы вы узнать пистолет?

Он принялся напряженно и мучительно размышлять. Я снова оглядел комнату. Один из спавших проснулся, закашлялся, почесал нос и вынул из жилета золотые часы. Затем убрал их назад и снова погрузился в сон.

Я достал из кармана пистолет и вложил его в руку Кингсли. Он разглядывал его с несчастным видом.

— Не знаю, — с трудом выдавил он наконец. — Похож, вообще-то, но утверждать не могу.

— Сбоку есть серия и номер.

— Никто не может помнить номера оружия.

— По-моему, это только вы не помните, — заметил я. — Меня бы удивило обратное.

Он взялся за рукоятку пистолета и, положив его рядом с собой на кресло, воскликнул:

— Вот свинья! Наверное, он обманул ее.

— Не понимаю, — удивился я. — Для вас подобная причина была недостаточной, поскольку вы культурный человек, а для вашей жены — достаточна.

— Но ведь причины у нас неодинаковые, — фыркнул он. — К тому же женщины на порядок более порывисты, чем мужчины.

— Так же, как кошки порывистее собак.

— Что?

— Просто некоторые женщины более порывисты, чем некоторые мужчины. Вот и все. Нужно найти более веский аргумент, если допустить, что преступление совершила ваша жена.

Он отвернулся и оглядел спящих.

— Мне тоже кажется, что это недостаточный мотив, — согласился он наконец. — Мы не должны позволить, чтобы полиция завладела этим пистолетом. Кристалль имела разрешение на оружие и пистолет был зарегистрирован. Следовательно, в полиции записан его номер, которого лично я не знаю. Пистолет ни в коем случае не должен попасть к ним в руки.

— Но миссис Фальбрук известно, что он у меня.

Он упорно качал головой.

— Надо рискнуть. Конечно нам угрожает опасность. Постараюсь оплатить риск. Если бы ситуация выглядела как самоубийство, я бы отдал пистолет. Но из ваших слов самоубийства никак нельзя вывести.

— Верно. Но я не могу скрыть орудие убийства, даже если вы заплатите мне десять долларов. Пистолет придется предъявить.

— Я думал о большей сумме, — сказал он значительно. — Я хотел предложить вам пятьсот долларов.

— И что вы надеялись на них купить?

Он придвинулся ко мне еще ближе. Его суровые, холодные глаза все же выражали неуверенность.

— В квартире Лавери есть другие предметы, указывающие на присутствие там Кристалль?

— Платье, которое описал рассыльный из Сан-Бернардино, может, и кое-что еще, о чем мне неизвестно. Несомненно остались отпечатки пальцев. Вы говорили, что их у нее никогда не брали, но это не имеет значения, поскольку они будут обнаружены в квартире Лавери. Ведь отпечатки сохранились в ее спальне в вашем доме, в доме у озера и в машине.

— Мы должны немедленно забрать этот автомобиль,— начал он, но я прервал его:

— Это не принесет никакой пользы: существует множество других мест. Какие духи она употребляет?

— По-моему... «Джиреллен-Регаль»,— ответил он деревянным голосом.— Иногда «Шанель» № 1.

— А ваш одеколон?

— «Шипр».

— Вся спальня Лавери им провоняла,— заметил я.— Мне показалось, что это дешевка, но в таких вопросах я не судья.

— Дешевка? — с обидой повторил он.— Мы платим по доллару за один грамм.

— Возможно. Но там стоял такой запах, словно вы отдаете доллар за бочку.

Он положил руки на колени и покачал головой.

— Вернемся к нашему делу. Пятьсот долларов... чек выписываю немедленно.

Я сделал вид, будто не слышу. Один старик поднялся с кресла и печально зашагал по комнате.

— Я нанял вас,— прошептал Кингсли,— чтобы вы спасли меня от скандала и защитили мою жену в случае необходимости. Вы не виноваты в том, что возможность избежать скандала только уменьшилась. Но теперь речь идет о голове моей жены. Я не верю, что она убила Лавери. Я допускаю, что она была там прошлой ночью и что пистолет ее. Но это еще не значит, что она убийца. Она просто могла потерять оружие, а кто-то им воспользовался.

— Полицейские Вай-Сити даже слушать такого не пожелают,— сухо бросил я.— Если они похожи на того, с которым я встретился, то первую попавшуюся жертву сразу начнут мучить. А первой жертвой, конечно, будет ваша жена.

Он потер кисть левой руки. Его переживания носили несколько театральный характер, что редко сопровождается подлинной горю.

— В известной степени я согласен с вами,— продолжал я.— Улики не столь убедительны, как может показаться на первый взгляд. Она оставляет платье, в котором ее видели и принадлежность которого нетрудно установить, швыряет на лестнице пистолет. Трудно поверить, что она настолько глупа.

— Вы придаете мне мужество,— печально вздохнул Кингсли.

— Но это еще ничего не значит,— предостерегающе сказал я.— Мы пытаемся взвесить поступки хладнокровно, а люди, совершающие преступления в приступе страсти или ненависти, попросту убивают и уходят. Из того, что я слышал о вашей жене, можно заключить, что она действительно неумна. В этом убийстве не видно никакого плана, наоборот, все свидетельствует против него. Даже если бы там не было никаких следов вашей жены, полиция неизбежно свяжет ее с Лавери... Соберут сведения о его образе жизни, друзьях, любовницах. Ее имя рано или поздно появится в расследовании. А когда узнают, что она целый месяц неизвестно чем занималась, ее арестуют. И конечно проверят, кому принадлежит пистолет, а если выяснится, что ей...

Кингсли потянулся за оружием.

— Ничего не выйдет,— предупредил я.— Я должен отдать его. Марлоу может быть хорошим парнем, чувствующим к вам симпатию, но он не имеет права рисковать, скрывая такую важную улику, как орудие убийства. Я действую, исходя из того, что на вашу жену неизбежно падет подозрение, но оно может оказаться ложным.

Он вздохнул и оставил пистолет в покое. Я убрал его в карман, но затем опять вынул и добавил:

— Одолжите мне свой носовой платок, я не хочу пользоваться своим: меня могут обыскать.

Он протянул мне дорогой белый платок. Я осторожно вытер им пистолет и снова сунул в карман, а платок вернул.

— Там могут остаться мои отпечатки,— объяснил я.— Но я не хочу, чтобы остались ваши. Единственное, что мне приходит на ум,— это вернуться назад, положить пистолет на место и вызвать полицию. Рассказать им все, что знаю, и посмотреть, как будут развиваться события. Естественно, они сразу докопаются, зачем я там был и что делал. В худшем случае ее поймут и докажут, что убила она. Можно надеяться, что вашу жену схватят быстрее, чем удалось бы мне, тогда я направлю свои

усилия на ее оправдание. Нужно доказать, что его прикончил кто-то другой. Вы согласны с этим?

Он медленно кивнул.

— Хорошо... пятьсот долларов будут ваши... если вы сумеете выручить Кристаль.

— На них я не рассчитываю,— возразил я.— Будет лучше, если вы сразу это поймете. Скажите, а мисс Фромсетт хорошо знала Лавери? Я имею в виду не служебные отношения.

Лицо его вытянулось, кулаки сжались, но он ничего не ответил.

— Она странно выглядела, когда я вчера интересовался адресом Лавери,— продолжал я.— Похоже на воспоминание о закончившемся романе. Или я говорю слишком откровенно?

Его ноздри слегка вздрогнули, и он тяжело задышал. Потом успокоился и произнес:

— Она... она его отлично знала... в свое время. Эта девушка готова сделать все, что повелит ей сердце. Лавери, по-моему, обладал притягательной силой для женщин.

— Мне нужно с ней поговорить,— заявил я.

— Зачем? — резко спросил он. На щеках его выступили красные пятна.

— Какое вам дело? Это моя профессия задавать вопросы разным людям.

— В таком случае пожалуйста,— еле промолвил он.— Она знала Алморов. Знала жену Алмора, которая покончила с собой. Лавери тоже был с ней знаком... Но разве это имеет какое-то отношение к нашему делу?

— Пока не в курсе. Вы ее любите?

— Я бы прямо завтра на ней женился, если бы это было возможно,— торжественно заявил он. Я кивнул и, поднявшись, оглядел зал. В нем почти никого не осталось, только в противоположном углу продолжали храпеть две старые развалины. Остальные ушли и, видимо, занялись бизнесом, которому отдавали свободное от сна время.

— Существует только одно осложнение,— заметил я, глядя на Кингсли.— Полицейские вечно злятся, когда их вызывают на место преступления с большим опозданием. А опоздание растет с каждой минутой. Я отправлюсь туда и сделаю вид, будто приехал впервые. Думаю, мне все удастся, если не придется назвать имя миссис Фальбрук.

— Фальбрук?

По-моему, он ничего не слышал из моего объяснения.

— Кто это, черт возьми... Ах, да, помню...

— Лучше, если вы забудете. Я уверен, что она больше не появится. Едва ли она захочет связываться с полицией.

— Понимаю.

— Поэтому ведите себя осторожно. Вам начнут задавать вопросы о том, когда вы узнали, что Лавери убит, когда вы видели меня... Повторяю, будьте осторожны. Вам станут расставлять ловушки. Если они вас подловят, я пропал. Меня упрячут в тюрьму.

— Но вы же могли позвонить мне из дома Лавери, а потом вызвать полицию,— рассудительно заметил он.

— Едва ли такой вариант пойдет мне на пользу. Кроме того, они проверят все телефоны. А если бы я позвонил вам из другого места, это оказалось бы равносильным признанию, что я приходил сюда побеседовать с вами.

— Понимаю. Можете на меня положиться.

Мы пожали друг другу руки. Я ушел, а он остался.

Глава 18

Клуб помещался на самом углу улицы, а Триолер-Хауз немного дальше. Холл «Джиреллен компани» выглядел даже более безлюдным, чем накануне. Та же маленькая блондинка сидела у телефонных аппаратов. Она нежно улыбнулась мне, а я изобразил гангстерское приветствие: направил на нее указательный палец, три других согнул, а большим задвигал, как курком пистолета. Она весело засмеялась, хотя моя шутка едва ли была удачной. Я указал на пустой стол мисс Фромсетт, блондинка кивнула, но тут ее вызвали к телефону. Открылись двери, и мисс Фромсетт изящно опустилась на стул, посмотрев на меня с холодным ожиданием.

— Слушаю вас, мистер Марлоу. Мистера Кингсли сейчас нет на работе.

— Я возвращаюсь именно от него. Где можно с вами побеседовать?

— Побеседовать?

— Я должен кое-что вам показать.

— Вот как?

Она взглянула на меня недоверчиво. Вероятно, не один мужчина пробовал показывать ей разные вещи, не исключая порнографических открыток. В другое время я и сам бы с ней охотно пошутил.

— Деловой разговор,— пояснил я.— Вопрос касается мистера Кингсли.

Она поднялась.

— Тогда пойдете в его кабинет.

Мы вошли внутрь. Я глубоко вдохнул и почувствовал запах духов.

— «Джиреллен-Регаль»,— заметил я.

— На мою зарплату,— улыбаясь парировала она.

— Никто не говорит о вашей зарплате. Вы не похожи на женщину, которая вынуждена сама покупать себе духи.

— Вы правы,— ответила она.— Но если хотите знать, я не выношу духов на работе. Это его духи.

Она села в кресло у стола, а я занял свое вчерашнее место. Мы смотрели друг на друга. На ней был коричневый костюм с жабо. Выглядела она немного мягче, чем обычно. Я угостил ее сигаретой Кингсли, она закурила и устроилась поудобнее.

— Не будем тратить время на то, чтобы наводить тень на плетень,— начал я.— Вам теперь известно, кто я и чем занимаюсь. Если вы не поняли этого вчера, то только потому, что он любит разыгрывать роль строгого начальника.

Она посмотрела на свою руку, лежащую на коленях, затем подняла глаза и робко улыбнулась.

— Он и вправду необыкновенный человек,— сказала мисс Фромсетт.— По временам обожает разыгрывать роль тирана, но обманывает только самого себя. А если бы вы знали, сколько он выстрадал из-за этой своей... ох, лучше не будем об этом. Для чего я вам понадобилась?

— Кингсли сообщил, что вы были знакомы с четой Алмор.

— Точнее, с миссис Алмор. Просто я дважды с ней встречалась.

— Где?

— В доме одного общего приятеля. А что?

— В доме Лавери?

— Вы хотите оскорбить меня, мистер Марлоу?

— Я понятия не имею, что вы считаете оскорблением. Я просто хочу поговорить с вами о деле, а дело — это не международная дипломатия.

— Хорошо.— Она кивнула.— Это действительно происходило в доме Лавери. Раньше я там бывала на дружеских приемах.

— Выходит, Лавери знал супругов Алмор, по крайней мере миссис Алмор?

Она слегка покраснела.

— Да. И очень хорошо.

— И многих других женщин... тоже довольно хорошо. Я в этом не сомневаюсь. А миссис Кингсли тоже была с ним знакома?

— Да, гораздо ближе, чем я. Они называли друг друга по имени. Миссис Алмор умерла, вы в курсе? Она покончила с собой года полтора назад.

— В этом нет никаких сомнений?

Она высоко подняла брови, но ее удивление было деланным, словно я задал вопрос, неуместный в порядочном обществе. И ответила она вопросом:

— У вас есть основания об этом спрашивать? Что здесь общего с историей, которой вы занимаетесь?

— Пока не пойму. Но вчера доктор Алмор, выяснив мою фамилию и профессию по номеру машины, вызвал полицейского только потому, что я смотрел на его дом. Полицейский обошелся со мной грубо. Он не знал, что именно я расследую, да я и не стал объяснять, что интересуюсь Лавери. Но доктор, наверное, сам догадался, поскольку видел меня возле своего дома. Почему же он счел необходимым вызвать полицейского? И почему полицейский посчитал нужным сообщить мне, что последнего человека, который пытался выдоить деньги из Алмора, отправили на принудительные работы? Почему полицейский интересовался, не ее ли родители — то есть родители миссис Алмор — меня наняли? Если вы сумеете ответить хотя бы на один из этих вопросов, я попытаюсь решить, имеет ли происходящее хоть что-то общее с моим делом.

Она немного поколебалась, бросила на меня быстрый взгляд, потом снова посмотрела в сторону.

— Я встречалась с миссис Алмор всего два раза,— подчеркнуто сказала она.— Но все-таки смогу ответить на ваши вопросы, и, может быть, даже на все. Последний раз я видела ее в доме Лавери, как уже говорила, тогда там было полно народу. Вино лилось рекой, и стоял страшный шум. Женщины пришли без мужей, а мужчины без жен. Среди гостей присутствовал некий мистер Броунсвилл, хвативший лишнего. Я слышала, что теперь он служит во флоте. Броунсвилл обсуждал с миссис Алмор практику ее мужа. Похоже было, что он считает Алмора врачом, который ночи напролет занимается впрыскиваниями, спасая местных тузов от нашествия белых мышей и розовых слонов. Флоренс

Алмор отвечала, что ее совсем не интересует, каким способом ее муж зарабатывает деньги, лишь бы она могла побольше тратить. Она совсем захмелела, но вряд ли и в трезвом виде она выглядела симпатичной. Эта женщина все приносила в жертву эффекту: она слишком громко смеялась и садилась в кресло таким образом, чтобы показать мужчинам возможно большую часть своего тела. Она была яркой блондинкой с большими детскими голубыми глазами. Броунсвилл заявил, что она может не беспокоиться, ибо практика такого рода хорошо оплачивается. Визит к пациенту занимает пятнадцать минут, а стоит десять-пятнадцать долларов. Правда, потом он добавил, что доктор едва ли много заработает, не имея контакта с преступным миром. Затем он спросил миссис Алмор, сколько красивых гангстеров приходит к ним на обед. Она выплеснула ему в лицо бокал с виски.

Я улыбнулся, но мисс Фромсетт не ответила мне улыбкой. Она погасила сигарету и внимательно поглядела на меня.

— Превосходно,— заметил я.— Наверное, так бы поступил каждый, кто не может воспользоваться кулаками.

— Конечно. Недели две спустя на рассвете ее нашли мертвой в гараже. Двери гаража были закрыты, а мотор автомобиля включен.— Она помолчала и провела языком по губам.— Ее обнаружил Крис Лавери, который вечно возвращается домой бог знает в каком часу утра. Она лежала в пижаме на бетонном полу. Ее голова и выхлопная труба машины были прикрыты одеялом. Алмора дома не было. Газеты сообщили только о том, что она скоропостижно скончалась. Дело замяли.

— И что же в этом случае неестественного?

— Люди, как обычно, болтали разные вещи. Но не много позднее я услышала нечто такое, что заставило меня по-иному взглянуть на события. Однажды я встретила на улице Броунсвилла, и он пригласил меня выпить. Мне он не очень нравился, но я имела свободных полчаса. Мы устроились в отдельном кабинете бара «Леви», и Броунсвилл спросил, помню ли я ту женщину, которая выплеснула в него виски. Я ответила, что помню. И у нас завязался разговор, который прямо врезался мне в память. Броунсвилл сказал: «Наш приятель Лавери напал на золотonosную жилу. Если он когда-нибудь перестанет возиться с девчонками, то сможет получить денег, сколь-

ко душе угодно». Я ответила: «Не понимаю». Он сказал: «Вы просто не хотите понять. В ту ночь, когда умерла жена Алмора, она была в притоне Лу Конди и проиграла в рулетку все, до последней рубашки. С ней случилась истерика, она кричала, что колесо нарочно искривлено и так далее. Конди пришлось насильно втащить ее в свой кабинет. Он позвонил доктору Алмору, тот вскоре прибыл, сделал ей успокоительный укол и уехал, предоставив Конди и дальше возиться с ней. Видимо, доктор очень торопился. Итак, Конди отвез больную домой, куда приехала специально вызванная доктором медсестра, работавшая у него. Конди внес жену Алмора на руках, а сестра положила ее на постель. Потом Конди вернулся к своим грязным делам. Заметьте, что ее доставили домой и положили на кровать, и в ту же ночь она поднялась, спустилась по ступенькам, вошла в гараж и отравилась выхлопными газами. Что вы об этом думаете?» Я ответила: «Я впервые об этом слышу, откуда вам это известно?» Он сказал: «Я знаком с репортером из той помойки, которую здесь называют газетой. Не было ни вскрытия, ни расследования, и дело не поступило к коронеру. Ее немедленно похоронили. Такие вещи легко устроить в маленьком городишке, если у тебя есть деньги и ты знаешь нужных людей. А у Конди и Алмора деньги были. Они мечтали избежать следствия».

Мисс Фромсетт замолчала, ожидая моих вопросов. Не дождавшись, она прибавила:

— Я полагаю, вы догадались, что Броунсвилл хотел этим сказать.

— Конечно. Алмор ее прикончил, а потом вместе с Конди дал взятку, чтобы замять историю. Подобное происходит и в более крупных городах, чем Вай-Сити. Но, вероятно, это еще не конец?

— Нет, не конец. Кажется, родители миссис Алмор наняли частного детектива. Это был человек, исполняющий обязанности почтового сторожа. Он появился на месте происшествия вслед за Лавери. Броунсвилл утверждал, что сторож напал на какой-то след, но ему ничего не удалось сделать. Он был арестован за езду в пьяном виде и осужден.

— Это все? — спросил я.

Она кивнула.

— Если вам кажется, что я чересчур много запомнила, то учтите, что запоминание разговоров является моей обязанностью.

— Нет, сейчас я просто думал о том, что нам не хватает многих данных. Я пока не вижу, каким краем все это касается Лавери. Ваш болтливый Броунсвилл считает, что происшедшая история дает возможность шантажировать доктора. Но для шантажа нужно иметь конкретные доказательства, иначе человека, который обо всем договорился с полицией, не проймешь.

— Я тоже так полагаю,— согласилась мисс Фромсетт.— И кроме того, я надеюсь, что Крис Лавери шантажом не занимался. По-моему, я сообщила вам все, мистер Марлоу. А теперь мне нужно заняться работой.

Она собралась встать, но я остановил ее:

— погодите. Я хочу вам кое-что показать.

Я вынул из кармана надушенный платочек, который обнаружил под подушкой Лавери, и положил его на стол.

Глава 19

Она посмотрела на платок, затем на меня, взяла карандаш и тупым его концом перевернула крохотный кусочек материи.

— Чем он пахнет? — спросила она.— Одеколоном?

— Я думаю, что духами.

— Дешевое синтетическое производство. Это не духи, а просто мерзость. Для чего вы показали мне эту дрянь, мистер Марлоу?

Она откинулась на спинку кресла и взглянула на меня спокойными холодными глазами.

— Я нашел эту вещицу в доме Лавери под подушкой на его постели. На ней вышиты инициалы.

Она снова перевернула платочек кончиком карандаша. Лицо ее напряглось.

— Здесь стоят две буквы,— гневно и холодно проговорила она.— Случайно они соответствуют моим инициалам. Наверное, вы это имели в виду?

— Конечно,— ответил я.— Но Лавери, разумеется, знал с полдюжиной женщин с такими инициалами.

— И все же вы поступаете неблагородно,— заметила она.

— Это ваш платок или нет?

Она заколебалась, потом спокойно взяла сигарету и закурила.

— Да, мой. Очевидно, я его там потеряла. Но это было очень давно. Уверяю, что не я положила его под подушку. Вы именно это хотели выяснить?

Я ничего не ответил.

— Его должна была оставить женщина, которая пользуется такими духами,— прибавила она.

— Я уже создал в своем воображении образ подобной дамы,— сказал я.— Но она почему-то совсем не подходит для Лавери.

Она закусила нижнюю губу. Мне страшно нравились такие губы.

— По-моему,— заметила она,— портрет Криса Лавери вы должны еще доработать. Напрягите свои детективные способности.

— Нехорошо так говорить о мертвом,— заметил я.

Мгновение она сидела неподвижно, словно не слыша моих слов. Внезапно легкая дрожь охватила все ее тело. Руки сжались, сигарета свесилась изо рта. Быстрым движением руки она бросила ее в пепельницу.

— Его застрелили под душем,— сказал я.— И похоже, что это сделала женщина, которая провела у него ночь. Она оставила на лестнице пистолет, а под подушкой этот платок.

Она слегка шевельнулась в кресле. Глаза ее ничего не выражали, а лицо стало холодным, как мрамор.

— И теперь вы ожидаете, что я сообщу вам какие-то сведения об этой ночи? — с горечью спросила она.

— Послушайте, мисс Фромсетт,— сказал я,— мне бы очень хотелось остаться деликатным. Вместо того чтобы вести неприятные разговоры, я бы, к примеру, охотно сыграл с вами в крокет. Но такого мне никто не позволит — ни клиенты, ни полиция, ни остальные заинтересованные люди. Как бы я ни пытался изображать из себя маркиза, кончается все обычно тем, что нос мой тыкается в грязь и я хватаю кого-нибудь за горло.

Она кивнула, будто совсем меня не слышала.

— Когда его убили? — спросила она и снова содрогнулась.

— Похоже, что сегодня утром, вскоре после того, как он встал. Лавери едва успел побриться и собирался принять душ.

— Тогда это случилось очень поздно,— заметила она.— А я здесь с половины девятого.

— Я и не думаю, что его убили вы.

— Очень благородно с вашей стороны. Но это мой платок, хотя и не мой духи. Впрочем, я не надеюсь, что полицейские обратят внимание на запахи.

— Вы правы.

— Боже мой! — воскликнула она.

— В него стреляли пять или шесть раз, но попали всего дважды. Он забился в угол. Представляете себе сцену, которая там разыгралась? Жгучая ненависть в сочетании с холодным расчетом.

— Его легко было ненавидеть, — почти беззвучно произнесла она, — и очень легко любить. Даже умные женщины постоянно ошибаются в мужчинах.

— Ваши слова свидетельствуют о том, что когда-то вы любили его и что не вы в него стреляли.

— Да? — Ее голос был тихим, но отчетливым.

— Надеюсь, вы оцените мое доверие.

Она рассмеялась горьким смехом.

— Мертв... бедный, эгоистичный, жалкий, отвратительный, красивый, коварный мальчик. Нет, мистер Марлоу, я не убивала его.

Я молчал, давая ей время прийти в себя. Минуту спустя она спокойно спросила:

— Мистер Кингсли знает о случившемся?

Я кивнул.

— И полиция тоже?

— Еще нет. А если и знает, то не от меня. Обнаружил его я. Двери дома были не заперты. Я просто вошел и увидел труп.

Она спокойно взяла карандаш и опять прикоснулась к платочку.

— А об этой надушенной тряпке мистер Кингсли слышал?

— О ней никто не слышал, кроме вас, меня и человека, который ее там оставил.

— Очень любезно с вашей стороны, — сухо заметила она. — И вообще приятно, что вы так думаете.

— А как, по-вашему, я должен думать? Вытащить платок из-под подушки, понюхать, осмотреть и сказать: «Да, это инициалы мисс Адрианны Фромсетт. Выходит, мисс Фромсетт должна была знать Лавери очень близко. Так близко, как мой убогий ограниченный мозг может только себе представить. То есть близко в высшей степени. Но духи дешевые, синтетические, а мисс Фромсетт не пользуется такими. Кроме того, платок лежал под подушкой Лавери, а мисс Фромсетт никогда не оставляет платков под подушками мужчин. Следовательно, ситуация не имеет отношения к мисс Фромсетт, а является простым оптическим обманом».

— Перестаньте, пожалуйста!

Я улыбнулся.

— За кого вы меня принимаете? — продолжала она, слегка краснея, затем спросила: — Вы уже составили какую-то версию?

— Да, но именно версию. Боюсь, что полиция отнесется к происшедшему без фантазии. Некоторые платья миссис Кингсли висят в шкафу Лавери. А если они пронохают все, вместе со вчерашней историей у озера Оленья, то без размышлений вынут из кармана наручники. Конечно, сперва ее нужно найти, но это для них не составит труда.

— Кристаль Кингсли, — тихо проговорила она. — Даже здесь судьба не пощадила его.

— Тут не обязательно замешана она. Мотивы убийства могут оказаться такими, о которых мы даже не подозреваем. Вдруг его прикончил кто-нибудь вроде доктора Алмора?

Она бросила на меня быстрый взгляд и покачала головой.

— Это вполне возможно, — настаивал я. — У нас нет оснований не принимать его в расчет. Вчера он так нервничал, что походил на человека, которому есть что скрывать. Правда, бояться не только виновные.

Я встал и побарабанил пальцами по краю стола, глядя на нее. Шея у мисс Фромсетт была очень красивая.

— А что делать с этим? — спросила она сдавленным голосом, указывая на платок.

— Если бы он принадлежал мне, я бы постарался уничтожить запах.

— Он имеет какое-то значение? Это улика?

Я рассмеялся.

— Не думаю. Женщины постоянно теряют свои платки. Лавери мог собирать их и держать в ящике, пахнущем этими духами. А какая-нибудь дама просто воспользовалась одним из сувениров. Или Лавери сам похищал платочки, наслаждаясь реакцией женщин, обнаруживающих чужие инициалы. Я скорее допускаю последнее. До свидания, мисс Фромсетт. Благодарю за беседу. — Я направился к двери, но неожиданно остановился и спросил: — Не знаете ли вы фамилии репортера, который снабдил Бронсвилла сведениями?

Она покачала головой.

— А фамилии родителей миссис Алмор?

— Тоже нет. Но, наверное, смогу выяснить. Помому, это не сложно.

— Каким образом?

— Такие вещи иногда помещаются в некрологах, не правда ли? Вероятно, некрологи были напечатаны в лос-анджелесских газетах.

— В таком случае до свидания,— сказал я, взглянув на нее еще раз.

У нее были кожа цвета слоновой кости, прекрасные темные глаза и пушистые волосы, такие пушистые, какие только можно вообразить, к тому же и черные, как ночь.

Я вышел из кабинета. Маленькая блондинка у телефонов выжидательно смотрела на меня, приоткрыв хорошенький ротик. Она ждала новой шутки. Но я ничего не сказал.

Глава 20

Перед домом Лавери не было полицейских машин, и никто не расхаживал по тротуару. А когда я открыл дверь, то не почувствовал запаха табачного дыма. Над рюмкой жужжала муха. Я добрался до лестницы и глянул вниз. Все было тихо и неподвижно в доме мистера Лавери. Слышалось только, как в ванной капает вода на тело убитого. Я подошел к телефону, отыскал номер отделения полиции, набрал его и, ожидая, пока кто-нибудь подойдет, положил пистолет на столик. Ответил мужской голос:

— Городская полиция Вай-Сити, говорит Смит.

Я сказал:

— В доме № 623 по Элтер-стрит была стрельба. Там жил некий Лавери. Он убит.

— Элтер-стрит, 623? Кто вы такой?

— Моя фамилия Марлоу.

— Вы находитесь на месте происшествия?

— Да.

— Прошу ничего не трогать.

Я повесил трубу, сел на кушетку и стал ждать. Томился я недолго. Вдали завывла сирена, потом вой стал нарастать. Наконец раздался скрип тормозов, и сирена стихла. Послышались шаги, я подошел к двери и открыл ее. В дом ворвались двое полицейских. Они были типично огромного роста, имели ничего не выражающие лица и подозрительные взгляды. У одного за ухо была заткнута гвоздика. Старший по чину спросил меня:

— Где труп?

— Внизу в ванной. Под душем.

— Посиди с ним, Эдди.

Он ушел, а оставшийся полицейский, не сводя с меня глаз, предупредил:

— Только не шевели руками, парень.

Я снова опустился на кушетку. Полицейский обвел взглядом комнату. На лестнице слышались шаги. Неожиданно увидев пистолет, полицейский, как ястреб, бросился к нему.

— Лавери убит из этого оружия?! — крикнул он.

— Думаю, да. По крайней мере, из него недавно стреляли.

— Ха!

Он оскалил зубы в улыбке, правая рука его потянулась к кобуре.

— Прекрасно,— вызывающе процедил полицейский.— Просто замечательно.

— А я не нахожу здесь ничего хорошего,— пожал плечами я.

Он немного отступил в сторону.

— Зачем ты его убил?! — воскликнул он.

— Сами подумайте.

— Я тебе порассуждаю!

— Разрешите мне просто посидеть и подождать ребят из отдела убийств,— проговорил я.— Им я все расскажу.

— Только без шуток.

— Я не шучу. Если бы его убил я, меня бы здесь не было, я не звонил бы вам по телефону, а вы бы не нашли пистолета. Не стоит ломать над этим голову. И вообще, никогда не утруждайте ее больше десяти минут.

Лицо его приняло обиженное выражение. Он снял фуражку, и гвоздика упала на пол. Полицейский наклонился, поднял цветок, повертел его в пальцах, а потом швырнул за решетку камина.

— Лучше не делайте этого,— предостерег я.— Следователь может подумать, что цветок — вещественное доказательство, и напрасно потеряет время.

— А, холера! — выругался он, перегнувшись за решетку, вытащил гвоздику и сунул ее в карман.

Второй полицейский вернулся очень серьезный. Он остановился посреди комнаты, посмотрел на часы, записал что-то в блокнот, затем поднял жалюзи и выглянул в окно. Полицейский, оставшийся со мной, спросил:

— Могу я к нему пройти?

— Не стоит, Эдди. Там нечего делать. Ты сообщил коронеру?

— Подождем ребят из отдела убийств.
— Ты прав, этим займется капитан Уэббер, а он все любит делать сам.

Он посмотрел на меня и спросил:

— Вас как будто зовут Марлоу?

Я ответил утвердительно.

— Это ушлый тип,— заметил Эдди.

Старший инспектор бросил ничего не выражающий взгляд сначала на меня, затем на Эдди, а потом на пистолет.

— Его убили из этой пушки,— сообщил Эдди.— Я ее не трогал.

Старший кивнул головой.

— А ребята сегодня не торопятся. Вы откуда взялись? Его знакомый? — спросил он, указав пальцем на пол.

— Я вчера впервые его увидел. Я частный детектив из Лос-Анджелеса.

— Ну!

Он подозрительно покосился на меня.

— Черт побери! Это очень запутает дело,— сказал другой полицейский.

За все время прозвучало первое осмысленное замечание. Я сочувственно улыбнулся Эдди. Старший снова выглянул из окна.

— А на другой стороне улицы дом Алмора, Эдди,— сказал он.

Эдди подошел и тоже взглянул.

— Да, верно. Послушай, а может быть, этот парень внизу...

— Заткнись,— пробормотал его товарищ и опустил жалюзи.

Они повернулись и посмотрели на меня тупыми глазами.

Послышался шум приближающейся машины. Немного спустя хлопнула дверь, и кто-то стал подниматься по лестнице. Старший полисмен открыл дверь, и в гостиную вошли двое мужчин, одетых в штатское. Одного из них я уже знал.

Глава 21

Первым вошел мужчина небольшого роста, средних лет, с худым измученным лицом и острым носом. Его коричневая шляпа, сдвинутая немного набок, прикрывала седые волосы. Вслед за ним появился де Гармо, огромный

полицейский с резкими чертами лица и стальными глазами — тот самый, которому не понравилось, что я остановился перед домом доктора Алмора. Двое ранее прибывших, не отрывая глаз от низкорослого человека, отдали ему честь.

— Покойник внизу, капитан. Его застрелили, промахнувшись перед этим несколько раз. Умер сравнительно давно. Парня зовут Марлоу. Частная ищейка из Лос-Анджелеса. Я не задавал ему никаких вопросов.

— И правильно сделали,— резко проговорил Уэббер. Голос его звучал угрожающе. Скользя по моему лицу подозрительным взглядом, он слегка кивнул мне головой.— Я капитан Уэббер, а это сержант де Гармо. Ладно, сначала посмотрим на тело.

Он вышел, а де Гармо, оглядев меня так, будто никогда до сих пор не видел, последовал за ним. В сопровождении старшего полисмена они стали спускаться по лестнице. Эдди и я несколько минут таранились друг на друга. Наконец я спросил:

— А что, там напротив действительно дом доктора Алмора?

Тут с его лица окончательно исчезло всякое выражение, хотя и раньше оно было достаточно тупым.

— Да. Ну и что из того?

— Ничего.

Мы молчали, снизу доносились глухие неразборчивые голоса. Полицейский прислушался и сказал более приветливо:

— А вы помните это дело?

— Немного.

Он расхохотался.

— Здорово его похерили. Завернули в бумагу и затолкали в темный угол, чтобы никто никогда не отыскал.

— Вот именно,— согласился я.— Но любопытно, почему?

Полицейский посмотрел на меня весьма значительно.

— На то имелись важные причины. Не думай, приятель, что их не было. Ты хорошо знал Лавери?

— Не очень.

— Но ты следил за ним?

— Да, совсем немного. А вы его знали?

Полицейский покачал головой.

— Нет. Помню только, что вроде именно он нашел жену Алмора в гараже.

— Возможно, Лавери тогда здесь и не жил,— заметил я.

— А давно это случилось?

— Не знаю,— ответил я.

— Да уж, верно, не меньше чем полтора года назад,— лениво бросил полицейский.— Разве лос-анджелесские газеты не сообщали?

— Писали что-то в отделе происшествий.

Полицейский почесал ухо и опять прислушался. Снова зазвучали шаги на лестнице, и лицо его окаменело. Он отошел от меня и вытянулся в струнку. Капитан Уэббер подлетел к телефону и, переговорив, обернулся и спросил:

— Кто на этой неделе исполняет обязанности ко-ронера, Ал?

— Эд Гарлон,— деревянным голосом ответил сержант.

— Вызовите Эда Гарлона,— приказал Уэббер в трубку.— Пусть он явится немедленно. Пригласите врача. Предупредите его, что сегодня будет вскрытие.

Затем он повесил трубку и резко произнес:

— Кто трогал пистолет?

— Я трогал,— ответил я.

Он приблизился ко мне и качнулся на каблуках. Обернутый платком пистолет лежал на его ладони.

— Разве вас не учили, что нельзя прикасаться к ору-жью, найденному на месте преступления?

— Учили. Но, осматривая его, я еще не знал о престу-плении. Не знал даже, что из него стреляли. Он лежал на лестнице так, будто его просто уронили.

— Исключительно правдоподобно,— заметил Уэб-бер.— И часто у вас случались подобные дела?

— Какие дела? — Он смотрел на меня очень вни-мательно, и я предложил: — А может, я расскажу вам, как все было?

Он покачнулся, будто я толкнул его.

— А может, вы начнете отвечать на мои вопросы?

Я промолчал. Уэббер повернулся к двум полицейским.

— Ребята, езжайте-ка и сообщите обо всем дежур-ному.

Полицейские отдали честь и вышли. Уэббер подо-ждал, пока не стихнут их шаги, и снова обратил на меня свои холодные рыбы глаза.

— Ваши документы?

Я протянул ему бумажник, и он исследовал его содер-жимое. Де Гармо в это время сидел на стуле, положив ногу на ногу, и бессмысленно тарачился в потолок. Наконец Уэббер вернул мне бумажник.

— Люди вашей профессии очень нам мешают,— сказал он.

— Не всегда,— возразил я.

Он повысил голос, хотя и перед этим говорил доволь-но громко:

— Я заявил, что они очень мешают, значит, мешают. Берегитесь. Я не позволю вставать поперек дороги поли-ции Вай-Сити.

Я молчал. Он наставил на меня палец.

— Вы из большого города. И потому считаете себя всемогущим. Берегитесь, повторяю. Конечно мы, про-винциалы, не используем никаких политических комбина-ций. Мы работаем просто, открыто и быстро. Можете о нас не беспокоиться, молодой человек.

— А я и не беспокоюсь. Просто пытаюсь заработать несколько долларов.

— Только без этих ваших штучек,— пробормотал Уэббер.— Я их не потерплю.

Де Гармо оставил в покое потолок и, перейдя к изуче-нию ногтя своего указательного пальца, неожиданно за-говорил усталым голосом:

— Послушайте, шеф, этого парня внизу звали Лаве-ри. Я был с ним немного знаком: настоящий бабник.

— Ну и что из этого? — фыркнул Уэббер, не отводя от меня взгляда.

— Все указывает на женскую работу,— продолжал де Гармо.— Вам же известно, чем занимаются эти частные ищейки. Разводами. Может, позволим ему поболтать, а то он совсем отупел от страха.

— От страха? — изумился Уэббер.— Я что-то не вижу, чтобы он испугался.

Он подошел к окну и поднял жалюзи. Ослепительный свет залил комнату. Уэббер повернулся ко мне, покачива-ясь на каблуках.

— Говорите!

Я начал:

— Я работаю на одного бизнесмена из Лос-Андже-леса, который не желает обнародовать свои дела и по-тому нанял меня. Месяц назад его оставила жена. Удрав, она прислала телеграмму, в которой извещала, что убе-жала с Лавери. Два дня назад мой клиент встретил Лавери, но тот категорически все отрицал. Клиент по-верил ему и забеспокоился о жене. По-видимому, дама она легкомысленная. Она вполне могла попасть в плохую компанию и даже угодить в беду. Вчера я заходил сюда

побеседовать с Лавери, но он так и не признался; что куда-то с ней ездил. Я наполовину поверил ему, но потом получил веское доказательство, что он провел с женой моего клиента в отеле в Сан-Бернардино ту самую ночь, когда женщина исчезла из своего домика в горах. С этими данными я и вернулся сюда, чтобы прижать Лавери к стенке. На звонок никто не ответил, а двери были приоткрыты. Я вошел, обнаружил пистолет и обыскал дом. В ванной увидел Лавери. Труп я не трогал.

— Вы не имели права делать обыск,— холодно заметил Уэббер.

— Конечно не имел,— согласился я.— Но я не мог упустить такого случая.

— Фамилия лица, на которое вы работаете?

— Кингсли, директор косметической фирмы «Джиреллен».

Я назвал адрес.

Уэббер взглянул на де Гармо, и тот что-то лениво записал. Уэббер снова обратился ко мне:

— Дальше.

— Я посетил тот самый домик в горах, возле озера Оленят. Это рядом с Пума-Пойнт, в шестидесяти пяти километрах от Сан-Бернардино.

Я посмотрел на де Гармо. Сержант и так писал ужасно медленно, а тут его руки и вовсе остановились, повиснув в воздухе, но через мгновение он уже снова водил пером по бумаге. Не отрывая от него взгляда, я продолжал:

— Месяц назад жена сторожа во владениях Кингсли поссорилась с мужем и, как все предполагали, уехала оттуда. Но вчера в озере был найден ее труп.

Уэббер закрыл глаза и промурлыкал:

— Зачем вы все это рассказываете? Разве обе истории как-нибудь связаны?

— Связаны по времени происшедшего. Да и Лавери был там. Другой связи я не вижу, но эту считаю достойной внимания.

Де Гармо не шевелясь глядел в пол. Его лицо вытянулось, отчего казалось еще более суровым, чем обычно. Уэббер спросил:

— Эта женщина утопилась? Самоубийство?

— Самоубийство или убийство. Она оставила предсмертное письмо, но ее мужа арестовали по подозрению в убийстве. Его фамилия Чейз. Билл Чейз, а жену звали Мэриел Чейз.

— Меня это не касается,— резко произнес Уэббер.— Говорите только о том, что произошло здесь.

— Да ничего здесь не происходило,— ответил я, глядя на де Гармо.— Я приходил сюда дважды. В первый раз беседовал с Лавери и ничего не добился, во второй же беседовал и получил тот же результат.

— Я задам вам вопрос,— подчеркнуто сказал Уэббер,— и буду ждать честного ответа. Конечно вы не захотите отвечать, но сделать это придется, потому что рано или поздно я все равно узнаю правду. Вопрос такой. Полагаю, вы обыскали дом достаточно тщательно. Удалось ли вам найти что-то, позволяющее говорить о пребывании здесь жены Кингсли?

— Вы пользуетесь незаконным приемом,— запротестовал я,— требуете от свидетеля выводов.

— Я жду ответа,— настаивал капитан,— мы же не в суде.

— Ладно, слушайте. Да, в шкафу на нижнем этаже висит женская одежда, соответствующая по описанию той, что была на миссис Кингсли в Сан-Бернардино, где ее видели вместе с Лавери. Описание не очень подробное: белое платье с черной отделкой и шляпа-панاما с черно-белой лентой.

— Ваш клиент будет страшно доволен,— спокойно заявил де Гармо.— Вы обнаружили следы пребывания его жены в доме, где совершено убийство, в результате чего подозрение падает именно на нее. Вряд ли нам долго придется искать преступника, шеф.

Уэббер пристально взгляделся в мое лицо и задумчиво кивнул головой в ответ на слова де Гармо. Я же сказал:

— Я полагаю, что вы не дураки, джентльмены. Платье сшито на заказ, значит, несложно установить для кого. Я попросту сэкономил вам немного времени. Все это легко выяснить по телефону.

— Что еще? — спокойно спросил Уэббер.

Но прежде чем я успел ответить, к дому подъехала машина, а следом вторая. Уэббер распахнул дверь. На пороге появились двое мужчин: один маленького роста, другой огромный, похожий на быка. Оба держали в руках чемоданы. За ними шествовал высокий худой человек в темно-сером костюме. Уэббер наставил палец на низкорослого и сказал:

— Тело внизу в ванной, Бузони. Мне нужны отпечатки пальцев жильцов всего дома, в особенности принадлежащие женщинам. Придется основательно поработать.

— Постараюсь справиться,— кивнул Бузони. Он и человек, похожий на быка, вышли из комнаты.

— А вам мы поручаем покойника, Гарлан,— обратился Уэббер к третьему.— Спуститесь вниз и осмотрите его. Карету «скорой помощи» вызвали?

Человек в темно-сером костюме отправился вслед за Уэббером. Де Гармо убрал бумагу и карандаш, не отрывая от меня своего тупого взгляда. Я спросил:

— Могу ли я говорить о нашей вчерашней встрече... или это было частное дело?

— Вы можете говорить о чем хотите,— ответил он.— Защита граждан — наша святая обязанность.

— Тогда говорите вы, а я послушаю. Я бы охотно что-нибудь узнал о деле доктора Алмора.

Он покраснел, и глаза его яростно сверкнули.

— Вы же уверяли, что не знакомы с Алмором.

— До вчерашнего дня я о нем даже не слышал. Но сегодня мне стало известно, что Лавери знал миссис Алмор, что она покончила с собой, что Лавери нашел ее труп, и, кроме того, мне сообщили о возможности шантажа доктора со стороны Лавери. Далее: ваши подчиненные с любопытством поглядывали на дом Алмора, а один из них заявил, что дело ловко похерили или что-то в этом роде.

— Отниму у сукиных сынов служебные удостоверения,— медленно заговорил де Гармо гробовым голосом.— Они только и умеют, что глазами хлопать. Черт бы побрал этих дураков!

— Значит, все это неправда?

Он взглянул на свою сигарету.

— Что неправда? — процедил он сквозь зубы.

— То, что Алмор убил свою жену и что у него хватило денег замазать историю? Это только слухи?

Де Гармо поднялся и подошел ко мне.

— Повтори еще раз,— мягко сказал он.

Я повторил, и он ударил меня по лицу. Я почувствовал, как щека моя распухает.

— Повтори снова,— сказал он.

Я снова повторил. Он опять меня ударил.

— Повтори еще.

— Не стбит. Вы можете промахнуться.

Я растирал рукой щеку. Ощерив зубы, он смотрел на меня, его светлые глаза сверкали звериным блеском.

— Каждый раз, разговаривая так с полицейскими, ты будешь получать по морде,— пригрозил он.— Только попробуй! Запомни, что я умею бить не только рукой.

Закусив губу, я продолжал растирать щеку.

— Если станешь совать нос в наши дела, то однажды проснешься в темном переулке, где оплакивать тебя будут только коты,— прибавил он.

Я молчал. Он отошел и, тяжело дыша, снова опустился на стул. Я перестал растирать щеку и размял ее пальцами, чтобы проверить, прошла ли судорога.

— Я это запомню,— пообещал я.— Я хорошо запомню.

Глава 22

Был уже вечер, когда я пришел в свое бюро. В доме стояла тишина. Я открыл дверь в свою комнату, взял конверт, лежащий на подносе для писем, и не глядя бросил его на стол. Затем растворил окно, выглянул на улицу, увидел зажженные неоновые лампы и глубоко вздохнул. Потом снял пиджак и галстук, достал бутылку виски и налил себе полный бокал. Мне это не очень помогло. Второй бокал тоже не принес облегчения. Вероятно, Уэббер уже увиделся с Кингсли. Вскоре начнется атака на его жену, если она уже не началась. Для полиции все было ясно как день: грязная история, в которой участвовали двое, в которой было слишком много любви, слишком много выпивки и страсти. А в результате — дикая ненависть и жажда мести. Мне же казалось, что все это чересчур просто. Я взял конверт и вскрыл его.

«Уважаемый мистер Марлоу!

Родители Флоренс Алмор имеют фамилию Грейсон. Сейчас они живут в Росмор-Арм, Южно-Оксфордская авеню, № 640. Я проверила адрес через справочное бюро по телефону.

С уважением Адрианна Фромсетт».

Я выпил еще бокал. Тяжесть начинала отступать. Я передвинул предметы на столе и, проведя пальцем по его краю, обнаружил пыль. Посмотрев на часы, я убрал бутылку и пошел в ванную сполоснуть бокал. Затем вымыл руки, смочил лицо холодной водой и взглянул в зеркало. Краснота на левой щеке исчезла, но опухоль еще не совсем спала. Я пригладил щеткой волосы и заметил блестящую в них седину. Очень много седины! Лицо выглядело болезненно, оно мне не понравилось. Вернувшись в бюро, я снова перечитал записку мисс Фромсетт. Потом разгладил бумагу, снова сложил ее и убрал в карман. Затем посидел у окна, слушая вечернюю тишину, и постепенно в мою душу тоже вошел покой.

Росмор-Арм — это унылая громада темно-красных кирпичей, окружающих необъятный двор. В холле стояла тишина, из гигантских горшков поднимались к потолку самые разные растения, в клетке, граничащей по размерам с собачьей конурой, дремала скучающая канарейка. Грейсоны жили на пятом этаже в северном крыле здания. Они сидели в комнате, обстановка которой, очевидно, не менялась в течение последних тридцати лет. Здесь пахло табачным дымом и только что съеденным обедом. Жена Грейсона, полная женщина, штопала носки, на ее коленях стояла корзинка с нитками. Грейсон был высоким, широкоплечим мужчиной со смуглым волевым лицом. Нацепив очки, он читал вечернюю газету. Вероятно, он был бухгалтером. На пальцах его виднелись следы чернил, а из кармана жилета выглядывали цветные карандаши. Тщательно, раз семь, перечитав мою карточку, он оглядел меня с ног до головы, а затем спросил:

— С какой целью вы пришли к нам, мистер Марлоу?

— Меня интересует человек по фамилии Лавери. Он живет напротив доктора Алмора. Ваша дочь была замужем за последним. Именно Лавери нашел ее в ту ночь, когда она... умерла.

Грейсон взглянул на жену, и та покачала головой.

— Мы бы предпочли не обсуждать эту тему,— сказал Грейсон.— Она причиняет нам боль.

Несколько секунд я молчал и вместе с ними печально смотрел в пространство. Потом сказал:

— Я совсем не хочу вас огорчать. Просто мне очень нужно встретиться с человеком, которого вы наняли, чтобы он занимался этим делом.

Они переглянулись. На сей раз миссис Грейсон головой не покачала, и Грейсон поинтересовался:

— Зачем?

— Тогда я сообщу вам то, что успел выяснить.

Я объяснил им, с какой целью меня наняли, не называя имя Кингсли, рассказал об инциденте с де Гармо перед домом доктора. Они внимательно слушали. Потом Грейсон спросил:

— Насколько я понял, доктор Алмор вас не знал, вы к нему не подходили, и все же он вызвал полицейского только потому, что вы оказались поблизости от его дома?

— Да, именно. Я около часа сидел там в своей машине.

— Как странно,— пробормотал Грейсон.

— Я бы сказал, что доктор исключительно нервный человек,— заметил я.— А де Гармо поинтересовался, не ее ли родители, то есть вы, наняли меня. По всему чувствовалось, что доктор чего-то опасается.

— Опасается? — сказал Грейсон, не глядя в мою сторону. Вслед за этим он набил трубку и закурил. Миссис Грейсон склонилась над своей работой, но ноздри ее слегка вздрагивали.

— Откуда он узнал, кто вы? — неожиданно подал голос Грейсон.

— Доктор записал номер моей машины, позвонил в автоклуб и проверил мою фамилию по адресной книге. Об этом я догадался, наблюдая за ним через окно его кабинета.

— В таком случае полиция работает на него,— заметил Грейсон.

— А может, и нет. Может, они раньше просто совершили ошибку, а теперь не хотят, чтобы ее обнаружили.

— Ошибку! — воскликнул он и горько рассмеялся.

— Хорошо,— сказал я.— Такие разговоры для вас болезненны, но немного свежего воздуха все-таки не повредит. Ведь вы никогда не сомневались, что именно он убил вашу дочь, не так ли? Потому и наняли детектива?

Миссис Грейсон быстро подняла голову, снова ее опустила и свернула очередную пару заштопанных носков. Грейсон молчал.

— Вы располагали какими-то уликами или просто его подозревали, чувствуя к нему неприязнь?

— Были улики,— заявил Грейсон, словно решившись наконец открыть истину.— Конечно были, обязательно. Нам о них говорили. Но мы их никогда не видели и не знаем, в чем они заключались. Полиция все прикрыла.

— Я слышал, что вашего детектива арестовали за езду в пьяном виде.

— Вы слышали правду.

— А он не сообщил вам, что именно обнаружил?

— Нет.

— Мне это нравится,— заметил я.— Похоже, он просто не мог решить, кому выложить собранные им сведения, вам или доктору, чтобы выманить у того деньги за молчание.

Грейсон взглянул на жену. Она равнодушно произнесла:

— Мистер Таллей не производил на меня такого

впечатления. Это был спокойный, хорошо воспитанный человек. Но, естественно, трудно судить по внешности.

— Значит, его звали Таллей. Это первое, что я надеялся у вас узнать.

— А что еще? — спросил Грейсон.

— Где мне найти Таллея и что возбудило ваши подозрения. Они у вас наверняка были, иначе бы вы не стали нанимать детектива.

Грейсон слегка улыбнулся и потер пальцем подбородок. А миссис Грейсон сказала, ни к кому не обращаясь:

— Наркотики.

— Вот именно, — подтвердил ее муж, будто одно это слово все объясняло. — Алмор до сих пор занимается впрыскиванием наркотиков. Нам об этом сообщила дочь, причем в его присутствии. Ему это страшно не понравилось.

— Что вы подразумеваете, мистер Грейсон, под впрыскиванием наркотиков?

— Понимаете, Алмор практикует прежде всего среди лиц, находящихся на грани тяжелого нервного заболевания. Среди людей, погрязших в пьянстве и разврате. Они постоянно нуждаются в успокоительных средствах и наркотиках. Но рано или поздно наступает такой период, когда обычный частный врач отказывается дальше проводить лечение на дому и настаивает, чтобы пациент отправился в санаторий. Однако врачи типа Алмора поступают иначе. Они лечат своих пациентов до тех пор, пока у последних есть деньги. Им наплевать, что из-за подобного «лечения» здоровье резко ухудшается, и нередко доводят больных до смерти. Практика очень доходная, — добавил он. — Но, конечно, опасная для врача.

— Несомненно, — согласился я. — Впрочем, на этом можно здорово заработать. Знали вы некоего Конди?

— Нет, только слышал о нем. Флоренс подозревала, что он снабжал доктора наркотиками.

— Очень возможно, — сказал я. — По-видимому, доктор опасался выписывать на наркотики слишком много рецептов. А Лавери знали?

— Тоже только слышали.

— А вам не приходило в голову, что Лавери мог шантажировать Алмора?

Это соображение ошеломило Грейсона. Он провел рукой по лбу, потом опустил ее на колени и задумчиво покачал головой.

— Нет. А у него была такая возможность?

— Он первый обнаружил тело, — объяснил я. — Если что-то показалось подозрительным Таллею, это, вероятно, было замечено и Лавери.

— А разве Лавери занимался подобными делами?

— Не знаю. Никому не известно, на какие средства он жил. Он не работал, проводил время довольно весело, преимущественно с женщинами.

— Все верно, — согласился Грейсон. — Такие дела можно делать скрытно. — Он сухо усмехнулся. — Я сплошь и рядом натываюсь на их следы в своей работе. Это самые разные неоправданные платежи на огромные суммы. Бессмысленные расходы, производимые людьми, которые не истратят напрасно и нескольких центов. Эти деньги без труда могли выплатить и почему-то не выплачивали, словно из опасения перед налоговыми инспекторами. О, да, подобные дела нетрудно устроить.

Я посмотрел на миссис Грейсон. Ее руки ни на минуту не останавливались. За это время она, наверное, заштопала множество носков. Длинные костлявые ноги Грейсона были надолго ими обеспечены.

— А что случилось с Таллеем? Его просто подставили?

— В этом нет никакого сомнения. Его жена была в полнейшем отчаянии. Она говорила, что ему подали в баре виски с примесью какого-то наркотика, а пил он вместе с полицейскими. Причем полицейская машина ждала на улице, пока Таллей не сядет в свой автомобиль. Тут-то он и был арестован. Но до суда его даже не допрашивали.

— Ерунда. Просто он мог жене все так изложить. В подобных случаях человек всегда хочет оправдаться.

— Даже не верится, что вы говорите о полицейских, — заметил Грейсон. — Впрочем, о таком их поведении известно каждому.

Я продолжал:

— Если полиция и вправду допустила ошибку в деле о смерти вашей дочери, то, естественно, она не могла позволить Таллею доказать это. Потому что в результате несколько человек лишились бы работы. А будь Таллей и вправду шантажистом, его бы не стали арестовывать таким сложным способом. Но где Таллей сейчас? О тех «серьезных уликах» ему либо сообщили, либо он сам напал на след.

— Мы не знаем, где он, — ответил Грейсон. — Его посадили на шесть месяцев, но они давно истекли.

— А что с его женой?

Он взглянул на миссис Грейсон. Она коротко ответила:

— Вай-Сити, Вестмор-стрит, № 1618. Мы дали ей немного денег. Она осталась без гроша.

Я записал адрес, удобнее устроился в кресле и объявил:

— Сегодня кто-то застрелил Лавери в его собственной ванной.

Пухлые руки миссис Грейсон замерли на краю грибка. Ее муж сидел, открыв рот, трубка застыла в его руке. Слегка откашлявшись, он медленно водворил трубку на законное место: между зубами.

— Трудно предположить,— пробормотал он,— чтобы тут был замешан доктор Алмор.

— А я бы охотно сделал такое предположение,— возразил я.— Это вполне вероятно. Полиция считает, что Лавери застрелила жена моего клиента. Если же Алмор имеет какое-то отношение к убийству Лавери, из этого неизбежно вытекает, что он принимал участие и в убийстве вашей дочери.

— Человек, совершивший одно преступление, не остановится и перед вторым,— изрек Грейсон. Он сказал это так уверенно, будто всю свою жизнь занимался уголовными делами.

— Возможно,— согласился я.— А что могло спровоцировать печальную историю с вашей дочерью?

— Флоренс была сложная, странная девушка. Очень вспыльчивая и экстравагантная. К сожалению, она постоянно заводила все новых и новых сомнительных друзей, была излишне откровенна и часто поступала опрометчиво. Подобная жена представляла исключительную опасность для такого мужа, как доктор Алмор. Но я не думаю, что именно это стало главной причиной. А что скажешь ты, Лети?

Он посмотрел на жену, но та лишь воткнула иголку в клубок и промолчала. Грейсон вздохнул и продолжил:

— У нас есть основания предполагать, что доктор завел любовную связь с медсестрой, работавшей у него. Флоренс грозила ему публичным скандалом. Этого он не мог допустить. Ведь один скандал повлек бы за собой следующий.

— Каким образом он убил ее?

— Конечно с помощью морфия. Он никогда с ним не расставался. В этой области он был первоклассным спе-

циалистом. Когда Флоренс потеряла сознание, он мог перенести ее в гараж и, запустив мотор, положить под выхлопную трубу. Даже если бы в ее крови обнаружили морфий, это бы ничего не доказало: всем было известно, что ей в ту ночь сделали укол.

Я кивнул, а он, опершись на спинку кресла, снова пригладил волосы. Похоже, он тщательно обдумывал обстоятельства смерти своей дочери. И тогда я понял, что двое этих стариков на протяжении полутора лет непрерывно отравляли свои мысли ненавистью. Им бы наверняка пришлось по душе, окажись Алмор убийцей Лавери. Это наполнило бы их теплом и покоем. Помолчав, я снова заговорил:

— Скорее всего, вы верите в такую теорию потому, что хотите верить. С равным успехом можно предположить, что ваша дочь покончила жизнь самоубийством, а дело замазали для того, чтобы прикрыть темные делишки Конди и избавить Алмора от публичного допроса.

— Чепуха! — запротестовал Грейсон.— Он ее убил. Она лежала в постели спящая.

— Вы же не знаете наверное. Не исключено, что она сама употребляла наркотики. Морфий мог уже слабо на нее действовать, и она приняла двойную дозу. А среди ночи проснувшись, взглянула в зеркало и увидела там чертей, показывающих на нее пальцами. Такие вещи случаются.

— По-моему, вы отняли у нас слишком много времени,— сказал Грейсон.

Я встал, поблагодарил их обоих, сделал шаг к двери и спросил:

— А вы ничего не предпринимали с тех пор, как арестовали Таллея?

— Я виделся с инспектором по фамилии Лич,— ответил Грейсон.— Но все оказалось бесполезным. Он не сумел ни за что зацепиться. Попытка говорить о наркотиках, но его даже слушать не стали. Однако месяц спустя заведение Конди прикрыли. Может, это связано с тем, что вам удалось выяснить.

— Вероятно, городская полиция специально упустила след. Но при желании Конди можно найти в другом месте. Все его предприятия работают с прежним успехом.

Я снова направился к двери, Грейсон поспешил за мной. На его желтом лице выступил румянец.

— Я не хотел быть невежливым,— сказал он.— Просто нам с Лети тяжело постоянно возвращаться в прошлое.

— Наоборот, по-моему, вы были очень терпеливы,— возразил я.— Но в историю был замешан еще кто-то, кого вы не упоминали.

Он покачал головой и в очередной раз взглянул на жену. Ее руки не двигались, а голова склонилась к плечу. Казалось, она к чему-то прислушивается, ничего вокруг не замечая.

— Говорят, что в ту ночь миссис Алмор укладывала в постель медсестра, работавшая у доктора Алмора,— сказал я.— Не про нее ли болтали, что она находится в связи с доктором?

— Одну минуту...— резко произнесла миссис Грейсон.— Мы никогда не видели этой девушки, но у нее было красивое имя. Подождите, я попытаюсь его вспомнить.

Мы подождали.

— Ее звали Милдред,— заявила миссис Грейсон.

Я глубоко вздохнул.

— А фамилию ее вы не помните? Милдред Хавеланд?

Она улыбнулась и кивнула.

— Конечно Милдред Хавеланд. Ведь ты тоже помнишь?

Но мистер Грейсон не помнил ничего. Он смотрел на нас, как лошадь, попавшая в чужое стойло.

— А какое это имеет значение? — выдавил он наконец.

— Скажите, пожалуйста, какого роста Таллей? Высокого?

— Что вы, нет! — ответила миссис Грейсон.— Гораздо ниже среднего. Это пожилой человек с каштановыми волосами, спокойным голосом и бледным лицом.

— Видно, ему было от чего побледнеть,— заметил я.

Грейсон протянул мне свою костлявую руку, и я пожал ее с таким чувством, будто прощаюсь с вешалкой.

— Если вы его поймаете,— сказал он, стискивая зубами трубку,— зайдите к нам со счетом. Конечно я имею в виду Алмора.

Я ответил, что все понял, но со счетом не приду. Потом прошел через темный холл. Кругом было тихо.

Глава 23

Дом на Вестмор-стрит оказался маленьким деревянным строением, примыкающим к большому зданию. Узкая бетонная дорожка вела ко входу. Я поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь, находившаяся за проволочной сеткой, была открыта, но в помещении свет не горел. Чей-то усталый голос спросил из темноты:

— Кто там?

— Мистер Таллей дома? — спросил я в ответ.

— Кому он понадобился?

— Другу.

— Хорошо,— хрипло проговорила женщина из темной комнаты.— Какая требуется сумма?

— Это не счет, миссис Таллей. Ведь вы миссис Таллей, я полагаю?

— Уходите и оставьте меня в покое,— пробормотала она.— Мистера Таллея здесь нет, не было и не будет.

Я прижался лицом к сетке, пытаясь разглядеть помещение. Смутно виднелись очертания мебели. Похоже, женщина лежала на кушетке, а может, мне это только показалось.

— Я больна,— продолжала она.— Я устала. Уйдите, дайте мне отдохнуть.

— Меня направили к вам Грейсоны.

Минута тишины, потом вздох.

— Первый раз о них слышу.

Я прислонился к дверному косяку и взглянул на улицу. Там стояла машина с включенными фарами. Других машин не было видно. Я снова заговорил:

— Вероятно, вы в курсе, миссис Таллей, что Грейсоны еще интересуют их дело. Что с вами? Не нужна ли вам помощь?

— Я хочу остаться одна,— упорствовала женщина.

— Мне необходимы сведения,— в свою очередь настаивал я.— Я должен их получить. Желательно спокойно, или с шумом, если нельзя иначе.

— Опять полицейский? — спросила женщина.

— Вы прекрасно знаете, что я не полицейский, миссис Таллей. Грейсоны не станут разговаривать с копами. Позвоните им и убедитесь.

— Я никогда о них не слыхала,— повторила она.— А если бы даже и слышала, у меня все равно нет телефона. Убирайся отсюда, коп. Я больна больше месяца.

— Меня зовут Марлоу,— пытался я объяснить.— Филип Марлоу. Я частный детектив из Лос-Анджелеса. Грейсоны уже кое-что сообщили, но мне еще необходимо побеседовать с вашим мужем.

Женщина в темноте тихо и печально засмеялась.

— Итак, вы кое-что узнали? — сказала она.— Вот это я уже слышала не раз. Великий боже, конечно слышала... вы кое-что узнали! Джордж Таллей тоже кое-что узнал... когда-то...

— Он сможет воспользоваться своим открытием,— заметил я,— когда поделится со мной.

— Если за ту цену, которую он уже заплатил, то лучше убейте его,— проговорила женщина.

Тут я увидел, что на улице кто-то зажег и опять погасил фонарь. Непонятно, зачем это сделали. Мне почудилась какая-то фигура возле моей машины.

В глубине комнаты возникло и исчезло бледное лицо. Теперь на его месте были волосы: женщина отвернулась к стене.

— Я измучена,— глухо твердила она.— Я страшно измучена. Уходите отсюда, сэр. Умоляю вас, уходите, пожалуйста.

— Я могу одолжить вам немного денег,— мягко произнес я.

— Вы не чувствуете запаха сигар?

Я потянул носом, но табачного дыма не уловил.

— Нет.

— Они были здесь. Часа два назад. Боже, как я устала. Прошу вас, уходите.

— Выслушайте меня, миссис Таллей.

Она повернулась, и из темноты снова проступили неясные очертания ее лица.

— Вот что: я вас не знаю,— сказала она.— И не хочу знать. Мне нечего вам сообщить. Впрочем, даже если бы и было, я бы все равно молчала. Я живу в этой норе, если мое существование можно назвать жизнью. Но все-таки я живу. Мне нужно только немного тишины и покоя. А теперь уходите и оставьте меня одну.

— Впустите меня,— настаивал я.— Давайте побеседуем. Я сумею вам помочь.

Она снова отвернулась, и в голосе ее прозвучал сдерживаемый гнев:

— Если вы немедленно не исчезнете, я начну кричать изо всех сил. Убирайтесь отсюда.

— Хорошо,— заторопился я.— Я оставлю в дверях визитную карточку. Не забудьте мою фамилию. Может, вы еще передумаете. А теперь спокойной ночи, миссис Таллей.

Ответа не последовало. Я сунул в дверь визитку, спустился с крыльца и по бетонной дорожке вышел на улицу. На другой стороне улицы слабо ворчал мотор машины с включенными фарами. Но моторы ворчат в тысячах машин на тысячах улиц. Я сел в свой автомобиль и уехал.

Вестмор-стрит находилась далеко от центра. Мне предстояло попасть в другую часть города, и я повернул на север. Вскоре по обеим сторонам дороги замелькали кучи металлолома. За деревянными заборами, как на поле боя, лежали разбитые останки старых автомашин. Груды ржавого железа при свете луны выглядели удивительно мрачно. Они напоминали дома, разделенные улочками. В зеркале заднего вида появились огни какого-то автомобиля. Он приближался. Я прибавил газу, вынул из кармана ключ, открыл потайную дверцу и, достав оттуда пистолет тридцатый восьмого калибра, положил его на сиденье. Сразу же за свалкой показался кирпичный завод. Над пустынной местностью высилась гигантская заводская труба, она не дымила. За ней появилось темное кирпичное здание с вывеской фирмы: ни в одном окне света не было. Таинственный автомобиль продолжал настигать меня. Внезапно тишину ночи разорвал хриплый звук сирены. Я сильнее надавил на акселератор, но слишком поздно. Теперь машина была уже совсем близко: свет ее фар залил всю дорогу.

Автомобиль поравнялся со мной, затем обогнал. Но я стремительно развернулся и с максимальной скоростью помчался в обратном направлении. Однако и это не помогло. Меня опять нагоняли, включив красный прожектор, который осветил дорогу чуть ли не на километр. Я, собственно, и не пытался удрать, я только хотел доехать до людного места, иными словами, до свидетелей. Ничего не случилось. Полицейская машина настигла меня, и кто-то крикнул из нее грубым голосом:

— Остановись, или мы продырявим тебе череп!

Я затормозил, предварительно сунув пистолет на прежнее место и заперев тайник на ключ. Полицейская машина остановилась, и из нее с криком: «Ты что, не узнаешь полицейской сирены? Выходи!» — выскочил какой-то толстяк.

Я вылез из кабины и встал рядом с ним. Луна освещала его фигуру с пистолетом в руке.

— Водительское удостоверение! — снова крикнул он.

Я достал документ. Тут подошел второй полицейский и взял мои права себе. Включив фонарь, он внимательно изучил их.

— Марлоу! А, черт возьми! Этот парень — ищейка. Представляешь, Кони!

— Это все? — спросил Кони.— Наверное, оружие нам не понадобится.— Он засунул пистолет в кобуру и застегнул ее.— Думаю, мы закончим быстро.

— Он ехал со скоростью сто пять километров в час,— заметил второй полицейский.— Держу пари.

— Вели этому сукину сыну дыхнуть,— пробормотал Кони.

Второй коп наклонился ко мне и сказал с вежливой наглостью:

— Не угодно ли вам дыхнуть, мистер сыщик?

Я дыхнул.

— Ладно,— медленно процедил он.— Не проходит.

— Сегодня холодная ночь. Угости мальчика, коллега Доббс.

— Прекрасная мысль,— согласился Доббс.

Он подошел к полицейской машине и достал оттуда бутылку, опорожненную на две трети.

— Здесь не хватит даже на приличный глоток,— заметил он, протянув мне бутылку.— Пейте на здоровье, приятель.

— Допустим, я не хочу пить, что тогда? — поинтересовался я.

— Лучше не говори такого! — зарычал Кони.— Иначе мы можем подумать, что твой живот мечтает заполучить на память отпечатки наших сапог.

Я взял бутылку, вынул пробку и, понюхав содержимое, сказал:

— Это виски. Неужели вы постоянно будете повторять одну и ту же шутку?

— Восемь двадцать семь, запиши, Доббс,— раздался голос Кони.

Доббс вернулся к машине и сделал пометку в журнале. По-прежнему держа бутылку в руках, я сказал Кони:

— Вы собираетесь заставить меня выпить?

— Разумеется, если ты не хочешь заработать хорошего пинка в брюхо.

Я наклонил бутылку и, задержав дыхание, наполнил рот виски. Кони быстро шагнул ко мне и ударил в солнечное сплетение. Разбрызгивая жидкость, я от боли сложился пополам и уронил бутылку, а наклонившись поднять ее, увидел толстую ногу Кони, занесенную над моей головой. Я отскочил в сторону, выпрямился и изо всей силы двинул его по носу. Он закрыл лицо левой рукой и завыл, правой рукой пытаясь нащупать кобуру.

Доббс бросился на меня, размахивая резиновой дубинкой. Он попал мне под левое колено, нога одервенела, и я опустился на землю, скрежеща зубами и выплескивая остатки спиртного. Кони отнял руку от лица. Она была в крови.

— Боже! — пробормотал он, задыхаясь.— Кровь! Моя кровь!

Испустив дикий вопль, он тоже попытался ударить меня по лицу, но я успел увернуться, и удар пришелся в плечо. Доббс бросился между нами, выкрикивая:

— Хватит, Чарли, уже достаточно!

Кони сделал несколько нетвердых шагов, уселся за руль и опять закрыл лицо руками. Потом вытащил носовой платок и начал вытирать кровь.

— Дай мне еще минутку! — рычал он сквозь платок.— Только одну минутку!

— Заткнись! — ответил Доббс.— Пора кончать.

Он многозначительно помахал опущенной дубинкой. Кони вышел из машины и заковылял ко мне. Доббс легонько оттолкнул его. Однако Кони упорно рвался вперед.

— Я хочу его крови! — кричал он.— Крови хочу!

— Довольно! Заткнись! Мы сделали все, что требовалось.

Кони повернулся и, тяжело ступая, обошел полицейскую машину.

— Вставайте, приятель,— обратился ко мне Доббс.

Я встал, растирая ногу под коленом. Нерв дергался, как рассерженная обезьянка.

— Садитесь в машину,— приказал Доббс.— В нашу машину.

Я повиновался, а Доббс прибавил:

— Ты поведешь вторую галошу, Чарли.

— Я разобью ее вдребезги,— зарычал Кони. Доббс поднял с земли бутылку, швырнул ее за забор, уселся рядом со мной и включил зажигание.

— Это вам дорого обойдется. Его нельзя было бить.

— Почему? — спросил я.

— Он хороший парень,— ответил Доббс.— Правда, немного дерганый.

— Но не остроумный,— заметил я.— Совсем не остроумный.

— Только ему этого не говорите,— сказал Доббс.— Такие слова могут задеть его самолюбие.

Полицейская машина двинулась вперед. Кони захлопнул

дверцу моего «крейсера» и так резко включил скорость, словно на самом деле хотел сломать его. Доббс ехал спокойно.

— Вам понравится наша новая тюрьма,— сказал он.

— А какое будет обвинение?

Он на минуту задумался, наблюдая в зеркало за Кони.

— Превышение скорости,— объявил он наконец,— сопротивление властям, словом, типичное ЕПВ, что означает на нашем языке «ехал в пьяном виде».

— А как быть с побоями, принуждением пить спиртное под угрозой физической расправы и избиением дубинкой безоружного? Может, на эту тему удастся поговорить на суде?

— А, глупости,— неохотно пробормотал он.— Вы что, думаете, я сам изобрел такую забаву?

— Мне казалось, что вы немного очистили город,— заметил я.— Я полагал, что порядочный человек может теперь пройти здесь ночью без вооруженной охраны.

— Слегка подчистили, правда,— пробормотал он.— Но некоторые не желают видеть город чистым. Ведь тогда они потеряют свои грязные доллары.

— Лучше не говорите так,— предостерег я.— Вы можете потерять должность.

Он рассмеялся.

— К черту должность! Через две недели я бы все равно попал в армию.

Для него инцидент был исчерпан. Он принял все происшедшее как нечто вполне естественное. Он даже не сердился.

Глава 25

Тюрьма помещалась в новом здании. Серо-стальные стены и двери еще сохранили запах свежей краски, но кое-где они были запачканы табачной жвачкой. Окна под потолком закрывала железная решетка. В одной из камер у стены располагались две стойки с кроватями, на правой храпел какой-то мужчина, укутавшись с головой в теплое одеяло. Очевидно, он спал уже давно. И то, что в камере не пахло спиртным, заставило меня предположить, что заключенный старожил. Я опустил на свободное место. Полицейские ощупали меня, но в карманах рыться не стали. Я закурил сигарету и снова принялся растирать ногу. Боль пронизывала меня до костей. Отвратительно пахло виски, которое я выплюнул на пиджак. Я дыхнул

на пиджак дымом. Камера выглядела довольно уютно. Правда, из другой части здания доносился пронзительный женский визг, но у нас было тихо, как в церкви. Женщина продолжала истерически вскрикивать. Голос у нее был резкий, пронзительный, нереальный, напоминающий вой койотов под луной. Потом наступила тишина. Я выкурил две сигареты и бросил окурки в раковину, установленную в углу. Спящий мужчина по-прежнему храпел. Видно, он уже прекрасно освоился в этой гостинице. Я снова лег на койку, застланную двумя темными одеялами. Тюрьма помещалась на двенадцатом этаже новой ратуши. Ратуша была на удивление красивым зданием, а тюрьма по сравнению с другими учреждениями подобного рода — достаточно приятным местом. Да и сам Вай-Сити, по глубокому убеждению его обитателей, был исключительно милым городком. Я частенько любовался тут голубым заливом и пристанью для яхт, тихими улицами, старыми домами, дремлющими под кронами раскидистых деревьев, и новенькими постройками с молодой зеленью вокруг, темными оградами и живописными дорожками. Я был знаком с девушкой, которая жила на Двадцать пятой, очень красивой улице. Сама девушка тоже была красива, и она любила Вай-Сити. Она не думала о людях, проводящих все свое время на пляжах, у береговых ресторанчиках и танцзалах. Она ничего не знала о притонах наркоманов, об узких лисьих харях, выглядывающих из-за газет в тихих холлах отелей, о ворах и налетчиках, о гангстерах и взломщиках, об алкоголиках, альфонсах и сутенерах.

Я встал и подошел к двери. В коридоре горел тусклый свет, там никого не было. Царила полная тишина. Я посмотрел на часы. Они показывали без шести десять. Самое время возвратиться домой, надеть туфли и поразмыслить над шахматной доской. Самое время выпить из высокого холодного стакана и не спеша выкурить длинную трубку. Самое время посидеть на кушетке и, ни о чем не думая, позевать над газетами. Да, неплохо сейчас находиться дома и отдыхать, наслаждаясь ночной прохладой.

В коридоре показался мужчина в голубом мундире тюремщика, он шел, вглядываясь в номера камер. Из окошка в своей двери я увидел, как он остановился передо мной. Отперев камеру, он бросил на меня суровый, столь характерный для полицейского, взгляд.

«Я полицейский, я строг,— казалось, говорил он.—

Осторожней на поворотах, иначе мы согнем тебя в бараний рог и остаток жизни ты будешь ползать на коленях. Веди себя тихо, знай свое место, не шути с нами и помни, что мы крепкие ребята. Мы, полицейские, можем сделать все, что захотим, с таким дерьмом, как ты».

— Выходи,— буркнул он.

Я вышел в коридор, он запер камеру и показал мне, куда идти. Мы подошли к стальной двери, он открыл ее, пропустил меня вперед и снова закрыл. Через минуту мы добрались еще до одних стальных дверей. За ними в комнате у барьера стоял и разговаривал со служащим канцелярии де Гармо. Он посмотрел на меня своими светлыми, холодными глазами и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично.

— Как вам нравится наша новая тюрьма?

— Отличная.

— Капитан Уэббер хочет поговорить с вами.

— Отлично.

— Вы не употребляете других слов, кроме «отлично»?

— Не здесь,— ответил я,— и не сейчас.

— Вы, кажется, прихрамываете? — заметил он.— Вероятно, на что-нибудь наткнулись?

— Да,— ответил я.— На полицейскую дубинку. Она совершенно случайно ударила меня под левое колено.

— Это плохо,— кивнул де Гармо, не моргнув глазом.— Соберите свои вещи.

— Они у меня с собой. Их не отбирали.

— Отлично,— сказал де Гармо.

— Вот именно,— согласился я.— Просто отлично.

Служащий канцелярии поднял свою лохматую голову и внимательно посмотрел на нас.

— Если хотите увидеть действительно интересную вещь,— заявил он,— то полюбуйтесь ирландским носиком Кони. Он сейчас похож на свеклу.

— А что случилось? Он с кем-нибудь подрался? — спросил де Гармо.

— Понятия не имею,— ответил полицейский из канцелярии.— Подозреваю, что та же самая дубинка задела его по носу.

— Для работника канцелярии вы слишком много треплетесь,— заметил де Гармо.

— Канцеляристы вообще дьявольски болтливы,— вздохнул его собеседник.— Наверное, потому что они не служат в отделе убийств.

— Видите, сэр, как мы живем? — обратился ко мне де Гармо.— Мы — одна дружная семья.

— Счастливые улыбки играют на наших лицах,— прибавил полицейский канцелярист,— а руки высоко подняты в знак приветствия, и в каждой из них полицейская дубинка.

Де Гармо кивнул мне, и мы вышли.

Глава 26

Капитан Уэббер, обосновавшийся за столом, вытянул свой острый нос и сказал:

— Садитесь.

Я плюхнулся в кресло и попытался поудобнее устроить болную ногу. Мы находились в большом уютном кабинете. Де Гармо разместился возле стола, положив ногу на ногу, задумчиво потер руки и посмотрел в окно. Уэббер сказал:

— Вы искали приключений и вот получили что хотели. Вы ехали со скоростью сто пять километров в час в населенном районе, пытались удрать от полицейской машины, которая подавала вам сигнал сиреной и красным маяком. Вы оказали сопротивление при задержании и ударили по лицу полицейского.

Я ничего не ответил. Уэббер взял спичку, сломал ее и бросил через плечо.

— Все так и было? — спросил он.

— Я не видел протокола. Возможно, я действительно превысил скорость в населенном пункте. Во всяком случае, в черте города. Возле дома, куда я зашел, стоял автомобиль. Когда я выбрался на улицу и поехал, он последовал за мной, но я не знал, что эта машина полицейская. У них не было причин преследовать меня, и вообще, мне это не нравилось. А если я и двигался быстрее, чем полагается, то только из желания выбраться в более освещенную часть города.

Де Гармо смотрел на меня ничего не выражающим взглядом. Уэббер нетерпеливо щелкнул зубами и сказал:

— Но, узнав в автомобиле полицейский, вы развернулись и снова пытались удрать. Это правда?

— Да,— кивнул я.— Однако для объяснения такого поступка потребуется откровенный разговор.

— Откровенный разговор мне не страшен,— заявил Уэббер.— Я уже давно стараюсь говорить только откровенно.

Я продолжал:

— Полицейские, схватившие меня, устроили засаду возле дома, где живет жена Джорджа Таллея. Они находились там до моего прибытия. Джордж Таллей был частным детективом. Я хотел с ним увидеться, и де Гармо знает почему.

Вынув из кармана спичку, де Гармо спокойно грыз ее кончик. Он молча кивнул головой, но Уэббер даже не взглянул на него. Я снова заговорил:

— Вы не умный человек, де Гармо. Все ваши поступки исключительно глупы. Вчера возле дома Алмора вы накричали на меня, хотя для этого не было никаких оснований. Вы сами пробудили мое любопытство, и совершенно напрасно. Вы лично разъяснили мне, каким путем я должен действовать, если это понадобится. А для того, чтобы подстраховать своих друзей, вам просто надлежало помалкивать и дожидаться, когда я совершу ошибку. Я бы никакой ошибки не совершил, и вам бы не пришлось устраивать никаких дурацких шуток.

— К черту! Что здесь общего с вашим арестом? — удивился Уэббер.

— Мой арест напрямую связан с делом Алмора, — объяснил я. — Джордж Таллей тоже работал над ним, пока его не арестовали за езду в пьяном виде.

— Ладно, лично я никогда не занимался делом Алмора, — фыркнул Уэббер. — О нем я имею точно такое же понятие, как о том, кто первый ударил кинжалом Юлия Цезаря. Давайте конкретнее!

— Я конкретно и говорю. Де Гармо лично знаком с делом Алмора, но не любит о нем вспоминать. Спросите ваших ребят из полиции, они в курсе. У Кони и Доббса не было никаких оснований для моего задержания, кроме того, что я посетил жену человека, занимавшегося делом Алмора. Я еще не развил скорость в сто пять километров, когда они начали меня преследовать. Потом я пытался удрать от них, испугавшись, что меня избьют за этот визит. Де Гармо сам предупреждал меня, что так и будет.

Уэббер бросил быстрый взгляд на де Гармо. Холодные стальные глаза сержанта не отрывались от стены. Я продолжал:

— Я бы не ударил Кони, если бы он не заставлял меня пить виски и не бил для того, чтобы я облил свой костюм и провонял алкоголем. Я не верю, что вы, капитан, впервые услышали о подобном трюке.

Уэббер сломал вторую спичку. Затем посмотрел на свои руки, снова перевел взгляд на де Гармо и сказал ему:

— Если вы сегодня разыграли роль коменданта полиции, будьте любезны поставить меня в известность.

— Вот ведь холера! Ну ладно, пошутили мы немного с этой ищейкой, — объяснил де Гармо. — Просто пошутили. Я же не виноват, что дурень не понимает юмора...

— Значит, вы действительно посылали Кони и Доббса? — спросил Уэббер.

— Да... — признался де Гармо. — Никак в голову не возьму, почему мы должны гладить по головке этих сексотов. Вечно болтаются по нашему городу и разгребают себе мусорные кучи только для того, чтобы подыскать себе занятие и выцыганить побольше денег у всяких старых идиотов. Таким прохвостам нужно время от времени задавать хорошую взбучку.

— Вы называете происшедшее шуткой? — поинтересовался я у де Гармо.

— Я уже давно размышляю над тем, чего вам не достает, — вмешался Уэббер. — По-моему, вы нуждаетесь в свежем воздухе. Может, пойдете прогуляться, сержант?

— Вы хотите выставить меня отсюда? — медленно произнес де Гармо.

Уэббер наклонился вперед так, что его острый подбородок стал похож на нос самолета, рассекающего воздух.

— Вы уйдете наконец?

Де Гармо не спеша поднялся, лицо его потемнело. Он смотрел на Уэббера. Наступила минута полной тишины.

— Хорошо, капитан, — процедил де Гармо. — Но вы поступаете неблагородно.

Уэббер промолчал. Де Гармо вышел. Дождавшись, пока закроются двери, Уэббер снова заговорил:

— Итак, вы считаете, что существует некая связь между делом Алмора, случившимся полтора года назад, и сегодняшним убийством Лавери? Или это только дымовая завеса, поскольку вы отлично знаете, что Лавери застрелила жена Кингсли?

— Связь возникла задолго до сегодняшнего преступления. Возможно, не такая прочная, возможно, только в одном пункте. Но в любом случае над ней стоит подумать.

— Я думал об этом больше, чем вы представляете, — холодно заметил Уэббер, — хотя лично не занимался расследованием обстоятельств смерти жены Алмора и не был начальником отдела убийств. Но если до вчерашнего

дня вы даже не слышали об Алморе, то теперь, вероятно, многое о нем выяснили.

Я передал ему все, что выудил из мисс Фромсетт и Грейсонов.

— Следовательно, по вашей теории, Лавери мог шантажировать доктора? — спросил капитан. — И все-таки, что здесь общего с убийством первого?

— Это не теория, а только один из вариантов. Но я бы не был детективом, если бы игнорировал его. Отношения между Лавери и Алмором могли быть близкими и опасными. Но они, возможно, ограничивались и простым знакомством. Имеющиеся у меня сведения позволяют предполагать, что они даже не разговаривали друг с другом. Но для чего тогда расправляться с любым, кто пытается заинтересоваться делом Алмора? Конечно, Джорджа Таллея могли случайно арестовать за езду в пьяном виде, когда он пытался в чем-то разобраться. Алмор случайно мог вызвать полицейского, когда я находился возле его дома. Возможно, Лавери случайно убили прежде, чем я успел побеседовать с ним вторично. Но никак не случайно ваши подчиненные подстерегали меня возле дома Таллея.

— Вы правы, — согласился Уэббер. — И инцидент нельзя считать исчерпанным. Вы собираетесь подать жалобу?

— Жизнь слишком коротка, чтобы жаловаться на полицейских.

Он поморщился.

— В таком случае забудем пока об этом. Насколько мне известно, вас не занесли в списки арестованных. Следовательно, вы можете отправиться домой, когда пожелаете. Но на вашем месте я бы все же поделился с капитаном Уэббером сведениями о деле Лавери и той связи, которая существует между ним и делом Алмора.

— А нужно ли упоминать о связи между этим делом и женщиной по имени Мэриел Чейз, труп которой обнаружили вчера в горном озере близ Пума-Пойнт? — спросил я.

Он поднял брови.

— Вы полагаете, что и такая связь существует?

— Неужели вы ничего не знаете о Мэриел Чейз? Да будет вам известно, что ее настоящее имя Милдред Хавеланд и она работала медицинской сестрой у доктора Алмора. Это она укладывала спать жену доктора в ту ночь, когда ее нашли мертвой в гараже. И если все

происшедшее хоть чем-то связано, у нее может быть информация о том, кто тут замешан. Ее могли подкупить или вынудить оставить город вскоре после смерти миссис Алмор.

Уэббер взял две очередные спички и сломал их. Его небольшие черные глаза глядели на меня, не отрываясь, но он молчал.

— Здесь вы наткнетесь на одно обстоятельство, над которым стоит задуматься. В риверсайдском ресторане Милдред Хавеланд встретила человека по имени Вильям Чейз и по причине, известной ей одной, вышла за него замуж. Они поселились с мужем возле озера Оленят. А эта местность принадлежит человеку, жена которого находилась в интимных отношениях с Лавери — тем, кто первым обнаружил тело миссис Алмор. Конечно, это тоже может быть случайным совпадением, но согласитесь, что все случившееся как-то подозрительно странно переплетено.

Уэббер встал и выпил из графина два стакана воды подряд. Потом постоял у окна, глядя на залив. В ту пору еще не применяли затемнения, и на пристани горело множество огней. Затем он вернулся и сел на прежнее место, за стол.

— И все-таки я не понимаю, зачем вы смешиваете сегодняшнюю трагедию с тем, что произошло полтора года назад, — сказал он.

— Дело ваше, — ответил я. — Спасибо за то, что уделили мне столько драгоценного времени.

Я встал, собираясь уходить.

— Как ваша нога? — спросил капитан, когда я наклонился, чтобы растереть ее.

Я пожал плечами.

— Неважно, но все-таки лучше.

— Полицейская служба, — осторожно произнес он, — выдвигает множество проблем. Она очень напоминает политику. И заниматься ею должны порядочные люди. К сожалению, в нашей работе для них нет ничего привлекательного. Приходится использовать тех, кто соглашается... и вот результат.

— Я понимаю. Не стоит об этом. Спокойной ночи, капитан.

— Подождите минутку, — сказал он. — Сядьте. Если пытаться связать сегодняшнее происшествие с делом Алмора, то лучше заняться этим сразу.

— Самое время начать, — заметил я и снова уселся.

— По-моему, многие считают нас бандой бездельников,— спокойно сказал Уэббер.— Они полагают, что какой-нибудь тип убивает свою жену, потом звонит мне и говорит: «Привет, капитан! Я только что совершил небольшое преступленье. Но у меня случайно завалось сотен пять лишних долларов, которые могут переменить владельца». А я в ответ: «Лафа! Сидите спокойно, сейчас я приеду, и мы все отлично устроим».

— Ну, это не совсем так,— заметил я.

— Зачем вам понадобилось встречаться с Таллеем?

— Он собрал какие-то сведения, касающиеся смерти Флоренс Алмор. Ее родители наняли его для проведения расследования, но он не сообщил им того, что сумел выяснить.

— А вы, значит, надеялись, что он вам расскажет? — саркастически спросил Уэббер.

— Я хотел попытаться расшевелить его.

— А может, вы искали детектива потому, что де Гармо обошелся с вами по-хамски и вы мечтали ему отплатить.

— Очевидно, это тоже сыграло некоторую роль,— согласился я.

— Таллей проявил себя обычным мелким шантажистом,— пренебрежительно заметил Уэббер.— И не только в данном случае. От него нужно было избавиться любым путем. Я скажу вам, что именно он раскопал. Он украл с ноги Флоренс Алмор туфлю.

— Туфлю?

Уэббер усмехнулся.

— Только туфлю. Ее потом обнаружили у него дома — зеленую атласную танцевальную туфельку с маленькими фальшивыми бриллиантами на каблучках. Ее смастерил какой-то парень из Голливуда, который делает всякий театральный реквизит. А теперь вы, конечно, спросите, какое значение имела эта туфля?

— Какое же, капитан?

— У Флоренс были две пары совершенно одинаковых туфель, сшитых одновременно. Тут нет ничего необыкновенного. Простая предусмотрительность, на случай, если одна потеряется или какой-нибудь пьяный буйвол ее растопчет.— Он немного помедлил и опять улыбнулся.— Похоже, что второй пары она ни разу не надевала.

— Кажется, я начинаю понимать,— сказал я. Удобнее

устроившись в кресле, я побарабанил пальцами по подлокотнику.— Дорожка, ведущая из дома к гаражу, бетонированная. Бетон очень выщербленный. Следовательно, можно допустить, что Флоренс Алмор не шла по нему сама, а ее несли. Предположим, что тот, кто ее нес, надел ей на ноги туфли... именно те, что она ни разу не использовала.

— Дальше.

— Представим следующее: пока Лавери звонил доктору, посещавшему своих больных, Таллей заметил, что туфли совершенно новые, и снял одну из них как доказательство того, что Флоренс Алмор была убита.

Уэббер кивнул.

— Она бы стала доказательством, если бы Таллей обратил на нее внимание полиции. Но, едва украв туфлю, Таллей сделал ее доказательством лишь того, что он — негодяй.

— А количество окиси углерода в крови определяли?

Положив руку на стол, капитан разглядывал на ней жилки.

— Да. Она там присутствовала. Полицейские медики признали причиной смерти отравление выхлопными газами. На теле не обнаружено следов насилия. Они установили, что доктор Алмор не убивал своей жены, но могли и ошибиться. Я убежден, что следствие провели несколько поверхностно.

— А кто его проводил?

— Я полагаю, вам известен ответ.

— Полиция не заметила отсутствия туфли?

— Тут одно из двух: либо она была на месте, либо ее действительно не заметили. Но вы должны учитывать, что доктор вернулся домой вскоре после звонка Лавери, еще до прибытия полиции. Все, что мы знаем об этой туфле, исходит от Таллея. Он мог стащить ее прямо из дома доктора. Боковые двери не были заперты, а слуги спали. Ну конечно, нужно было сразу выяснить, почему ему пришлось в голову снять с ноги мертвой неношенную туфлю. А теперь кто его раскусит? Эту хитрую крысу.

Мы сидели, глядя друг на друга, погружившись в раздумья.

— Кроме того,— прибавил он,— мы можем допустить, что медсестра доктора Алмора занималась шантажом вместе с Таллеем. Такое вполне вероятно. Существуют данные, говорящие в пользу такого предположения, но кое-что его опровергает. Чем мы докажем, что женщина, утонувшая в озере, работала у Алмора?

— Двумя фактами. Каждый из них в отдельности мало убедителен, но вместе они почти неоспоримы. Некий неизвестный, видом и поведением сильно смахивающий на де Гармо, приезжал в горы несколько недель назад. Он разыскивал Милдред Хавеланд и показывал всем фотографию женщины, очень похожей на Мэриел Чейз. Немного отличаются волосы и брови, но сходство несомненное. Ему никто ничего не сообщил. Он назвался де Сото, полицейским из Лос-Анджелеса. Однако в Лос-Анджелесе нет полицейского с такой фамилией. Легко проверить, был ли это де Гармо. Услышав о де Сото, Мэриел Чейз страшно испугалась. Второй факт: в домике Билла Чейза в банке с сахарной пудрой был спрятан золотой медальон. Его нашли после ареста хозяина. На золотом сердечке выгравирована надпись: «Ал — в знак любви Милдред. 28 июня 1938 г.».

— Эти имена могли принадлежать и другим людям,— заметил Уэббер.

— Ваше предположение несерьезно, капитан.

Он наклонился ко мне и спросил:

— А что, собственно, вы пытаетесь доказать?

— То, что жена Кингсли не убивала Лавери. Его смерть каким-то образом связана с делом Алмора, с Милдред Хавеланд, а возможно, и с самим доктором. То, что жена Кингсли скрылась в каком-то сильном потрясении. Она вполне могла знать о происшедшем, но она никого не убивала. Мне обещали пятьсот долларов награды, если я сумею ее оправдать. И я имею право попытаться.

Он кивнул.

— Конечно. А я охотно помогу вам при наличии хоть каких-то данных. Пока мы не нашли этой женщины, но у нее было так мало времени, что далеко ей не убежать.

— Я слышал, как, обращаясь к де Гармо, вы называли его «Ал». Правда, я думал о докторе Алморе. Его зовут Альберт.

Уэббер разглядывал кончик своего пальца.

— Но доктор никогда не был ее мужем, в отличие от де Гармо,— неожиданно заявил он.— Должен вам сказать, что она превратила его жизнь в настоящий ад. Многие отрицательные черты характера он приобрел именно благодаря ей.

Я немного подумал.

— Теперь мне открылись вещи, о существовании которых я раньше и не подозревал. А что из себя представляла эта девушка?

— Исключительно хитрое и ловкое создание. Она

умела обращаться с мужчинами, те буквально ползали у ее ног. Де Гармо убил бы всякого, кто осмелился бы говорить о ней дурно. Она с ним развелась, но он по-прежнему ее любит.

— Ему известно, что она умерла?

Помолчав несколько секунд, Уэббер сказал:

— По-моему, нет. Он бы не сумел этого скрыть.

Я встал и наклонился к нему через стол.

— Послушайте, капитан, вы не шутите?

— Нисколько. С некоторыми мужчинами женщины могут делать все, что пожелают. И если вы полагаете, что де Гармо искал ее со злыми намерениями, то вы глупы, как бревно.

— Я ничего подобного не думал. Прежде всего, убийца женщины из озера должен был превосходно знать местность.

— Надеюсь, этот разговор останется между нами,— заключил капитан.— Я на вас рассчитываю.

Я кивнул, но обещать ничего не стал. Когда я уходил, он смотрел на меня устало и обеспокоенно. Машина моя ютилась возле здания ратуши среди полицейских автомобилей. Никаких повреждений я в ней не обнаружил. Кони не выполнил своих угроз. Я вернулся в Голливуд, в свою бристолюскую квартиру. Было поздно, почти за полночь. В коридоре царил полная темнота. Где-то беспрерывно трезвонил телефон. Звонок зазвучал гораздо громче, когда я подошел к своим дверям. Даже не успев включить свет, я сразу взял трубку. Послышался голос Кингсли, задыхающийся, нервный и отрывистый:

— Боже, где вы шатаетесь? Уже несколько часов я пытаюсь вам дозвониться!

— Прекрасно. Я вернулся. В чем дело?

— Я получил от нее известия.

Я крепко сжал трубку и глубоко вздохнул.

— Говорите.

— Я тут неподалеку, буду у вас минут через пять-шесть.

Он дал отбой. Я еще немного подержал трубку в воздухе, затем медленно опустил ее на рычаг.

Глава 28

В дверь осторожно постучали. Я отправился открывать. В шотландском легком пальто с поднятым воротником и в желто-зеленом кашне Кингсли напоминал лошадь. Из-под надвинутой на лоб коричневой шляпы с широкими

полями смотрели глаза больного животного. С ним пришла мисс Фромсетт. Она была без шляпы, и ее волосы блестели волшебным блеском. В ушах сверкали серьги в виде цветов гардении. Вместе с ней в комнату проник запах «Джиреллен-Регаль». Я запер двери и, указав на стулья, заметил:

— Думаю, что порция виски с содовой никому из нас не повредит.

Мисс Фромсетт опустила в кресло и скрестила ноги. Потом закурила сигарету и, глубоко затянувшись, печально улыбнулась. Кингсли стоял по центру комнаты. Я подошел к буфету, сделал три коктейля и отнес гостям. Кингсли спросил:

— Где же вы были и что с вашей ногой?

— Это подарок от полицейских Вай-Сити. Они охотно одевают граждан подобными сувенирами. А что касается моего местопребывания, то я сидел в тюрьме за езду в пьяном виде. И, судя по выражению вашего лица, скоро попаду туда снова.

— Не понимаю, о чем вы,— пробормотал Кингсли.— У меня нет времени для шуток.

— Очень хорошо, давайте будем серьезны. Что вам стало известно о жене, где она?

Он сел на стул, держа стакан в левой руке, затем сунул правую в карман и извлек оттуда синий конверт.

— Вы должны передать ей деньги,— заявил он.— Пятьсот долларов. Она требовала больше, но это все, что мне удалось достать, реализовав чек в ночном ресторане. Ей необходимо покинуть город.

— Какой город? — спросил я.

— Вай-Сити. Я не знаю, где она живет, но вы встретитесь с ней в ресторане «Павлин», расположенном на бульваре Аргуелло около Восьмой улицы.

Я посмотрел на мисс Фромсетт. Она по-прежнему глядела в потолок, будто явилась сюда только для того, чтобы проверить, нуждается ли он в побелке. Кингсли бросил конверт на шахматный столик. Я заглянул внутрь. Поскольку там действительно находились деньги, вся история приобретала какой-то смысл. Я оставил конверт на месте.

— Разве она не могла получить собственных денег? — спросил я.— Любой отель реализовал бы ее чек, а во многих вообще можно расплачиваться чеками. Или на ее банковский счет наложен арест?

— Не нужно так говорить,— с трудом произнес Кинг-

сли.— Ее ищут. Не знаю откуда, но ей об этом известно. Может, по радио передавали? Вы не слышали?

Я ответил, что нет. У меня не было времени слушать полицейскую информацию по радио. Мне едва хватало его на живых полицейских. Кингсли сказал:

— Видимо, она не хочет рисковать. Чек можно было реализовать раньше, но не теперь.

Он поднял глаза и посмотрел на меня ничего не выражающим взглядом.

— Значит, сейчас она в Вай-Сити,— подвел я итог.— Вы с ней беседовали?

— Нет. С ней общалась мисс Фромсетт. Жена звонила в контору. Рабочий день уже закончился, но у меня сидел полицейский с побережья, капитан Уэббер. Естественно, мисс Фромсетт вообще не захотела с ней говорить. Она попросила ее позвонить попозже. Жена не сообщила номера своего телефона.

Я взглянул на мисс Фромсетт. Она перестала осматривать потолок и перевела взор на меня. Ее глаза тоже ничего не выражали. Кингсли продолжал:

— Я не желал ее выслушивать, а она в свою очередь отказалась говорить со мной. Я убежден, что Лавери убила именно она. По-моему, Уэббер тоже не сомневается в этом.

— Не спешите,— остановил его я.— То, что он производит вслух, и то, что думает,— совершенно разные вещи. Но откуда же она знает, что ее разыскивает полиция? Мне это совсем не нравится. Как правило, полицейская информация никому для развлечения не нужна. Значит, позднее она позвонила еще раз? И что же она сообщила?

— Было половина восьмого,— ответил Кингсли.— Мы пообещали ждать ее звонка в конторе. Расскажи ты,— обратился Кингсли к девушке.

— Она позвонила в кабинет мистера Кингсли,— начала мисс Фромсетт.— Он сидел рядом со мной, но трубку не взял. Она потребовала, чтобы ей принесли деньги в ресторан «Павлин», и спросила, кто это сделает.

— Голос у нее дрожал, она была испугана?

— Нисколько. Наоборот, совершенно спокойна. Но спокойствие выглядело каким-то искусственным. Она считала, что деньги должен доставить человек, который ее не знает. И понимала, что Дерри... то есть мистер Кингсли... сам не будет их относить.

— Можете называть его Дерри,— сказал я.— Я сумею догадаться, на кого вы намекаете.

Она едва заметно улыбнулась.

— Она будет заходить в «Павлин» через каждый час на протяжении некоторого времени. Я... я предполагала, что деньги принесете вы, и потому описала вашу внешность. У вас на шее должно быть кашне Дерри. Я объяснила какое. Оно бросается в глаза.

Его шарф действительно производил незабываемое впечатление.

— Для ее куриных мозгов она ведет себя очень рассудительно,— заметил я.

— У нас нет времени для шуток,— резко оборвал меня Кингсли.

— Вы уже сообщали это,— вздохнул я.— Знаете, нужно обладать дьявольским цинизмом, чтобы предлагать мне передавать деньги человеку, которого разыскивает полиция.

— Я согласен, что ситуация создалась серьезная,— кивнул он.— Если все станет известно полиции, для нас троих наверняка возникнут неприятные осложнения. Но что же нам делать?

— Однако муж этой дамы и его личный секретарь, по всей видимости, еще сумеют выкрутиться, а вот то, что оживает меня, весьма далеко от мечты о веселой жизни.

— Ваш труд будет хорошо оплачен,— упорствовал Кингсли.— А если она не совершила преступления, вам вообще ничто не угрожает.

— Именно на это я и надеюсь, ибо в противном случае не стал бы затевать такого разговора. Если же я узнаю, что она убийца, то лично выдам ее в руки полиции.

— Она не будет с вами откровенничать,— заметил Кингсли.

Я взял конверт и убрал его в карман.

— Будет, если ей и вправду нужны деньги.— Я посмотрел на часы.

— Если я отправлюсь сейчас, то приеду на место не позже четверти второго. Наверное, в «Павлине» все ее уже видели. Просто замечательно.

— Она покрасила волосы в рыжий цвет,— сказала мисс Фромсетт.— Это поможет вам ее найти.

— Но не поможет поверить в то, что она невинная, несчастная жертва.

Я допил свой бокал и поднялся. Кингсли тоже проглотил остатки спиртного, снял кашне и, передав его мне, спросил:

— Интересно, что же вы натворили? Почему полиция к вам привязалась?

— Просто я пытался воспользоваться информацией, любезно предоставленной мне мисс Фромсетт: разыскивал некоего Таллея, который мечтал разгадать тайну смерти миссис Алмор. А такие занятия неизбежно приводят в тюрьму. Полиция устроила засаду возле его дома. Таллей — это сыщик, которого наняли Грейсоны,— добавил я, пристально глядя на девушку.— Полагаю, вы сами объясните мистеру Кингсли суть дела. Впрочем, как пожелаете. У меня тоже нет времени для шуток. Вы подождете здесь?

Кингсли покачал головой.

— Нет, мы поедем ко мне на квартиру, позвоните туда.

Мисс Фромсетт поднялась.

— Знаешь, Дерри, я страшно устала,— зевнула она.— Лучше я отправлюсь домой и лягу спать.

— Ты поедешь со мной,— резко повторил он.— Иначе я сойду с ума.

— Где вы живете, мисс Фромсетт? — спросил я.

— Брайсон-Боуер на Самсет-плейс. Квартира № 716. Зачем это вам?

— Возможно, понадобится с вами связаться.

Кингсли был раздражен, но глаза его по-прежнему напоминали глаза больного животного. Я надел кашне и пошел выключить свет. Оба мои гостя уже стояли в дверях. Кингсли обнял мисс Фромсетт. У нее был усталый, измученный вид.

— Ну, я надеюсь...— начал он, затем шагнул ко мне и протянул руку.— Вы — порядочный человек, Марлоу.

— Хорошо, а теперь убирайтесь,— оборвал его я.— Уходите отсюда. И как можно скорее.

Он с удивлением взглянул на меня, и они исчезли. Я не тронулся с места, пока не услышал, как поднялся, а потом спустился лифт и хлопнула его дверца. Только тогда я сошел вниз по лестнице и снова разбудил свой «крейслер».

Глава 29

Ресторан «Павлин» помещался рядом с магазинчиком, в витрине которого красовались маленькие хрустальные зверушки, сверкавшие в свете уличного фонаря. Стены ресторана были выложены плитками с изображением павлина, сделанными из цветного стекла. Я огляделся

и занял место в маленькой ложе лицом ко входу. На полированные столики и кресла, обитые красной кожей, падал янтарный свет. В одной из лож за полуопущенной занавеской четверо хмурых солдат пили пиво. Их стеклянные глаза выражали усталость и отвращение.

Против них сидела компания из двух девушек и двух мужчин. Мужчины были отвратительны, кроме того, они без умолку спорили пьяными голосами. Я не заметил никого, подходящего по описанию на Кристаль Кингсли. Худой кельнер со злыми глазами и лицом, напоминающим обглоданную кость, швырнул на мой столик салфетку с изображением павлина и подал коктейль «Баккарди». Я тихо потягивал его и поглядывал на янтарный циферблат ресторанных часов. Когда я пришел, они показывали четверть второго. Один из мужчин, сидевших с девушками, неожиданно вскочил и, хромая, выбежал из ресторана.

— Зачем ты обидела парня? — раздался голос второго.

— Обидела? Замечательно! — тоненько воскликнула девушка. — Он сделал мне постыдное предложение.

Мужчина не унимался и продолжал упрекать ее:

— Ну хорошо, а все-таки, зачем ты его обидела?

Один солдат внезапно разразился хохотом, потом вытер лицо ладонью и махнул очередную кружку пива. Я растирал ногу под коленом. Она еще горела, но чувство онемения уже прошло. Худой мексиканец с бледным лицом и неестественно большими черными глазами принес утренние газеты. Он болтался между столиками, пытаясь продать хотя бы пару экземпляров, прежде чем его выгонят. Я купил газету и пролистал в поисках каких-нибудь интересных убийств, но ничего не нашел. Тут я заметил, как в ресторане появилась стройная рыжеволосая девушка в черных, как уголь, брючках, желтой блузе и длинном сером жакете. Я начал вспоминать, видел ли когда-нибудь ее лицо или это была просто стандартно красивая девушка, каких встречаешь сотнями. Она прошагала мимо, не глядя на меня, и вскоре вышла на улицу. Спустя две минуты вернулся мексиканец-газетчик. Быстро взглянув на бармена, он остановился передо мной.

— Сэр, — только и произнес он, лукаво блестя черными глазами, затем кивнул мне и удалился.

Девушка в сером жакете стояла перед витриной магазина, разглядывая зверушек. Я допил свой бокал и тоже вышел из ресторана. Ее глаза на мгновение оторвались

от витрины. Я приблизился к ней. Она снова посмотрела на меня. У нее было бледное и измученное лицо. Отвернувшись, она быстро проговорила, обращаясь к стеклу:

— Передайте мне деньги.

Стекло затуманилось от ее дыхания.

— Сначала я должен убедиться в том, что вы именно та личность, которую я ищу.

— Вы отлично знаете, кто я такая, — нагло заявила она. — Сколько вы принесли?

— Пятьсот.

— Этого не хватит. Никак не хватит. Ладно, давайте скорее. Я ждала целую вечность.

— Где мы можем переговорить?

— Нигде. Нам не о чем разговаривать. Отдайте деньги и уходите.

— Э, нет, не согласен. Я рисковал и должен по крайней мере выяснить, что происходит.

— Убирайтесь к черту, — ядовито бросила она. — Почему он не пришел лично? Я не желаю с вами болтать. Мне необходимо как можно скорее уехать.

— Вы же сами не захотели, чтобы он приходил. Ведь вы даже не стали беседовать с ним по телефону.

Она кивнула.

— Это правда.

— Но со мной вам побеседовать придется. Я не столь деликатен. Либо со мной, либо с полицией — иного выхода нет. Я, как частный детектив, должен получить гарантии безопасности.

— Ну разве это не очаровательно! — воскликнула она. — Частный детектив! Только этого мне и не хватало!

Ее голос звучал вызывающе.

— Он не мог поступить по-другому. Ему одному нелегко было сориентироваться в происходящем.

— О чем вы собираетесь беседовать?

— О вас, о вашей жизни, о том, где вы были и что намерены делать дальше. Небольшой, но приятный разговорчик.

Она снова подышала на витрину и проследила за тем, как проясняется запотевшее стекло.

— По-моему, было бы гораздо лучше, — холодно произнесла она, — если бы вы отдали мне деньги и позволили самой заняться своими делами.

— Нет.

Она бросила на меня враждебный взгляд и нетерпеливо пожала плечами.

— Ну что ж, будь по-вашему, если так необходимо. Я живу в «Гренаде» на углу Восьмой улицы, комната 618. Приходите туда не раньше, чем через десять минут. Я хочу вернуться одна.

— У меня машина.

— Я хочу вернуться одна.

Она зашагала прочь, пересекла бульвар и скрылась за деревьями. Я сел в машину, подождал десять минут и поехал следом за ней. «Гренада» оказалась отвратительным серым зданием на углу Восьмой улицы. Стеклопакеты двери располагались на уровне тротуара. Я объехал отель вокруг и увидел белый светящийся шар с надписью: «Гараж». Навстречу мне вышел худой негр. Он придиричиво оглядел мой «крейслер».

— Я хочу оставить у вас машину на короткое время, сколько это будет стоить? Мне нужно только подняться наверх.

Теперь он смотрел на меня.

— Уже поздно, начальник. Да и машину следует вымыть. Один доллар.

— Что это у вас за порядки?

— Один доллар,— повторил он деревянным голосом.

Я пожал плечами, он вручил мне номерок, а я ему доллар. Потом, не дожидаясь моего вопроса, он сообщил, что лифт находится справа, рядом с мужской уборной. Я поднялся на пятый этаж и зашагал по коридору, разглядывая номера на дверях. Кругом стояла тишина, и я с удовольствием вдыхал морской воздух, проникавший через открытое окно. Вероятно, здесь, как во всех подобных домах, жили женщины легкого поведения. Поэтому-то негр и потребовал с меня доллар. Он был умен и разбирался в людях. Я остановился перед дверью № 618, несколько секунд подумал и осторожно постучал.

Глава 30

На ней все еще был серый жакет. Пока я протискивался мимо нее в квадратную комнату с двумя кроватями в алькове и скудной старой мебелью, женщина стояла у двери. Небольшая настольная лампа светила тусклым желтым светом. Окно было открыто.

— Садитесь и спрашивайте,— сказала она. Потом закрыла дверь и опустилась в ветхое кресло.

Я устроился на кушетке. За кушеткой находилась другая дверь, открытая, но задернутая зеленой портье-

рой. Похоже, она вела в уборную и ванную. С противоположной стороны я увидел закрытую кухонную дверь. Откинувшись на спинку кресла, женщина внимательно разглядывала меня из-под длинных, густых ресниц. Брови у нее были тонкие, изогнутые, одного цвета с волосами, а лицо спокойное и скрытное. Похоже, она не любила напрасно тратить слова.

— По описанию Кингсли я представлял вас не совсем такой,— заметил я.

Она сжала губы и ничего не сказала.

— По описанию Лавери — тоже,— прибавил я.— Это свидетельствует о том, насколько неточны впечатления людей.

— У меня нет времени на подобную болтовню,— прервала меня она.— Что вы хотите узнать?

— Меня наняли для того, чтобы я вас нашел. Этим я и занимался. Полагаю, тут вы достаточно информированы.

— Да. Его любовница из конторы все мне сообщила по телефону. Она объяснила, что вас зовут Марлоу, и описала ваше кашне.

Я наконец снял его, сложил и убрал в карман. Затем сказал:

— Я кое-что слышал о ваших поездках. Мне известно, что вы оставили свою машину в отеле «Прескотт» и там же встретились с Лавери. Я знаю, что вы послали телеграмму из Эль-Пасо. Куда вы отправились потом?

— Мне требуются только деньги. Разве мои поступки его тоже интересуют?

— Давайте закроем эту тему,— вздохнул я.— Если вы желаете получить свои доллары, то рассказывайте.

— Мы приехали в Эль-Пасо,— устало начала она.— Сперва я хотела выйти за него замуж, потому и послала телеграмму. Вы видели ее?

— Да.

— Потом, передумав, я попросила его оставить меня и вернуться домой. Он устроил мне сцену.

— И действительно уехал?

— Да, а почему бы и нет?

— Что произошло после?

— Я отправилась в Санта-Барбару и задержалась там на несколько дней — примерно на неделю. Затем поехала в Пасадену, тоже на несколько дней, следом в Голливуд, а теперь нахожусь здесь. Вот и все.

— И вы постоянно раскатывали в одиночестве?

Немного поколебавшись, она ответила:

— Да.

— Без Лавери? Больше вы его не видели?

— После того как он оставил меня в Эль-Пасо, нет.

— Что за нелепость?

— Какая нелепость? — вскинулась она.

— Колесить по всему миру и не написать мужу ни слова? Неужели вы не понимали, что он мог беспокоиться?

— Ах, так вы о моем муже, — холодно молвила она. — Я вообще о нем не думала. Ведь он считал, что я в Мексике. А то, что вы называете нелепостью, — чепуха. Мне просто необходимо было обо всем поразмыслить. Моя жизнь зашла в тупик. Я должна была уединиться и найти какой-то выход.

— Но прежде, — возразил я, — вы провели целый месяц у озера Оленят в одиночестве и потерпели фиаско. Не правда ли?

Она посмотрела на кончики своих туфель, потом на меня и кивнула. Волнистая рыжая прядь упала ей на щеку. Она подняла руку, отбросила волосы назад и потерла пальцем висок.

— Мне казалось, что на новом месте у меня все получится. Я хотела пожить в чужом городе, где не встречала бы знакомых и была совершенно одна.

— И что, ваша затея имела успех?

— Не полный. Но к Деррасу я уже не вернусь. Впрочем, разве он желает этого?

— Не знаю. А зачем вы приехали сюда, в город, где живет Лавери?

Она прикусила зубами палец и взглянула на меня исподлобья.

— Мне захотелось снова с ним увидеться. Все смешалось в моей душе. Конечно я не люблю его, и все-таки... Возможно, люблю. Но замуж на него не выйду. Просто не вижу смысла в таком поступке.

— Так или иначе, в нем смысла больше, чем в вашем мотании по разным отелям. Насколько мне известно, вы не первый год живете отдельно от своего мужа.

— Мне было необходимо остаться одной, чтобы... чтобы все обдумать, — повторила она и снова закусила палец. — Отдайте наконец деньги и уходите.

— Да-да. Сейчас. Скажите только, разве у вас не было других причин покинуть озеро Оленят? Связанных, например, с Мэриел Чейз?

Похоже, она удивилась. Но принять удивленный вид по силам любому человеку.

— Что такое? Эта выдра с бледным лицом... и я... что у нас общего?

— По-моему, вы с ней немного не поладили из-за Билла...

— Билла? Билла Чейза?

Казалось, она изумилась еще больше. На мой взгляд, ее удивление было даже чрезмерным.

— Чейз утверждал, что вы его соблазнили.

— Вот еще, этого мерзкого пьяницу!

— Может, он и пьяница, — согласился я. — Но полиция считает его убийцей собственной жены. Ее труп недавно выловили в озере. Через месяц после смерти.

Она провела языком по губам и наклонила голову, внимательно вглядываясь в меня. Наступила тишина. Нас овевало влажное дыхание Тихого океана.

— Для меня это не такая уж неожиданность, — заявила она спустя некоторое время. — Значит, дело дошло до преступления. Они вечно ссорились. И вы считаете, что случившееся как-то связано с моим отъездом?

Я кивнул.

— По-моему, да.

— Глупости, — решительно отрезала она, энергично покачав головой.

— Мэриел мертва, — продолжал я. — Ее утопили. Но вас, похоже, это не слишком взволновало.

— Я ее почти не знала, — заметила она. — Мы редко встречались. Кроме того...

— Я полагаю, вам известно, что прежде она работала медсестрой у доктора Алмора.

На ее лице опять отразилось крайнее изумление.

— Я никогда не бывала в его кабинете, — подчеркнуто произнесла она. — Пару раз он навещал меня на дому. Уже давно. Я... что вы сказали?

— Мэриел Чейз в действительности звали Милдред Хавеланд. И она работала у доктора Алмора.

— Какое странное стечение обстоятельств, — вздохнула она. — Я знаю, что Билл встретил ее в Риверсайте, но как это произошло и откуда она приехала — мне неизвестно. Вы говорите... у доктора Алмора? Но ведь это совершенно неважно.

— Согласен. Однако я тоже нахожу стечение обстоятельств необычайно странным. Конечно, такие совпадения порой случаются. Однако послушайте внимательно:

Мэриел убили, вы уехали, а Мэриел, или Милдред Хавеланд, в свое время была связана с доктором Алмором... Лавери тоже, но несколько иначе. Как вам известно, он живет напротив дома доктора. Скажите, Лавери знал Мэриел?

Она помолчала, закусив губу.

— Он встречался с ней в горах,— произнесла она после паузы.— Но непохоже было, что они давно знакомы.

— А ведь они должны были хорошо друг друга знать,— заметил я.

— Вряд ли Крис имел что-то общее в Алмором. Правда, он видел его жену, но с ним самим даже не встречался и, уж конечно, не подозревал о существовании какой-то медицинской сестры.

— Ладно. Из всего сказанного я не могу извлечь ничего для меня нужного,— заключил я.— Теперь вы понимаете, что нам необходимо было побеседовать. Получите ваши деньги.

Я встал, вынул конверт и положил ей на колени. Она не двинулась с места. Я опять сел.

— Вы замечательно играете свою роль,— заметил я.— Роль оскорбленной невинности с налетом суровой горечи. Люди глубоко заблуждаются, считая вас взбалмошной дурой, но умеющей владеть собой. Ах, какую они совершают ошибку!

Подняв брови, она посмотрела на меня, но промолчала. Потом легкая улыбка тронула уголки ее губ. Она взяла конверт, разгладила его и переложила на стол. И все это — не спуская с меня глаз.

— Роль миссис Фальбрук вы тоже исполнили отлично,— прибавил я.— Правда, вспоминая о ней сейчас, я вижу, что вы кое в чем переборщили. И все же тогда вы вам поверил. Ваша красная шляпа, предназначенная для блондинки, на рыжих волосах тоже выглядела неплохо. А толстый слой румян, словно кто-то гримировался под сумасшедшего, был размазан так, точно его накладывали в темноте. Но тем не менее все было отлично сыграно. Когда же вы отдали мне пистолет, то я... почувствовал себя героем.

Она быстро встала и сунула руку в карман жакета. Ее каблуки нервно постукивали по полу.

— Только зачем вы вернулись? — спросил я.— Для чего было так рисковать среди бела дня?

— Значит, вы предполагаете, что Криса Лавери убила я? — спокойно поинтересовалась она.

— Я не предполагаю, а знаю.

— И вы хотите услышать, зачем я вернулась?

— Вообще-то, не особенно,— заметил я.

Она рассмеялась холодным циничным смехом.

— У него были все мои деньги, он обобрал меня до нитки, даже мелочь прикарманил. Потому я и пришла. Я несколько не рисковала. Мне был известен стиль его жизни, и мое возвращение ничем не грозило. Я могла появиться, например, под видом молочницы или почтальона. В подобных ситуациях люди часто теряют голову. Я же осталась спокойной. Для волнения причин не было.

— Понимаю. Значит, вы застрелили его ночью. Мне следовало догадаться, но в принципе это безразлично. Он брился. Ведь мужчина — брнет и бабник — иногда бредется вечером, не правда ли?

— Вот именно,— почти весело подтвердила она.— И что вы теперь намерены предпринять?

— Вы самая хладнокровная змея из всех, что я когда-нибудь видел,— ответил я.— Вас интересуют мои планы? Конечно я вызову полицию, причем с огромным удовольствием.

— Нет, не вызовете,— небрежно возразила она.— Вы не поняли, почему я отдала вам незаряженный пистолет? Да потому, что у меня в сумочке лежал другой. Вот этот.

Она выхватила из кармана жакета пистолет и надела его на меня. Я улыбнулся. Может, и не самой искренней улыбкой на свете, но все же улыбкой.

— Никогда не любил подобных сцен,— вздохнул я.— Детектив находит преступницу. Она извлекает огнестрельное оружие и, держа бедолагу под прицелом, выкладывает ему свою печальную историю с тем, чтобы под конец его застрелить. В результате напрасно тратится масса ценного времени, даже если детектива действительно убивают. Только преступнице никогда не удается выстрелить. Вечно случается что-нибудь непредвиденное. Богам тоже не нравится этот эпизод. Поэтому обычно они организуют детективу какую-то помощь.

— Но на сей раз,— мягко произнесла она, приближаясь ко мне,— произойдет иначе. Я ничего вам не расскажу, ничего непредвиденного не случится, и я действительно вас застрелю.

— Все равно я никогда не полюблю этой сцены.

— А ведь похоже, что вы не испугались,— заметила она и осторожно подошла поближе, облизывая губы.

— Да, я не боюсь,— солгал я.— Сейчас очень поздно,

тихо, у вас открыто окно, и выстрел наделает много шума. Выбраться незамеченным отсюда нелегко, да и стреляете вы неважно. Вы просто не попадете в меня. В случае с Лавери вы промазали трижды.

— Встаньте,— приказала она.

Я встал.

— Теперь я подошла так близко, что при всем желании не промахнусь.— Она прижала дуло пистолета к моей груди.— Вот так. Никуда вы не денетесь. Стойте спокойно, поднимите руки вверх. Одно лишнее движение — и я стреляю.

Я поднял руки и посмотрел на пистолет. Мне казалось, что язык мой одеревенел: я с трудом мог им шевелить. Она ошупала меня одной рукой, пытаясь найти оружие, потом закусил губу и внимательно в меня взгляделась. Пистолет был по-прежнему прижат к моей груди.

— Повернитесь,— сказала она, как портной на примерке.

— Во всех ваших поступках есть ошибки,— заметил я.— Ну подумайте, разве так стреляют? Во-первых, вы подошли вплотную, а во-вторых, хотя этого и не стоило бы говорить... во-вторых, вы повторяете ту же ошибку с предохранителем. Как нехорошо!

Теперь ей полагалось сделать две вещи: отступить на шаг и проверить пальцем предохранитель, не спуская с меня глаз. В сущности, вещи очень простые, они бы заняли не больше секунды. Но ей не понравилось мое внимание к ее просчетам. Она решила, что я издеваюсь над ней, на мгновение растерялась и кашлянула. А я молниеносно схватил ее правой рукой за шею и пригнул голову женщины к своей груди. Одновременно действуя левой, я выбил у нее пистолет. Тот упал на пол. Мне почудилось, что она застонала. Затем она попыталась нанести ответный удар, но, теряя равновесие, вцепилась в меня ногтями. Я схватил ее за руки и стал загибать их за спину. Она была сильна. Всей тяжестью своего тела она налегла на мое плечо. Я с трудом удерживал ее одной рукой. По комнате разносился только шум борьбы и наше тяжелое дыхание. Поэтому, даже если и скрипнула половица, я ничего не заметил. Услышал только, что вроде бы звякнули кольца портьеры у двери. Но звук был не явным, да и размышлять над ним было некогда. Неожиданно позади меня выросла какая-то фигура. Я не успел разглядеть ее, понял только, что это был высокий мужчина. И все... Затем последовали вспышка огня и пол-

ная темнота. Я даже не почувствовал удара. Через тем как погрузиться во мрак, я ощутил острый приступ тошноты.

Глава 31

Я насквозь провонял джином. Человек, выпивший даже несколько стаканов, не смог бы издавать такого запаха. Чтобы достичь подобного эффекта, по меньшей мере требовалось искупаться в океане, состоящем из чистого джина. Джином были пропитаны мои волосы и брови, подбородок и рубашка. Я провонял, какдохлая рыба. Пиджака на мне не оказалось, а сам я лежал на спине рядом с кушеткой и обозревал картину в деревянной рамке, висевшую на стене. Картина изображала высокий желтый виадук, по которому блестящий черный локомотив тянул голубые вагоны. Сквозь арку виадука просматривался широкий золотой пляж, усеянный людьми и пестрыми грибами. Прикрываясь бумажными зонтиками, по пляжу шли три девушки: одна в желтом платье, другая в голубом, а третья в зеленом. На заднем плане виднелся залив, превосходящий своей лубочной голубизной все заливы мира. С одной его стороны поднимались три ряда холмов — желтых, терракотовых и зеленых. Надпись под картиной гласила: «Посетите французскую Ривьеру в „Голубом экспрессе“».

Похоже, для меня наступило самое подходящее время совершить такую поездку. Осторожно подняв руку, я ошупал затылок. Он распух. Дикая боль пронзила все мое тело. Я застонал, но стон перешел в хриплое покашливание. Медленно повернувшись, я посмотрел на кушетку. Когда я менял положение, с моей груди упала бутылка из-под джина и покатила по полу. Она была совершенно пуста. С трудом верилось, что такое количество спиртного поместилось в одной таре. Кое-как умудрившись подняться на колени, я постоял на четвереньках, наподобие собаки, которая не может оторваться от кости. Потом потряс головой — болела она дьявольски. Еле-еле я сумел встать на ноги и только тогда убедился, что на мне нет ботинок. Они валялись на полу в нескольких шагах от меня. Затратив невероятные усилия, я обулся. Я чувствовал себя как дряхлый старик на пороге смерти. Впрочем, во рту у меня еще остались зубы. Я провел по ним языком и вкуса джина не почувствовал.

— Все это отразится на твоём здоровье,— сказал

я себе.— Когда-нибудь ты вспомнишь о случившемся и горько пожалеешь.

На столе возле открытого окна красовалась зеленая лампа. Обивка кушетки тоже была зеленой. На двери висела зеленая портьера. Никогда не садитесь спиной к зеленой портьере. Это наверняка плохо кончится. Кому я это говорил? Девушке с пистолетом. Девушка с неподвижным лицом и рыжими волосами, некогда более светлыми. Я поискал ее. Она лежала на постели. На ней оставались только чулки телесного цвета. Волосы спутались, на шее синяки, из открытого рта торчит распухший язык. Белки ее вытаращенных глаз были красными, на обнаженном животе зияли четыре страшные кровавые царапины. Кожу содрали ногти какого-то безумца. На кушетке кучей валялись перепутанные предметы туалета, преимущественно женского. Там же обнаружился и мой пиджак. Я надел его. Что-то зашелестело под рукой, и я вытащил из кармана конверт. В нем были деньги. Пятьсот долларов Марлоу. Я убрал их обратно в карман, надеясь, что они целиком сохранились. Но кроме этой надежды у меня не оставалось никакой. Я двигался осторожно, словно пробираясь по хрупкому льду. Наклонившись, чтобы растереть ногу под коленом, я задумался было над тем, что у меня болит сильнее — нога или голова, — как вдруг услышал в коридоре тяжелые шаги и голоса. В номер громко забарабанили. Я стоял, глядя на дверь, в ожидании, что кто-нибудь откроет ее. Кто-то подергал за ручку, но не вошел. Снова раздался стук, затем наступила тишина, и опять послышались голоса. Шаги удалились. Поразмыслив над тем, сколько времени займут розыски управляющего с запасными ключами, я пришел к выводу, что его потребуется немного, но вполне достаточно для возвращения Марлоу с французской Ривьеры. Я проник за зеленую портьеру, задвинул ее и огляделся: я стоял в небольшом коридорчике, примыкавшем к ванной. Переступив ее порог, я включил свет. На полу лежали две циновки, на вешалке висело полотенце, в углу было окно с матовым стеклом. Заперев дверь, я влез на край ванны и открыл его. Я находился на пятом этаже. К счастью, сетки в окне не было. Я посмотрел вниз на уличные огни, затем взглянул в сторону и убедился, что окно ванной соседнего номера отстоит от моего не более чем на метр. Даже хорошо откормленный козел преодолел бы это расстояние без малейшего труда. Вопрос в том, способен ли на такое избитый частный детек-

тив, а если да, то каков будет результат? Откуда-то сзади далекий голос запел обычную полицейскую песню:

— Откройте, или мы выломаем дверь!

В ответ я вызывающе улыбнулся. Не выломают. Для подобного действия нужно изо всех сил ударить по ней ногами, а они от этого болят. Полицейские же свои ноги берегут. Взяв полотенце, я распахнул обе половинки окна. Потом встал на подоконник и, придерживаясь за раму, наполовину вылез наружу. До соседнего окна нетрудно было дотянуться, но оно оказалось закрытым. Раздавшийся треск, вероятно, услышали во всем городе. Обмотав руку полотенцем, я отодвинул задвижку. Внизу проехала машина, но, похоже, на меня не обратили внимания. Толчком я открыл створки, полотенце соскользнуло с руки и упало на газон. Кое-как я изловчился влезть в соседний номер.

Глава 32

В темноте я на ощупь добрался до двери, приоткрыл ее и прислушался. Лунный свет проникал через окна, слабо освещая спальню с двумя застланными пустыми кроватями. Из спальни я проник в столовую. Воздух в обеих комнатах был затхлый. Тонкий слой пыли покрывал мебель, как обычно в запертых помещениях. В комнате находились стол, радиоприемник, большой книжный шкаф, забитый фолиантами, у которых еще уцелели обложки. Стол занимали сифон, хрустальный графин и четыре бокала, перевернутые вверх дном на подносе. Рядом с ними стояла фотография в серебряной рамке, запечатлевшая мужчину и женщину средних лет с круглыми здоровыми лицами и веселыми глазами. Они смотрели на меня так, будто мое присутствие им не мешало. Я понюхал жидкость в графине. Она оказалась шотландским виски, и я отхлебнул немного прямо из горлышка. От этого моей голове стало хуже, но общее самочувствие улучшилось. Включив свет в спальне, я заглянул в шкаф. Там висели мужские костюмы. Карточка на полке уверяла, что хозяина зовут Х. Г. Тальбот. Подойдя к бельевому шкафу и порывшись в нем, я отыскал голубую рубашку. С виду она казалась немного маловатой. Я отнес ее в ванную, разделся, вымыл лицо и грудь, растер волосы мокрым полотенцем и надел обную. Потом я вылил на себя изрядное количество одеколona мистера Тальбота и воспользовался его щеткой для головы и расческой.

Если от меня еще и воняло джином, то уже значительно меньше. Воротничок не застегивался, и я нашел в шкафу темный галстук. Надев пиджак, я взглянул на себя в зеркало. Вид у меня был чересчур бодрый для четырех утра, особенно учитывая пожилой возраст мистера Тальбота. Чересчур бодрый и трезвый. Я немного взъерошил волосы, развязал галстук, вернулся к графину и постарался свою трезвость уничтожить. Затем я закурил хозяйскую сигарету, искренне надеясь, что чета Тальбот проводит время лучше и веселее меня. Я рассчитывал, что в будущем еще сумею зайти к ним в гости. Приоткрыв дверь в коридор, я выглянул наружу, не вынимая сигареты изо рта. Конечно, я и не мечтал удрать. Просто мне казалось, что сидеть и ждать, пока полицейские обнаружат разбитое окно в ванной, нисколько не лучше.

В коридоре кто-то кашлянул, и я вздрогнул. Человек посмотрел на меня и приблизился. Это был маленький тощий мужчина в тщательно выутюженном полицейском мундире. У него были рыжие волосы и красные глаза альбиноса. Я зевнул и лениво спросил:

— Что здесь случилось, господин полицейский?

Он продолжал глядеть на меня, не отрываясь.

— Небольшое приключение в соседнем номере. Вы не слышали ничего подозрительного?

— По-моему, слышал. Я только что вернулся.

— Немного поздновато,— засмеялся он.

— Это дело вкуса,— возразил я.— Так вы говорили о приключении в соседнем номере?

— Там находится одна дама,— кивнул он.— Вы ее знаете?

— Кажется, видел.

— Ну, тогда вам придется посмотреть на нее снова.—

Он сдвинул свое горло пальцами, вытаращил глаза и неприятно захрипел.— Вот в таком роде. Что же вы слышали?

— Ничего особенного, кроме стука.

— Понимаю. Ваша фамилия?

— Тальбот.

— Минуточку, мистер Тальбот. Подождите немного.— Он подошел к открытой двери соседнего номера, в котором горел свет, и закричал: — Сержанта! Здесь сосед обнаружился.

В коридор вышел и остановился, глядя на меня, высокий мужчина. Здоровенный блондин с голубыми глазами стального оттенка. Де Гармо. Только этого мне и не хватало.

— Вот он, человек, живущий рядом,— доложил маленький аккуратный полицейский.— Его зовут Тальбот.

Де Гармо по-прежнему смотрел на меня, но его ядовито-голубые глаза ничего не выражали. Потом он стремительно шагнул вперед и втолкнул меня своей лапой в комнату. Затем, обернувшись, приказал:

— Запри дверь, Коротышка.

Маленький полицейский подчинился.

— А теперь,— лениво процедил де Гармо,— возьми его на мушку.

Коротышка мгновенно открыл кобуру, вытащил пистолет и направил на меня.

— Ну и люди,— грустно вздохнул он.— Ну и люди! Как вы догадались, сержант?

— Значит, собирались удрать? — спросил де Гармо, не спуская с меня глаз.— Хотели сойти вниз, купить газету и смыться?

— Ну и люди! — твердил свое Коротышка.— Дегенерат! Сорвал с девушки платье и задушил, представляете, сержант? И как вы догадались?

Де Гармо молчал. Лицо его было неподвижно, как гранит.

— Конечно он убийца,— продолжал Коротышка.— Только посмотрите, сержант. Помещение уже сто лет не проветривалось. Взгляните на пыль, вот, на книжном шкафу. Часы давно остановились. Он попал сюда... позвольте мне проверить. Я через минуту вернусь, сержант.

Он поспешил в спальню и начал там рыться. Де Гармо не шевелился. Вскоре Коротышка появился опять.

— Он пробрался через окно ванной. Там лежит разбитое стекло и страшно воняет джином. Помните, сержант, как воняло джином в той комнате? А вот его рубашка. Понюхайте только!

Он потряс рубаху, и помещение тотчас наполнилось запахом джина. Де Гармо бросил на нее короткий взгляд, распахнул мой пиджак и уставился на голубую рубашку хозяина.

— Я все понял! — воскликнул Коротышка.— Он стирал ее у того парня, который здесь обитает. А вы поняли, сержант?

— Все ясно.

Де Гармо протянул было ко мне руку, но потом опустил. Они говорили обо мне так, словно я был куском дерева.

— Обыщи его, Коротышка.

Коротышка обшарил меня, но безрезультатно.

— Оружие не найдено,— доложил он.

— Мы выберемся все вместе через черный ход,— сказал де Гармо.— Он наш, если мы успеем убраться прежде, чем сюда прибудет Уэббер. Этот ротозей не сумеет поймать даже мухи, попавшей в кипяток.

— Но ведь дело поручили не вам,— пробормотал Коротышка с сомнением в голосе.— Я слышал, будто вас отстранили, или что-то в этом роде.

— А что я теряю, если меня отстранили? — спросил де Гармо.

— Зато я могу потерять мундир,— возразил Коротышка.

Де Гармо нахмурился. Маленький полицейский покраснел, в его глазах появилось выражение страха.

— Ладно, Коротышка. Пойди и сообщи Риду.

— Только прикажите, и я все исполню, сержант. Я же могу и не знать, что вас выставили.

— Тогда веди его,— распорядился де Гармо.

— Слушаю, сержант.

Де Гармо приподнял пальцем мой подбородок.

— Развратник,— снокойно произнес он.— Чтоб тебя холера забрала.— И улыбнулся одними уголками толстых губ.

Глава 33

Мы вышли из номера Тальбота и направились по коридору в противоположном направлении от комнаты 618, из открытой двери которой по-прежнему падал свет. Возле нее стояли двое мужчин в мундирах и курили сигареты. Когда мы добрались до конца коридора, де Гармо открыл запасной выход, и мы стали спускаться по бетонным ступенькам этаж за этажом. Внизу де Гармо остановился, положил руку на задвижку и прислушался. Затем обернулся ко мне.

— У вас есть машина?

— В подземном гараже.

— Превосходно.

Мы очутились в мрачном подвале. Негр вышел нам навстречу, и я подал ему свой номерок. Он взглянул украдкой на мундир Коротышки, но промолчал и указал на мой «крейслер». Де Гармо сел за руль, а я устроился рядом. Коротышка поместился на заднем сиденье. Мы выехали в темную влажную ночь. С дальнего конца

улицы к нам приближался огромный автомобиль с двумя красными маяками. Де Гармо сплюнул через окно и развернул машину в противоположную сторону.

— Это Уэббер,— сказал он.— Опять опоздал на похороны. Ну и утерли мы ему нос, Коротышка.

— Не нравится мне это, сержант. Правда, не нравится.

— Выше голову, парень. У тебя есть шанс попасть в отдел убийств.

— Я бы предпочел просто носить мундир и быть сытым,— вздохнул Коротышка. Мужество быстро из него улетучилось.

Де Гармо прибавил скорость, потом снова замедлил ход. Коротышка неуверенно заметил:

— Вы, конечно, знаете, как следует поступить, но я думаю, к ратуше ехать незачем.

— Верно,— кивнул де Гармо.— Я туда и не собираюсь.

Машина медленно двигалась по направлению к миниатюрным домикам, окруженным маленькими садиками. Вскоре де Гармо притормозил у тротуара. Положив руку на спинку сиденья, он обернулся к Коротышке.

— Так ты считаешь, Коротышка, что это он ее убил?

— Похоже на то,— ответил маленький полицейский.

— Фонарь у тебя есть?

— Нет.

— Он лежит у левой дверцы,— вмешался я.

Коротышка порылся под сиденьем, нашел фонарь и включил его. Блеснул луч белого света.

— Осмотри-ка его затылок,— сказал де Гармо.

Свет приблизился. Я слышал, как маленький человек дышит за спиной, и чувствовал прикосновение его пальцев к моей голове. Вот он дотронулся до опухоли. Свет погас, и снова наступила темнота.

— По-моему,— произнес Коротышка,— кто-то его хватил по башке, сержант. Ничего не понимаю.

— Девушку тоже ударили по голове,— заметил де Гармо.— Я внимательно осмотрел ее и обнаружил шишку на темени. Кто-то ее стукнул, и она потеряла сознание. Сперва убийца мог стащить с нее платье и изуродовать, а потом уже задушить. И все это тихо, без малейшего шума. Однако в том номере нет телефона. Кто же сообщил о преступлении, Коротышка?

— А мне-то откуда знать, черт побери? Позвонил какой-то парень и заявил, что на углу Восьмой улицы в «Гренаде» в номере 618 убита женщина. Рид тогда был

занят, а тут появились вы. Дежурный говорил, что у этого человека голос был низкий, будто нарочно измененный. Своей фамилии он не назвал.

— Ладно,— сказал де Гармо.— Слушай, если бы ты убил эту девушку, то удрал бы оттуда?

— Естественно,— подтвердил Коротышка.— Что за вопрос? Эй! — крикнул он мне.— А почему ты не смылся?

Я промолчал. За меня ответил де Гармо:

— Ты бы не вылезал через окно ванной на пятом этаже и не забирался бы в чужую квартиру, где, вероятно, спят люди? Ты бы не стал выдавать себя за хозяина и тратить время на разговоры с полицией? Холера, эта девушка могла преспокойно пролежать там целую неделю. Ты бы сообразил, как использовать такую возможность, Коротышка?

— Ясное дело,— согласился Коротышка.— Я бы вообще не стал звонить. Но эти развратники и дегенераты вечно творят не разбери что. А у нашего парня мог быть сообщник, который треснул его по голове, чтобы свалить подозрение в убийстве на дружка.

— Что ж, для тебя неплохо,— пробормотал де Гармо.— Ну, мы тут ломаем головы, а наш гость, всегда такой болтливый, сидит, не открывая рта.— Он повернулся ко мне.— Что ты делал на месте преступления?

— Никак не могу вспомнить,— ответил я.— Травма окончательно отбила у меня мозги.

— Мы тебе поможем,— заверил де Гармо.— Отвезем в горы за несколько километров отсюда и оставим спокойно лежать под звездами. Ты у нас живо поправишься.

— Мне не по душе такие разговоры, сержант,— вмешался Коротышка.— Почему бы нам не поехать в ратушу и не закончить дело, как предписано уставом?

— К черту устав,— буркнул де Гармо.— Этот парень мне нравится. Я хочу с ним беседовать. Долго и откровенно. Его надо немного подбодрить, Коротышка, он очень робок.

— Я не желаю иметь к этому никакого отношения,— заявил Коротышка.

— А чего ты желаешь?

— Вернуться в ратушу.

— Тебя здесь никто не удерживает. Пойдешь пешком?

Некоторое время Коротышка молчал. Потом, наконец, спокойно произнес:

— Да, пешком.— Он открыл дверцу машины

и вышел.— Я полагаю, вам понятно, что мне придется обо всем доложить начальнику.

— Правильно,— согласился де Гармо.— Передай Узбберу мои поздравления. И скажи ему, что если в следующий раз он попросит себе сосиски, то пусть и для меня поставят прибор.

— Ничего не понимаю,— пожал плечами маленький полицейский и захлопнул дверцу.

Мы поехали дальше. Сначала спидометр показывал шестьдесят пять километров, потом стрелка скакнула на восемьдесят. На бульваре скорость немного уменьшилась. Нам встретилось по пути несколько машин, но в основном дорога была окутана мглой и тишиной. Мы выбрались на окраину города, и де Гармо заговорил:

— А теперь рассказывайте. Может, нам еще удастся все уладить.

Машина проскочила мимо госпиталя ветеранов войны. Во мраке ночи тускло светили уличные фонари. Я начал следующим образом:

— Сегодня ко мне на квартиру пришел Кингсли. Оказывается, он получил известие от жены. Она требовала денег. Дело сводилось к тому, чтобы ей их передать. Но у меня было и другое намерение. Ей объяснили, как она меня узнает. Встреча должна была состояться в ресторанчике на углу Восьмой улицы и Аргуелло.

— Она хотела удрать,— сказал де Гармо,— и имела на то основания. Взять хотя бы совершенное ею убийство.

Он поднял руку, потом снова опустил ее на руль.

— Я отправился туда через несколько часов после ее звонка. Мне сообщили, что она выкрасила волосы в рыжий цвет. Она прошла мимо меня, но я не узнал ее, поскольку никогда прежде не видел. Мне показывали только ее моментальное фото, а такие снимки далеко не всегда получаются удачными. Она послала за мной газетчика мексиканца. Я вышел на улицу. Она требовала денег, пытаюсь избежать разговора. А мне было нужно, чтобы она обо всем рассказала. Наконец она согласилась, объяснила, что живет в «Гренаде», но попросила подождать десять минут.

Де Гармо прервал меня:

— Чтобы устроить засаду?

— Засада там действительно была, но вряд ли именно она ее организовала. Она вообще отнекивалась от моего посещения и требовала оставить ее в покое. Но с другой

стороны, она понимала, что я пожелаю услышать объяснения, прежде чем отдам деньги. А может, все это было притворством. Играть она умела отлично, сам убедился. Короче, я отправился к ней, и мы поговорили. В ее рассказе не было ничего важного, пока речь не зашла об убийстве Лавери. Тут я заявил, что намереваюсь выдать ее полиции.

На севере возник Вествуд. Если не считать ночной бензоколонки и нескольких освещенных окон, деревня была погружена в темноту.

— Тогда она выхватила пистолет,— продолжал я.— И наверное, действительно пустила бы его в ход, но подошла слишком близко, и мне удалось схватить ее за руки. Пока мы боролись, кто-то выскочил из-за зеленой портьеры и ударил меня по голове. А когда я пришел в себя, она уже была убита.

— А вы не заметили человека, который вас оглушил?

— Нет, но, по-моему, это был мужчина, притом высокого роста. И вот что ваялось на кушетке среди других вещей.— Я достал желто-зеленое кашне Кингсли и положил его на колени де Гармо.— Вчера вечером этот шарф носил Кингсли.

Де Гармо осмотрел его.

— Таковую вещь не забудешь,— заметил он.— Она бросается в глаза. Значит, Кингсли. Ну, черт с ним. Что же было потом?

— Только я успел очнуться, как в дверь постучали. В голове у меня еще шумело. Я весь провонял джином, а мои ботинки и пиджак кто-то снял. Я походил на человека, который вполне мог раздеть женщину и задушить ее. Я удрал через окно в ванной и переоделся, а остальное вам известно.

— Почему вы не легли в постель соседнего номера и не притворились спящим?

— А какой бы из этого вышел толк? Даже полицейские Вай-Сити сумели бы легко обнаружить путь, по которому я бежал. Мне бы удалось спастись, только скрывшись оттуда, и при условии, что среди полицейских меня бы никто не знал.

— Вряд ли,— возразил де Гармо.— Но готов согласиться, что, рискуя, вы немного теряли. Что вы думаете о мотивах?

— Зачем Кингсли задушил ее, если это и вправду он? Ответить нетрудно. Она обманывала его на каждом шагу, причиняла множество неприятностей, угрожая слу-

жебному положению мужа, и в довершение всего убила человека. Но у нее водились деньги, а Кингсли хотел жениться на другой. Он мог опасаться, что благодаря своим долларам она сумеет выпутаться, да еще посмеяться над ним. А если бы ей не удалось отвертеться от тюрьмы, он бы и подавно не получил ее денег. Ему бы пришлось заняться таким нежелательным для него разводом. Все это достаточные основания для убийства. Кроме того, он пытался превратить меня в козла отпущения. Вряд ли бы это получилось, но следствие могло сильно запутаться. Если бы преступники не надеялись остаться безнаказанными, на свете, вероятно, вообще не существовало преступлений.

И все же убийцей мог быть кто-то другой. Человек, которого мы до сих пор не принимали в расчет. Даже если Кингсли и приходил туда повидаться с женой, это еще не значит, что преступник — он. Наконец, нам до сих пор точно не известно, кто убил Лавери. Можно предполагать разное.

Де Гармо повернулся ко мне.

— Я вообще ничего не предполагаю. Если мне удастся распутать это дело, полиция потерпит полное фиаско. В противном случае я навсегда потеряю должность. Вы заявили, что я глуп? Ладно, пусть так. Но одну вещь я сумею сделать: я заставлю людей говорить. Где живет Кингсли?

— Беверли-Хилл, Карсон-драйв, 965. Его дом стоит на левой стороне улицы, возле площади. Я там никогда не был, но расположение знаю.

Он отдал мне желто-зеленое кашне.

— Пока спрячьте его в карман, а потом мы сунем ему улику под самый нос.

Глава 34

Это было одноэтажное здание под темной крышей. Луна окрашивала его стены таинственным цветом. Де Гармо вышел из машины и направился к гаражу. Я услышал стук открывающихся и закрывающихся дверей. Затем он появился около дома, кивнул мне и зашагал к главному входу. Нажав звонок, он вытащил из кармана сигарету. Огонек зажигалки осветил глубокие морщины на его лице. Открылся глазок в дверях. Де Гармо показал свой значок. Медленно распахнулись створки, и де Гармо скрылся в доме. Он отсутствовал четыре или пять минут.

В разных окнах последовательно зажигался и выключался свет. Потом де Гармо вышел на улицу, и окна снова погрузились в темноту. Сержант остановился возле машины.

— В гараже стоит маленький автомобиль,— сказал он.— Кухарка говорит, что он принадлежит ей. Кингсли дома нет. Слуги заявляют, что не видели его со вчерашнего утра. Я заглянул во все комнаты. По-моему, они не врут. Уэббер и дактилоскопист побывали тут сегодня вечером: следы порошка остались повсюду. Уэббер снимал отпечатки пальцев, чтобы сравнить их с найденными в доме Лавери. Но мне он ничего не сообщил. Где же может находиться Кингсли?

— В любом месте,— ответил я.— На улице, в каком-нибудь отеле, в бане. Но для начала поищем его у подружки. Ее зовут Адрианна Фромсетт. Она живет на углу Брайсон-стрит.

— Чем она занимается? — спросил де Гармо, усаживаясь за руль.

— Ведет его канцелярию и водит за нос его самого в нерабочее время. Правда, она совсем не похожа на канцелярскую фифу. У нее есть и голова на плечах, и свой стиль.

— Что ж, придется поискать его там,— подытожил де Гармо.

Мы снова тронулись в путь и минут через двадцать остановились возле громадного дома. В холле за столиком сидел ночной портье. Де Гармо направился к лифту, у которого спал усталый старик.

Портье бросился на де Гармо, как собака.

— Минуточку! Куда это вы направляетесь?

Де Гармо с изумлением обернулся ко мне.

— Он спросил, куда я направляюсь?

— Да, но не надо его бить,— посоветовал я.— Такая у него обязанность.

Де Гармо облизал губы.

— Послушайте,— проговорил он,— нам нужен № 716. У вас есть возражения?

— Конечно есть,— холодно изрек портье.— Мы не принимаем гостей...— Он поднес руку к глазам и посмотрел на часы.— ... В 4.23 утра.

— Я так и думал,— вздохнул де Гармо.— Потому мне и не хотелось вас беспокоить. Понятно?

Он вынул из кармана полицейский значок и развернул его так, что свет заблестел на золоте и голубой эмали.

— Я сержант полиции.

Портье пожал плечами.

— Очень хорошо. Надеюсь, что никаких неприятностей не произойдет. Впрочем, о вас доложить? Ваши фамилии?

— Сержант де Гармо и мистер Марлоу.

— Номер 716? Там обитает мисс Фромсетт. Подождите.

Он ушел за стеклянную перегородку, и до нас донесся его бубнеж по внутреннему телефону. Через минуту он вернулся и кивнул головой.

— Мисс Фромсетт дома и готова вас принять.

— У меня прямо камень с души свалился,— фыркнул де Гармо.— Не трудитесь никого посылать подслушивать наш разговор. Я ухлопаю его на месте.

Портье криво улыбнулся, и мы вошли в лифт. На шестом этаже было прохладно и тихо. Коридор протянулся, казалось, на целую милю. Наконец мы добрались до двери № 716. Де Гармо нажал кнопку звонка, и дверь открылась. Мисс Фромсетт набросила на пижаму голубой халат, а на ногах у нее были туфли с помпонами. Она успела причесаться, стереть с лица крем и подкрасить губы. Мы прошли в небольшую комнату с овальным зеркалом и серой мебелью, обтянутой голубой материей. Обстановка нисколько не походила на ту, что обычно встречается в меблированных комнатах. Мисс Фромсетт опустилась в шезлонг и, откинувшись на спинку, стала ждать, пока кто-нибудь из нас заговорит. Я прервал молчание первым:

— Это сержант де Гармо из городской полиции Вай-Сити. Мы ищем Кингсли, дома его нет. Не могли бы вы подсказать нам, где его можно найти?

— Это очень важно? — спросила она, не глядя на меня.

— Да. Кое-что случилось.

— Что именно?

Де Гармо резко и грубо ответил:

— Мы желаем знать, где Кингсли, сестричка. У нас нет времени разыгрывать оперу.

Девушка лишь мельком взглянула на него.

— Наверное, будет лучше, если вы все объясните, мистер Марлоу.

— Я отправился с деньгами на условленное место, мы встретились, а потом я пошел к ней домой. Какой-то неизвестный, притаившийся там за портьерой, ударил

меня по голове. Так и не увидев его, я потерял сознание, а когда пришел в себя, женщина лежала убитой.

— Убитой?

— Убитой,— повторил я.

Она закрыла свои красивые глаза, уголки восхитительных губ опустились. Потом порывисто поднялась, подошла к мраморному столику, достала из шкатулки сигарету и закурила.

— Вероятно, мне следовало закричать или совершить что-нибудь подобное. Но я не испытываю никакой печали от вашего известия.

— Нас не интересуют ваши чувства,— сказал де Гармо.— Мы спрашиваем только о том, где находится Кингсли. Можете вы ответить или нет? Мы ждем.

Она спокойно обратилась ко мне:

— Так этот сержант служит в полиции Вай-Сити?

Я кивнул. Теперь мисс Фромсетт медленно повернулась к нему и с достоинством произнесла:

— У вас не больше прав находиться в моей квартире, чем у любого пьяного бродяги.

Де Гармо посмотрел на нее, улыбнулся, затем опустился в глубокое кресло и махнул рукой.

— Ладно, разговаривайте вы с ней. Я бы мог прибегнуть к помощи лос-анджелесских ребят, но потребуются не меньше недели, чтобы объяснить им ситуацию.

— Мисс Фромсетт,— сказал я,— если вам известно, где сейчас мистер Кингсли или куда он выехал, пожалуйста, сообщите об этом. Вы же сами понимаете, что нам необходимо с ним увидеться.

— Зачем? — невозмутимо спросила она.

Де Гармо покачал головой и рассмеялся.

— Может, она считает, мы будем скрывать от Кингсли, что его жену укокошили? — проговорил он.

— Она так не считает,— заторопился я.

— Вы ищете его только для того, чтобы сообщить эту новость? — спросила девушка.

Я вынул из кармана желто-зеленое кашне и показал ей.

— Сей предмет нашли в той комнате, где произошло убийство. Я думаю, вы его уже видели.

Она посмотрела на кашне, потом на меня, но по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

— Вы претендуете на слишком большое доверие, мистер Марлоу,— заметила она,— особенно если учесть, что до сих пор вы не проявили себя как талантливый детектив.

— И тем не менее я прошу мне доверять,— не сдавался я.— Что же касается талантов, то, проявил я их или нет, вы знать не можете.

— Безумно занятно,— вмешался де Гармо.— Вы представляете собой исключительно приятную парочку. Не хватает только акробатов для оживления представления. А теперь...

Мисс Фромсетт прервала его:

— Как она была убита?

— Ее раздели догола, тело разодрали ногтями и задушили.

— Дерри не сделал бы ничего подобного,— спокойно произнесла она.

— Никогда не ясно, на что будет способен человек в экстремальной ситуации. Это любой полицейский знает.

Девушка даже не взглянула на де Гармо и по-прежнему спокойным голосом задала мне новый вопрос:

— Вас интересует, куда мы направились, выйдя из вашего дома, проводил ли он меня и так далее?

— Да.

— Но тогда у него бы не осталось времени добраться до места и убить жену. Вы это имеете в виду?

— Прежде всего это.

— Он меня не отвозил,— медленно проговорила она.— На Голливуд-бульваре я поймала такси. Это было минут через пять после ухода от вас. С тех пор я его не видела. Полагаю, что он вернулся домой.

— Обычно девушки пытаются обеспечить своим друзьям более хорошее алиби,— заметил де Гармо.— Но порой случается иначе.

Мисс Фромсетт снова обратилась ко мне:

— Он действительно хотел отвезти меня домой, но нам было не по пути, и мы оба страшно измучались. Я говорю так откровенно потому, что все это не имеет ни малейшего значения. Если бы я считала иначе, то наверняка бы скрыла правду.

— Значит, время у него было,— заключил я.

Девушка покачала головой.

— А сколько его должно было быть? Откуда он мог узнать ее адрес? От меня — нет. Она мне его не сообщила.— Ее темные глаза вглядывались в меня испытующе.— Вы мечтали именно о таком доверии?

Я сложил кашне и снова убрал в карман.

— Нам необходимо выяснить, где он сейчас находится.

Пока кашне лежало на виду, она не отрываясь смотрела на него.

— Вы говорили, будто кто-то ударил вас по голове и вы потеряли сознание?

— Да. Некто, прятаясь за портьерой. Она угрожала мне пистолетом, а я пытался ее обезоружить. Я не сомневаюсь, что Лавери прикончила она.

Де Гармо неожиданно встал.

— Вы оба отлично разыгрываете эту сценку,— проворчал он.— Но я не вижу никакой пользы в том, чтобы глазеть на вас. Идемте.

— Подождите, я еще не закончил,— сказал я.— Допустим, его что-то беспокоило, мисс Фромсетт. Что-то сильно тревожило. Он страшно нервничал в последнее время. Допустим, что мистер Кингсли знал о происходящем больше, чем вы или, например, я. Предположим, ему были известны неприятные и даже жуткие вещи. Может, он просто уехал куда-нибудь, чтобы спокойно посидеть и подумать о своих дальнейших поступках. Как вы считаете?

Я замолчал и искоса поглядел на де Гармо. Минуту спустя девушка ответила:

— Он никуда не убежал и нигде не скрывается, потому что в этом нет надобности. Но, вероятно, ему действительно необходимо кое над чем поразмыслить.

— В каком-нибудь чужом месте, в гостинице,— сказал я, вспоминая об истории, которую мне поведали в «Гренаде».— Или в еще более спокойном месте, чем гостиница...

Я оглядел комнату, отыскивая телефон.

— Аппарат в спальне,— догадалась девушка.

Я направился в спальню, сопровождаемый пристальным взглядом де Гармо. Комната была выдержана в цветах слоновой кости и чайной розы. По центру стояла широкая кровать, на подушке сохранился след от лежавшей на ней головы. На столике блестели туалетные принадлежности. Через открытую дверь виднелся пестрый кафель ванной. Телефон располагался на тумбочке возле кровати. Я присел на ее краешек, погладил то место, где недавно покоилась голова мисс Фромсетт, снял трубку и набрал номер междугородной станции. Услышав голос телефонистки, я попросил немедленно соединить меня с Джимом Паттоном в Пума-Пойнт по очень важному делу. Затем повесил трубку и закурил сигарету.

— Что теперь? — проворчал де Гармо.

— Поживем — увидим.

— Что это за комедия?

— Вы сами просили ее сыграть. Я согласился и делаю все для того, чтобы не вмешалась лос-анджелесская полиция, ведь вам этого так не хочется.

Де Гармо чиркнул спичкой о ноготь и стал наблюдать, как мерцает голубоватый огонек. Затем бросил ее и начал грызть другую. Через минуту раздался звонок.

— Пума-Пойнт на связи.

Я услышал сонный голос Паттона:

— Да. Паттон у телефона.

— Говорит Марлоу из Лос-Анджелеса. Вы меня помните?

— Конечно помню, сынок. Только я еще не совсем проснулся.

— У меня к вам большая просьба,— сказал я.— Хотя, честное слово, не знаю, захотите ли вы ее выполнить. Поезжайте сами или пошлите кого-нибудь к озеру Оленья и проверьте, там ли сейчас Кингсли. Только так, чтобы он ничего не заметил. Возле дома должна стоять машина, а в окнах гореть свет. Нужно проследить, чтобы он никуда не скрылся. Пожалуйста, позвоните мне и сообщите результат. Если он там, я моментально приеду. Можете вы это устроить?

— У меня не будет оснований его задержать, если он соберется в путь.

— Я привезу офицера полиции Вай-Сити, который должен его допросить в связи с убийством, совершенным сегодня ночью.

Наступила пауза, потом Паттон произнес:

— Ты не шутишь, сынок?

— Нет. Позвоните мне по номеру Тембридж, 26-22.

— Операция займет не менее получаса,— заявил Паттон.

Я положил трубку. Де Гармо улыбнулся, оскалив зубы.

— Эта девица дала вам какой-нибудь знак, которого я не понял?

Я встал.

— Нет. Просто она умная девушка, способная читать чужие мысли. Кингсли не хладнокровный убийца. Огонь, сжигающий его, теперь угас. По-моему, он забрался в самое спокойное и далекое из всех известных ему мест, чтобы попросту уйти от забот. Ему нужно только

несколько часов. Для вас будет лучше, если вы поймаете его прежде, чем он успокоится.

— Главное, чтобы он не набил себе голову свинцом,— холодно заметил де Гармо.— Люди подобного типа часто так поступают.

— Вы не сможете ему помешать, пока не доберетесь до него.

— Правильно.

Мы вернулись в гостиную. Мисс Фромсетт, выглянув из кухни, сказала, что варит для нас кофе. Выпив по чашке, мы молча сидели, как пассажиры, ожидающие поезда. Паттон позвонил через двадцать пять минут. В доме Кингсли горел свет, а перед входом стояла его машина.

Глава 35

Мы кое-как перекусили в Альгамбре и там же заправили машину. Съехав с автострады № 70, мы принялись обгонять грузовики. Де Гармо покачивался на заднем сиденье, засунув руки в карманы. Я смотрел на ряды апельсиновых деревьев и, прислушиваясь к звукам снаружи, чувствовал себя усталым и измученным. Вскоре мы добрались до шоссе, ведущего в Сан-Динас. Де Гармо зажал в зубах спичку и пробормотал:

— Убббер устроил мне страшный скандал вчера вечером. Он сообщил содержание вашего с ним разговора.

Я молчал. Де Гармо посмотрел на меня и отвернулся. Я следил за ним в зеркальце, не отрывая глаз. Наконец он махнул рукой.

— Если бы что-то зависело от меня, я бы никогда здесь не поселился. Воздух тут затхлый и противный.

— Через минуту мы доберемся до Онтарио. Будем ехать среди самых прекрасных цветов на свете.

— Они меня не интересуют,— проворчал де Гармо.

Преодолев центр города, мы повернули на север, направляясь к Эвлиду.

— Ведь это моя девушка утопилась в горном озере,— неожиданно сказал де Гармо.— Когда я узнал об этом, все в моей голове смешалось. Всюду мне чудится кровь. Если бы я только заполучил Чейза...

— Вы уже и так натворили бед,— заметил я,— позволив ей бежать после убийства жены Алмора.

В зеркало я увидел, как он замотал головой. Потом его глаза неподвижно уставились на меня. Наступила длинная пауза, и наконец он заговорил:

— Вы что, спятили?

— Нет,— сказал я.— Да и вы тоже находитесь в здравом уме. Вам отлично известно, что Флоренс Алмор не вставала с постели и не отправлялась в гараж, а ее туда отнесли. Вы знаете, зачем Таллей украл туфли, которые никогда не прикасались к бетонной дорожке, знаете, что Алмор сделал жене в притоне Конди самый обычный укол, ведь Алмор умел делать инъекции не хуже, чем вы разговаривать с бродягами. Вам известно, что он не убивал жены морфием. Если бы он захотел ее прикончить, морфий бы стал последним средством, к которому бы он обратился. Вы в курсе, что это сделал кто-то другой, а Алмор только отнес свою жену в гараж и положил ее там еще настолько живую, что она могла вдохнуть порцию газа. Однако с медицинской точки зрения она была уже настолько мертва, как если бы перестала дышать. Вы все прекрасно знаете.

Де Гармо почти нежно спросил:

— Слушай, братец, как тебе посчастливилось до сих пор не погибнуть?

— Дело в том, что я не реагирую на ваши фокусы и не боюсь полицейских,— ответил я.— Только сумасшедший поступил бы подобно Алмору. Только сумасшедший или смертельно испуганный человек, на чьей совести лежат черные дела. Формально его, конечно, можно обвинить в убийстве. Вряд ли в суде когда-нибудь рассматривали такие вопросы. Алмор потратил бы дьявольские усилия, доказывая, что жена находилась уже в таком состоянии, когда ее нельзя было спасти. Но если по справедливости, то убийца Флоренс Алмор не муж, а его любовница.

Де Гармо рассмеялся. Горьким, неприятным, безжалостным и бессмысленным смехом. Мы продолжали ехать вперед. В машине было холодно, но лицо де Гармо покрылось потом. Я заговорил снова:

— У Милдред Хавеланд была связь с Алмором, и его жена знала о ней. Она угрожала мужу. Об этом мне сообщили ее родители. Милдред Хавеланд знала и где получить морфий, и как сделать инъекцию. Уложив Флоренс Алмор в постель, она осталась с ней одна. С неопишуемым хладнокровием она наполнила шприц требуемым количеством морфия и сделала укол женщине, находящейся без сознания, в ранку от предыдущей инъекции. Жена доктора могла умереть прежде, чем он вернулся домой. Тогда бы ему пришлось принять ответственность за ее смерть. Никто бы не поверил, не зная

всех обстоятельств, что ее убил кто-то другой. Но вы их знали. Ибо в противном случае я бы считал вас совершеннейшим глупцом. Вы заставили ее бежать из города, где ей угрожала опасность. А желая спасти ее от преследования закона, вы вообще прикрыли дело. Но она сумела обвести вас вокруг пальца. Зачем вы поехали искать ее в горы?

— А как я выяснил, где она находится? — жестко спросил он. — Вас бы не затруднило объяснить?

— Нет, — ответил я. — Ей опротивел Бил Чейз, его нежность, перепады настроения и пьянство. Но для того, чтобы удрать, требовались деньги. Она считала себя в безопасности и полагала, что держит в руках доктора Алмора. А потому написала ему письмо, и он попросил вас поговорить с ней. В послании она не сообщила, под каким именем живет в горах, не привела никаких подробностей и даже адреса. Письмо, адресованное Милдред Хавеланд в Пума-Пойнт, дошло бы до нее. Ей достаточно было спросить о нем на почте. Но ни одного письма не поступило, и никто не отождествлял ее с Милдред Хавеланд. Вы же имели только ее старую фотографию и собственные вам грубость и хамство. Но все это не помогло вам в тех краях.

— Откуда вы знаете, что она требовала денег у Алмора? — глупо спросил он.

— Ниоткуда. Я сам придумал такое объяснение. Если бы Лавери или миссис Кингсли поняли, кем была Мэриел, и рассказали об этом, вы бы искали ее под нужным именем. А ничего такого не произошло. Вот я и предположил, что она писала Алмору.

— Хорошо, — буркнул де Гармо после паузы. — Довольно. Сейчас прошлое не имеет значения. Если я попал в грязь, то это мое дело. Вы бы и сами так поступили в подобном случае.

— Правильно, — согласился я. — Я не собираюсь использовать вышеперечисленные факты ни против вас, ни против кого-то другого. А рассказал все для того, чтобы вы не выдвигали против Кингсли обвинения в убийстве, которого он не совершал. Хватит с него одного, если только он виновен.

— Неужели только затем? — не поверил он.

— Да.

— А я думал потому, что вы ненавидите меня.

— Я уже перестал вас ненавидеть, — произнес я. — Все это прошло. Я ненавижу людей крепко, но недолго.

Мы проехали через Сан-Бернардино без остановки.

У одного из рано открывающихся баров мы остановились и выпили пива. Когда мы вернулись к машине, де Гармо вынул из кобуры револьвер и осмотрел его. Это был «смит-вессон» тридцать шестого калибра. Чертовое оружие, бьющее безотказно.

— Вам он не потребуется, — заметил я. — Кингсли довольно вспыльчив и силен, но сопротивляться не станет.

Де Гармо сунул револьвер в кобуру и откашлялся. Больше мы не разговаривали. Просто ехали мимо высоких дубов, потом поднимались в горы, где росли дубы поменьше, а сосны становились все выше и выше... Наконец машина приблизилась к плотине недалеко от озера Пумы. Я затормозил, а часовой передернул ружье за спиной и подошел к нам.

— Поднимите стекла перед въездом на плотину, — приказал он.

Я взялся за ручку и начал поднимать стекло со своей стороны. Де Гармо вынул полицейский значок.

— Не вмешивайся не в свое дело, приятель. Я офицер полиции, — процедил он со свойственной ему грубостью.

Часовой холодно взглянул на него и повторил:

— Поднимите стекла перед въездом на плотину.

— Чепуха, парень, — заупрямился де Гармо. — Чепуха все это.

— Таков приказ, а приказы пишу не я, — заявил часовой. Мускулы его лица напряглись, темно-серые глаза уставились на де Гармо. — Поднимите стекло!

— А если бы тебе приказали утопиться? — спросил де Гармо.

— Я бы сделал это, поскольку обязан выполнять приказы.

Он похлопал по прикладу ружья.

Де Гармо отвернулся и поднял стекло со своей стороны. Мы покатали дальше мимо часовых. Вероятно, первый подал какой-то сигнал, потому что все они смотрели на нас внимательно и недружелюбно. Затем мы поехали между скал. Навстречу нам попадались те же молодые женщины в брючках и платочках, что и вчера. Так же светило солнце и синело небо, так же пахли сосны и царил кругом свежая прохлада раннего утра. Но вчерашний день, казалось, отстоял от сегодняшнего на сотню лет. Вчера будто застыло во времени, как муха в янтаре.

Я вывел машину на дорогу, ведущую к озеру Оленят. Ворота владений Кингсли были открыты, а машина Паттона стояла у дороги в стороне невидимого отсюда озера. В машине никого не было, на ней по-прежнему красовался плакат:

«Внимание: снова избирайте помощником шерифа Джима Паттона! Он слишком стар, чтобы работать!»

Неподалеку расположился маленький запыленный автомобиль, в котором изнывал помощник Паттона. Я затормозил, выключил мотор и вышел. Энди вылез из своей машины и замер, глядя на нас.

— Это сержант де Гармо из городской полиции Вай-Сити,— представил я.

— Джим вас ждет. Он даже не завтракал,— сказал Энди в ответ.

Мы пошли дальше пешком, а Энди опять забрался в свою машину. Дорога вела к голубому озеру. Домик Кингсли на другой его стороне выглядел заброшенным.

— Это озеро Оленят,— проговорил я.

Де Гармо молча посмотрел на него и сделал произвольное движение рукой.

— Пойдем к этому сукину сыну,— сказал он.

Вскоре из-за скалы появился Паттон. На нем были те же штаны цвета хаки и рубашка, застегнутая на толстой шее. На голове его красовалась все та же широкополая шляпа с начищенной звездой. Он медленно двигал челюстями, пережевывая табак.

— Рад встретиться снова,— заявил он, глядя на де Гармо. Потом протянул руку и пожал лапу полицейского.— Когда я видел вас в последний раз, сержант, вы носили другую фамилию. Теперь мне кажется, что я всегда знал, кто был снят на той фотографии.

Де Гармо кивнул, но ничего не ответил.

— Пожалуй, если бы я поступил тогда иначе и выполнил свой долг, то предотвратил бы множество неприятностей,— продолжал Паттон.— В частности, спас одну жизнь. Это немного беспокоит меня, но, по правде говоря, я не отношусь к людям, которые долго переживают. Может, мы присядем, и вы поведаете мне, что произошло?

Де Гармо ответил:

— Вчера ночью в Вай-Сити убили жену Кингсли. Мне нужно поговорить с ним.

— Вы намекаете, что подозрение падает на мужа?

— Да еще как! — пробормотал де Гармо.

Паттон почесал затылок и посмотрел на другую сторону озера.

— Он еще не выходил из дома. Наверное, спит. Я там повертелся спозаранок. Внутри играло радио, и мне почудилось, будто кто-то забавляется с бутылкой и стаканом, но близко я не подходил. Правильно я сделал?

— Пойдемте туда сейчас,— заторопился де Гармо.

— Вы при оружии, сержант?

Де Гармо похлопал себя по бедру. Паттон посмотрел на меня, но я покачал головой. Пистолета у меня не было.

— У Кингсли тоже может быть пушка,— заметил Паттон.— Мне бы очень не хотелось, сержант, чтобы дело дошло до стрельбы. Иначе мне не поздоровится. Для перестрелки у нас нет подходящих партнеров. Вы похожи на человека, умеющего быстро выхватить револьвер.

— Да, это верно,— ответил де Гармо.— Но мне нужно только поговорить с этим парнем.

Паттон посмотрел на де Гармо, потом на меня, снова на него и выплюнул струю табачной жвачки.

— Но сперва вы просто обязаны разъяснить мне ситуацию,— настойчиво произнес он.

Мы уехали на траву и поведали ему всю историю. Он молча выслушал нас, не моргнув глазом, затем сказал:

— Как-то вы странно работаете на своих хозяев. По моему мнению, вы, ребята, дьявольски ошибаетесь, или вас специально запутали. Ладно, пошли. На тот случай, если вы правы, я войду первым. Вдруг Кингсли пожелает сопротивляться. А у меня большой живот. Это отличная защита.

Мы поднялись и зашагали по берегу озера. Уже возле волнореза я спросил:

— А вскрытие было, шериф?

Паттон кивнул.

— Она действительно утопилась. Говорят, это не вызывает сомнений. Утопилась и все. Никто не колотил ее ножом, не пристреливал и не разбивал головы. На теле остались следы, но они как будто не имеют большого значения. Да и вообще тело не слишком-то годится для исследования.

Де Гармо побледнел и, похоже, разволновался.

— Кажется, мне стоило промолчать, сержант,— ласково прибавил Паттон.— Я вижу, что вы хорошо знали эту даму.

— Не будем больше о ней,— произнес де Гармо.— Займемся делом.

Мы приблизились к дому Кингсли и поднялись по ступенькам. Паттон спокойно открыл дверь — она была отперта,— и мы вошли внутрь.

Деррас Кингсли лежал с закрытыми глазами в глубоком кресле у погасшего камина. Рядом стоял пустой стакан и почти опорожненная бутылка виски. Окна были закрыты, и в воздухе висел тяжелый запах алкоголя. Пепельницу доверху наполняли окурки, а рядом лежали две пустые пачки из-под сигарет. Лицо Кингсли было красным. Он храпел, а руки его свисали с кресла так, что пальцы касались пола. Паттон некоторое время смотрел на спящего молча.

— Мистер Кингсли,— спокойно и тихо сказал он наконец.— Мы бы хотели немного с вами побеседовать.

Глава 37

Кингсли вздрогнул, открыл глаза, посмотрел на Паттона, потом на де Гармо и, напоследок, на меня. Глаза у него опухли, но в них проглядывала мысль. Он медленно принял сидячее положение и, потерев ладонями щеки, проговорил:

— Я заснул. Будто отрубился два часа назад. Похоже, я напился, как свинья. Во всяком случае, выпил гораздо больше, чем следует.

Он бессильно опустил руки. Паттон сказал:

— Это сержант де Гармо из городской полиции Вай-Сити. Он хочет с вами побеседовать.

— Значит, вы меня выдали? — спросил Кингсли.

— В принципе, должен был, но до этого не дошло,— заметил я.

Кингсли поразили мои слова, и теперь он пытался понять их смысл, глядя на де Гармо. Паттон оставил дверь открытой, поднял жалюзи на двух окнах и распахнул створки, затем опустился на стул и сложил руки на животе. Де Гармо подошел к Кингсли и уставился на него немигающими глазами.

— Ваша жена мертва, Кингсли,— грубо бросил он.— Если только это новость для вас.

Кингсли провел языком по губам.

— Вы как будто не слишком потрясены? — продолжал де Гармо.— Покажите ему кашне.

Я вытащил из кармана желто-зеленый предмет

и взмахнул им в воздухе. Де Гармо указал на него пальцем.

— Ваше?

Кингсли кивнул и снова облизал губы.

— Исключительная глупость — оставлять такие вещи на месте преступления,— с издевкой произнес де Гармо. Он тяжело дышал. Его нос покраснел, а к уголкам рта пролегли глубокие складки.

— На месте преступления? — спокойно переспросил Кингсли.

Он снова бросил взгляд на кашне и отвернулся. На меня он даже не посмотрел.

— В доме на Восьмой улице в Вай-Сити. В номере 716. Разве это для вас новость?

Теперь Кингсли медленно поднял глаза на меня.

— Она была там? — прошептал он.

Я кивнул.

— Сперва она не хотела, чтобы я отправился с ней, но я отказался отдать деньги, пока мы не поговорим. Она призналась в том, что застрелила Лавери, потом выхватила пистолет и попыталась убить меня. Тут кто-то выскочил из-за портьеры и так хватил меня по голове, что я потерял сознание, не успев разглядеть нападавшего. Когда я пришел в себя, эта дама была уже убита.

Я рассказал и о способе убийства, и о том, как она выглядела. Затем сообщил, что я делал дальше и что делали со мной. Он слушал внимательно, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Когда я закончил, он указал на кашне.

— А что оно имеет общего со всей историей?

— Сержант считает его доказательством вашего присутствия в квартире жены.

Кингсли задумался. У меня сложилось впечатление, будто он неспособен быстро делать выводы. Затем он откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте.

— Больше мне нечего говорить,— ответил я.

Де Гармо хмыкнул.

— Ладно, прикидывайтесь дураком. Вы еще увидите, чем это кончится. А может, вы поведаете нам, что делали вчера ночью, после того как отослали свою девицу домой?

Кингсли равнодушно ответил:

— Если вы имеете в виду мисс Фромсетт, то я не был у нее. Я сразу отправился сюда, поскольку считал, что ночь, поездка и тишина помогут мне прийти в себя.

— Подумать только! — захохотал де Гармо. — Прийти в себя после чего, осмелюсь спросить?

— После всех моих тревог и волнений.

— Холера! — грубо бросил де Гармо. — Такая чепуха, как убийство жены и разодранное ногтями тело, вероятно, не увеличило вашего беспокойства.

— Сын, ты не должен говорить таких вещей, — вмешался Паттон. — Так нельзя. Ты же не представил до сих пор ничего, хотя бы приблизительно похожего на улику.

— Ничего?! — вскинулся де Гармо. — А как же кашне, толстяк? Разве это не улика?

— Ты не связал его ни с одним фактом... По крайней мере, я ничего от тебя не слышал, — спокойно возразил Паттон. — И потом, я не толстый, а полный.

Де Гармо отвернулся и спросил у Кингсли:

— Может, вы вообще не приезжали в Вай-Сити?

— А мне незачем было туда приезжать. Делом занимался Марлоу. Кроме того, я вообще не понимаю, почему вас растревожило это кашне. Ведь его повязал Марлоу.

Де Гармо окаменел. Потом повернулся ко мне, испепеляя яростным взглядом.

— Что это значит?! — зарычал он. — Похоже, здесь пытаются меня разыграть?

— Я сообщил вам, — ответил я, — что кашне лежало на месте преступления и что Кингсли вчера надевал его. Для вас этого оказалось достаточно. Конечно, я мог прибавить, что потом сам им воспользовался, дабы женщина, с которой я должен был встретиться, могла меня узнать.

Де Гармо оперся о стену, оттопырив нижнюю губу, его правая рука бессильно свесилась. Я продолжал:

— Я уже говорил вам, что видел миссис Кингсли только на любительской фотографии. Кто-то из нас должен был не сомневаться, что узнает другого. В действительности же я однажды встречал ее, но под вымышленным именем. Это была миссис Фальбрук, — добавил я, обращаясь к Кингсли.

— Вы, кажется, говорили, что миссис Фальбрук представилась домовладелицей, — заметил Кингсли.

— Она так объявила, и я поверил.

Де Гармо кашлянул. Глаза его странно забегали, когда я сообщил о миссис Фальбрук, о ее красной шляпке, болтливости и разряженном пистолете, который она

держала в руке и потом передала мне. Когда я закончил, де Гармо осторожно произнес:

— Я не слышал, чтобы вы рассказывали об этом Уэбберу.

— Я не рассказывал, не желая признаться, что был в этом доме за три часа до своего телефонного звонка. И потому, что обсудил дело с Кингсли прежде, чем сообщил в полицию.

— Это неопишимо, — вызывающе заявил де Гармо. — Сколько вы платите своему сексоту, мистер Кингсли, за то, чтобы он покрывал ваши преступления?

— Обычную цену, — спокойно ответил Кингсли. — И еще пятьсот долларов премии, если он сумеет доказать, что моя жена не убивала Лавери.

— Плохо только, что он не может их заработать, — заржал де Гармо.

— Не будьте дураком, — попросил я. — Я уже работал их.

В комнате наступила напряженная тишина, та, что в любую минуту может нарушиться ударом грома. Тишина нависла над нами тяжело и грозно.

Кингсли пошевелился в своем кресле, потом опустил голову.

— И вероятно, никто не знает этого лучше вас, сержант, — закончил я.

Я окинул взглядом присутствующих. Лицо Паттона совершенно ничего не выражало, с таким же успехом можно было смотреть на дерево. Де Гармо глядел куда-то вверх моей головы. Казалось, он видит нечто далекое, расположенное за несколько километров отсюда. После длиннейшей паузы де Гармо проговорил:

— Ни черта не понимаю. Мне решительно ничего не известно о жене Кингсли. Я убежден, что до вчерашней ночи никогда ее не видел.

Де Гармо внимательно следил за мной. Он отлично знал, что я скажу. И тем не менее я произнес:

— Да и вчера ночью вы не могли ее видеть, потому что ее убили месяц назад. Потому что она была утоплена в озере Оленят. Потому что женщина, которую вы встретили в «Гренаде», — это Милдред Хавеланд, иначе — Мэриел Чейз. И поскольку миссис Кингсли была мертва в ту пору, когда убили Лавери, я вправе сделать вывод, что не миссис Кингсли застрелила его.

Кингсли сжал пальцами ручки кресла, но не промолвил ни слова.

Снова наступила гнетущая тишина. Паттон прервал ее, спокойно спросив:

— А разве это не дикое предположение? Ты полагаешь, сынок, что Билл Чейз не узнал собственную жену?

— После того как труп пролежал в воде целый месяц? На ней были одежда его жены и ее украшения. Волосы, отмытые водой, утратили свой блеск, а лицо совершенно раскисло. Разве у него могли возникнуть какие-нибудь сомнения? Она оставила записку, напоминавшую последние слова самоубийцы, и пропала. Перед этим они страшно поссорились. Ее белье, платье и автомобиль исчезли. Почти целый месяц никто о ней ничего не слышал, и Чейз не имел представления, куда она уехала. И вдруг из воды появляется тело, одетое как Мэриел. Тело блондинки того же роста, как и его жена. Конечно, можно было обнаружить какое-нибудь различие, если бы Билл о нем подозревал. Но оснований для подозрений не имелось. Итак, Кристаль Кингсли продолжала жить. Она уехала вместе с Лавери, оставила свою машину в Сан-Бернардино и отправила мужу телеграмму из Эль-Пасо. Все, что касалось Билла Чейза, было в порядке. Он вообще не думал о миссис Кингсли. Для него она не существовала. И почему же должно быть иначе?

— Мне самому следовало подумать об этом,— сказал Паттон.— Но если бы подобная мысль и пришла мне в голову, она была бы только предположением, которое отбрасывают тотчас, едва оно возникнет. Такая конструкция чересчур сложна.

— Лишь на первый взгляд,— возразил я.— Только на первый. Предположим, что тело не обнаруживают в течение года или до тех пор, пока с этой целью не спускают воду в озеро. Мэриел Чейз исчезла, и никто не собирался ломать себе голову, отыскивая ее. Другое дело миссис Кингсли. У нее водились деньги, имелись общественное положение и беспокоящийся о ней муж. Ее продолжали бы искать. Но прошли бы месяцы, прежде чем что-то открылось. Могли и озеро спустить, но, если бы поиски указали, что она оставила этот край, добралась до Сан-Бернардино и по железной дороге отправилась дальше на Восток, никто бы не стал возиться с озером. А если бы даже обнаружили тело, то не смогли бы установить настоящего имени покойной. Билла Чейза арестовали за убийство жены. По-моему, его могли осудить. Кристаль

Кингсли по-прежнему бы отсутствовала, и тайну никто бы не разгадал. Оставалось только предполагать, что с ней что-то стряслось и она умерла. Но никто бы не узнал, где и что именно. Если бы не Лавери, вероятно, и мы бы не разговаривали на эту тему. Он стал ключом ко всему. Он наткнулся на нее в отеле «Прескотт» в Сан-Бернардино в ту ночь, когда предполагалось, что Кристаль Кингсли отсюда уехала. Он встретил уже знакомую ему женщину, одетую в платье Кристаль. Но он, разумеется, мог не знать, что за этим скрывается тайна. Он даже мог не предполагать, что дама надела платье Кристаль и оставила ее машину в гараже отеля. По-видимому, он знал только, что встретил Мэриел Чейз. А Мэриел занялась остальным.

Я замолчал и подождал, не заговорит ли кто-нибудь еще. Но все молчали. Паттон сидел неподвижно. Его неловкие на вид, безволосые руки были удобно сложены на животе. Кингсли откинулся назад, полузакрыв глаза. Де Гармо стоял у стены — высокий, бледный, суровый и хмурый человек, мысли которого были глубоко скрыты от нас.

Я продолжал:

— Поскольку Мэриел Чейз играла роль Кристаль Кингсли, то, значит, она ее и убила. Это элементарно. Давайте порассуждаем. Мы знаем, кем и какой была Мэриел Чейз. Она уже совершила убийство, прежде чем встретила Билла. Она работала медсестрой у доктора Алмора и, будучи его любовницей, прикончила жену доктора так ловко, что тот был вынужден покрыть ее преступление. До этого она вышла замуж за одного полицейского из Вай-Сити, и бывший муж оказался достаточно бесчестным, чтобы выгнать ее. Она умела так ловко обводить вокруг пальца мужчин, что они готовы были ради нее прыгнуть в огонь. Я недостаточно хорошо знал ее, но все указывает на это. Лучший пример — Лавери. Она всегда убивала людей, становившихся у нее на пути, а жена Кингсли ей мешала. Кристаль Кингсли тоже умела обходиться с мужчинами. Может, не следовало это говорить, но теперь все равно. Она спуталась с Биллом Чейзом, а Мэриел подобной вещи простить не могла. Кроме того, Мэриел смертельно надоела здешняя жизнь, и ей хотелось выбраться отсюда. Но для такого требовались деньги. Она пыталась вытянуть их у Алмора, а он направил сюда де Гармо, чтобы тот с ней поговорил. Это немного испугало ее.

Де Гармо — человек, поступки которого не предугадаешь. Она была права, не так ли, сержант?

Де Гармо пошевелил ногой.

— Ври дальше, — хмуро бросил он, — продолжай свою брехню.

— Милдред не особенно нуждалась в нарядах и машине Кристалль Кингсли, но они могли ей пригодиться. А особенно пригодились бы ей деньги Кристалль Кингсли сообщил мне, что у его жены была привычка всегда носить с собой большие суммы. И кроме того, с ней, наверное, были драгоценности, которые легко реализовать. Все это превращало убийство Кристалль в дело одновременно и полезное, и приятное. Таковы мотивы. А теперь перейдем к средствам и обстоятельствам. Всему помог случай. Она поссорилась с Биллом, и он куда-то отправился пьянствовать. Она хорошо знала своего Билла: он бы не скоро вернулся домой. А ей как раз требовалось время. В противном случае дело провалилось бы в самом начале. Она должна была уложить свои вещи, вывезти их на машине и спрятать так, чтобы никто не мог их найти. Оттуда ей предстояло вернуться пешком, затем убить Кристалль Кингсли, надеть ее одежду, нацепить на жертву свою и утопить труп в озере. Для всего этого нужен был порядочный срок. Что касается самого убийства, то я предполагаю, что она напоила или оглушила чем-нибудь женщину и утопила ее уже дома в ванне. Это логично и просто. Будучи медицинской сестрой, она знала, как действовать, не оставляя следов насилия. Она умела хорошо плавать — Билл нам рассказал. Мертвое тело нужно было упрятать в глубоком месте так, чтобы оно не всплыло. Это нетрудно сделать человеку, прилично держащемуся на воде. Она поместила тело под досками, надела платье Кристалль Кингсли, выбрала и уложила в чемодан те вещи, которые пришлось ей по вкусу, села в машину Кристалль и уехала. А в Сан-Бернардино наткнулась на своего знакомого Лавери.

Лавери знал ее как Мэриел Чейз. У нас нет оснований считать, что он слышал ее настоящее имя. Вероятно, он видел ее здесь и, возможно, направлялся именно сюда, когда они встретились. А этого она не хотела допустить. Конечно, он бы застал только запертый дом, но мог встретить Билла, а она не желала, чтобы тот точно был осведомлен о ее отъезде. Ведь в таком случае при обнаружении тела без труда установили бы личность покойной. Поэтому Мэриел стала соблазнять Лавери, а это

было легко: нам прекрасно известна его привычка не пропускать ни одной молодой женщины. Чем больше, тем лучше. Поймать Криса Лавери ничего не стоило для такой красавицы, как Милдред. Короче, она сошлась с ним, и они отправились в Эль-Пасо. Оттуда она втайне от Лавери послала телеграмму. Потом они вернулись в Вай-Сити. Помешать возвращению она была не в силах. Он стремился домой, а она не могла далеко отпустить его. Лавери представлял для нее опасность. Ибо мог уничтожить видимость доказательства, что Кристалль Кингсли уехала на Восток. Если бы начались поиски Кристалль, они неизбежно привели бы к Лавери, и с той минуты за его жизнь не дали бы ломаного гроша. Если бы сперва поверили, что он никуда не уезжал с Кристалль — а это действительно и произошло, — то вскоре начали бы проверять факты, и его встреча с Мэриел выплыла бы наружу. Словом, поиски состоялись, и Лавери был убит в своей ванной тотчас после моего посещения. Это по существу объясняет все, за исключением того факта, что Мэриел вернулась в его дом на следующее утро. Но убийцы часто так поступают. Она говорила, что он забрал ее деньги, но я не верю этому. Скорее можно предположить, что она рассчитывала найти в его доме припрятанные на черный день суммы или хотела спокойно закончить свою работу, уничтожив следы и направив подозрение на миссис Кингсли. Каждая из причин довольно правдоподобна. Ко времени моего визита она собиралась уходить, и ей пришлось разыграть комедию.

— Кто ее убил, сынок? Похоже, ты не считаешь убийцей Кингсли? — заметил Паттон.

Я посмотрел на Кингсли и сказал:

— Вы ведь не разговаривали с ней по телефону? А мисс Фромсетт уверена, что беседовала с вашей женой? Кингсли покачал головой.

— Сомневаюсь. Ее трудно обмануть подобным образом. Она объяснила, что голос жены показался ей очень изменившимся и искусственным. Но тогда у меня не возникло подозрений. Они появились уже здесь. Как только я вошел в этот дом, то почувствовал что-то неладное. Все было слишком чисто и тщательно прибрано. Кристалль не оставляла помещения в таком порядке. У нее обычно по всей спальне разбросаны платья, на полу валяются окурки, а кухня заставлена бутылками и стаканами. Всюду полно грязной посуды и мух. Сначала я подумал, что жена Билла все прибрала, а потом вспомнил,

что она не смогла бы этого сделать. Ведь как раз в тот день она поссорилась с Биллом, а потом была убита или покончила с собой. Я думал о ситуации очень хаотично и не пришел ни к каким выводам.

Паттон поднялся и вышел на крыльцо. Вернувшись, он вытер платком рот, снова сел на стул и задумчиво посмотрел на де Гармо. Тот неподвижно стоял у стены. Его правая рука по-прежнему безвольно свисала.

— Я еще не слышал о том, кто убил Мэриел. Тебе известно, сынок? Или эту загадку еще предстоит разгадать?

Я ответил:

— Это сделал тот, кто не нашел другого выхода. Тот, кто ее любил и ненавидел. Тот, кто был полицейским в душе и не мог позволить ей скрыться после убийства нескольких человек подряд. Тот, кто не был в достаточной степени полицейским, чтобы арестовать ее и позволить случившемуся выйти наружу. Кто-то, похожий на де Гармо.

Глава 39

Де Гармо выпрямился, отодвинулся от стены и криво усмехнулся. Потом сделал правой рукой молниеносное движение, и в ней блеснул револьвер. Он заговорил, обращаясь ко мне, но не глядя на меня:

— Я не думаю, что вы при оружии. У Паттона оно есть, но я полагаю, что он не сумеет достаточно быстро пустить его в ход. Имеются ли у вас какие-нибудь доказательства, чтобы обосновать последнее предположение? Или это брехня, не стоящая внимания?

— Некоторые есть,— ответил я.— Их не много, но я надеюсь найти новые. Кто-то стоял около получаса за зеленой портьерой в «Гренаде», причем так тихо, как умеет только полицейский. У этого человека была полицейская дубинка, и впоследствии он, даже не поглядев на мой затылок, знал, что меня ударили по голове. Помните, что вы сказали об этом Коротышке? Как вы могли догадаться, что убитая женщина также оглушена ударом дубинки, когда у вас не было времени для осмотра трупа? Кто мог сорвать с нее платье и разодрать ей кожу с какой-то садистской ненавистью, как не мужчина вашего типа, испытывший сильные чувства к женщине, которая превратила его жизнь в ад? У кого ее кровь под ногтями, что легко проверить экспертизой? Я готов по-

клясться, что вы, де Гармо, не разрешите Паттону взглянуть на ногти вашей правой руки.

Де Гармо поднял револьвер и бледно улыбнулся.

— А как же я нашел ее? — спросил он.

— Алмор видел, как она входила или выходила из дома Лавери. Это так взволновало его, что он вызвал вас, едва заметив, что я кручусь поблизости. Но как вы отыскали ее квартиру, я понятия не имею. Однако ничего трудного тут нет. Может, вы спрятались в доме Алмора и следили за ней или поехали вслед за Лавери. Для полицейского это дело опыта.

Де Гармо кивнул и некоторое время постоял, молча о чем-то думая. Лицо его было хмурым, но в серостальных глазах я не замечал страха. В комнате стало душно от чувства неотвратимого несчастья. Однако казалось, что де Гармо ощущает его в меньшей степени, чем каждый из нас.

— Я хочу уйти,— заявил он.— Может, не очень далеко, но ни один сельский полицейский не задержит меня. Есть возражения?

Паттон спокойно сказал:

— Тебе не удастся, сынок. Ты же знаешь, что я обязан тебя арестовать. Хотя никаких доказательств я не получил, все же я не могу позволить тебе скрыться.

— У тебя такое хорошее большое брюхо, Паттон, а я неплохо стреляю. И ты думаешь, что сумеешь меня остановить?

— Думаю,— ответил Паттон и поправил волосы под сдвинутой на затылок шляпой.— Правда, еще не вполне представляю как. Я не хочу, чтобы мне продырявили живот, но и не могу разрешить, чтобы кто-то превращал меня в посмешище.

— Отпустите его,— попросил я.— Ему не выбраться из этих гор. Поэтому я его сюда и привез.

Паттон рассудительно заметил:

— При аресте он может кого-нибудь ранить, а это нехорошо. И если такое неизбежно, то в данном случае должен пострадать я.

Де Гармо улыбнулся.

— Ты хороший парень, Паттон,— заметил он.— Гляди, я прячу свой револьвер, и мы все начнем сначала. Я тоже умею быть вежливым.

Он сунул револьвер в кобуру и опять прислонился к стене, опустив руки. Паттон жевал табак, не спуская глаз с де Гармо.

— Ловко я попался,— пожаловался Паттон.— Конечно, я не такой быстрый, как ты. Но я не хочу, чтобы меня называли трусом.— Он печально посмотрел на меня.— За каким чертом ты вызвал меня сюда? Ведь это не мое дело. Пропал я из-за тебя.

В голосе его звучали печаль и растерянность. Де Гармо расхохотался и в то же мгновение выхватил револьвер правой рукой. Я не видел, чтобы Паттон шевельнулся, однако вся комната задрожала от грохота его кольта. Рука де Гармо безвольно повисла. Тяжелый «смит-вессон», вырванный из его кулака, ударился о сосновую стенку и упал на пол. Де Гармо попробовал шевельнуть кистью и с изумлением посмотрел на нее. Паттон медленно встал, пересек комнату, толчком ноги отбросил револьвер под кресло и укоризненно посмотрел на де Гармо. Тот высасывал кровь из ранки.

— Ты хотел меня опередить,— сказал Паттон.— Но со мной такие номера не проходят. Я пользуюсь огнестрельным оружием дольше, чем ты живешь на свете, сынок.

Де Гармо кивнул, выпрямился и направился к двери.

— Не делай этого,— настойчиво, но мягко произнес Паттон.

Де Гармо остановился в дверях и взглянул на Паттона. Лицо его было очень бледно.

— Я ухожу,— сказал он.— Ты можешь задержать меня только пулей. Прощай, толстяк!

Паттон не двинулся. Де Гармо вышел. Его ботинки тяжело заскрипели по крыльцу, а потом по ступенькам. Я выглянул в окно. Де Гармо шагал по направлению к плотине.

— Он уходит,— сказал я.— У Энди есть оружие?

— Едва ли он его применит, даже если оно при нем,— ответил Паттон.

— Чтоб вас черти побрали! — не выдержал я.

Паттон вздохнул.

— Он не должен был так поступать со мной, но он хорошо сыграл. Мне пришлось ответить ему тем же. Ничего не попишешь. Он моложе меня и слабее.

— Это же убийца,— заметил я.

— Но не типичный,— возразил Паттон.— Ты запер свою машину?

Я кивнул и сообщил:

— Энди идет ему навстречу, и де Гармо остановил его. Они разговаривают.

Наверное, он заберет машину Энди,— печально вздохнул Паттон.

— Будьте вы прокляты! — снова выругался я и взглянул на Кингсли. Взявшись за голову, он смотрел на пол. Я снова выглянул из окна. Де Гармо уже скрылся из виду, но Энди стоял на месте. Внезапно я услышал шум отъезжающей машины. Энди посмотрел на дом, затем повернулся и пустился бежать вдогонку. Звук мотора замирал вдаль. Вскоре Паттон сказал:

— Теперь, наверное, нужно вернуться в контору и кое с кем поговорить по телефону.

Кингсли поднялся, пошел в кухню и принес бутылку виски. Налив себе солидную порцию, он выпил. Затем махнул рукой и с трудом вышел из комнаты. Я услышал, как заскрипели пружины его кровати. Мы с Паттоном не спеша ушли тоже.

Глава 40

Паттон закончил свои телефонные переговоры, которые имели целью заблокировать шоссе, и повесил трубку. Тотчас раздался звонок дежурного сержанта военной охраны у плотины озера Пумы. Мы вышли, сели в машину Паттона, и Энди погнал ее по берегу озера и через деревню прямо к плотине. Солдаты указали нам на барак, возле которого стоял «джип» сержанта. Тот махнул нам рукой и поехал, мы следовали за ним. Вблизи плотины на краю каньона несколько солдат смотрели вниз. Рядом с ними остановились машины и толпа людей. Сержант вышел из «джипа», и мы приблизились к нему.

— Этот тип не остановился, несмотря на приказание патруля,— огорченно заявил сержант.— Он едва не наехал на часового. Солдату у плотины пришлось отскокить в сторону, чтобы спастись. Он крикнул ему, приказывая остановиться. Но тот продолжал ехать.

Сержант, жуя резинку, снова посмотрел на каньон.

— Есть приказ стрелять в таких случаях,— продолжал он.— Часовой выстрелил, и нарушитель полетел в пропасть.

Он указал на кусты, росшие в глубине каньона.

Тридцатью метрами ниже у огромной гранитной скалы лежали обломки маленького автомобиля. Он почти перевернулся вверх колесами. Около машины возились три солдата. Они с трудом приподняли обломки, чтобы вытащить из-под них нечто, еще недавно бывшее человеком.

Ричард Старк (Richard Stark) — один из псевдонимов широко известного американского мастера детектива Дональда Уэстлейка (Donald Edwin Westlake), родившегося в Бруклине, Нью-Йорк, 12 июля 1933 года. Уэстлейк окончил колледж, учился в университете штата Нью-Йорк, в середине пятидесятых годов служил в ВВС США. После этого перепробовал несколько занятий, включая должность литературного секретаря у известного писателя С. Мередита, и к концу пятидесятых годов всерьез решил зарабатывать на жизнь литературным трудом. Первый роман Уэстлейка *The Mercenaries* опубликован в 1960 году. Автор быстро завоевал популярность в области развлекательной литературы. В 1962 году среди мастеров американского детектива появился писатель Ричард Старк — автор крутых боевиков в духе Д. Хэммета и Р. Чандлера, только героями Старка были воры и убийцы. В этом же духе писал и Tucker Sore — еще один псевдоним Уэстлейка в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. Критика отмечает разнообразие интересов и «ипостасей» писателя, которым соответствуют разные псевдонимы. Например, научно-фантастические романы Уэстлейк подписывал Curt Clark, а книгу для детей и комические детективы издавал под своим именем. К 1988 году Уэстлейк — автор более шестидесяти романов, двух сборников рассказов, нескольких сценариев. Его книги популярны не только в США, но и за границей, особенно в Англии; есть и русские переводы. Несколько романов Д. Уэстлейка экранизировано.

Раймонд Чандлер родился в 1888 году в США. В детстве уехал с матерью в Европу и стал подданным Британской короны. Учился он в Германии и Франции, служил в армии Канады и Англии, потом вернулся на родину, где переменял несколько специальностей (работал на ранчо, был репортером, бухгалтером...). Профессионально занялся литературой с 1933 года.

С 1939 по 1958 год Чандлер написал всего семь романов, не изменяя в них раз и навсегда выбранному главному герою — частному сыщику Филипу Марлоу. Он же стал центральным персонажем ряда небольших повестей, созданных во второй половине 40-х годов. Марлоу — герой-фаталист, человек чести — побеждает не столько в силу своих интеллектуальных или физических качеств, сколько в силу того, что ценности, которые он исповедует, выше тех, которым служат его противники. Поэтому автору не обязательно организовывать хитроумные и загадочные происшествия. Криминальные сюжеты Чандлера, построенные в жанре крутого детектива, лежат в области обыденной жизни. Искусство портретирования, пристрастие автора к эмоциональному «пейзажу-настроению» в сочетании с глубоко индивидуализированным образом главного героя дали основание критикам высказать сожаление о том, что писатель растрачивает свой талант на «несерьезную», то есть детективную литературу.

В 1956 году Чандлер снова принял американское гражданство. А в последний год жизни его избрали президентом Американского детективного клуба.

Умер Р. Чандлер в 1959 году.

Содержание

<i>Ричард Старк</i>	
Лимоны никогда не лгут	5
<i>Раймонд Чандлер</i>	
Женщина в озере	125
<i>Эллери Квин</i>	
Жила-была старуха...	296
Коротко об авторах	444

Эллери Квин — псевдоним двух американцев, кузенов Фредерика Даниэля и Манфреда Ли. Оба родились в Бруклине (Нью-Йорк) в 1905 году. Там же они получили высшее образование, занимались литературно-издательской деятельностью, пока в 1929 году не опубликовали свой первый роман «Тайна римской шляпы», победивший в конкурсе на лучшее детективное произведение. Роман вышел в свет под псевдонимом Эллери Квин. Так же звали и его главного героя — сыщика-любителя, писателя, который на досуге помогает своему отцу, инспектору нью-йоркской полиции, в расследовании преступлений.

Впоследствии Эллери Квин стал серийным персонажем тридцати девяти романов, десяти художественных фильмов, цикла радиопьес, которые звучали в эфире еженедельно с 1939 по 1948 год. К середине 70-х годов суммарный тираж романов Э. Квина превысил 150 миллионов экземпляров. Его творчество до сих пор считается классикой американского детектива.

В 30-е годы братья под псевдонимом Барнаби Росс издали еще одну серию, состоящую из четырех романов, с актером-детективом Друри Лэйном в главной роли. Публиковали они каждый по отдельности и собственные произведения под настоящими именами.

Ф. Даниэль и М. Ли были основателями и сопрезидентами Американского клуба писателей детективного жанра. М. Ли умер в 1971 году, Ф. Даниэль — в 1982 году.

Женщина в озере: Сборник: Пер. с англ./Р. Старк,
Ж56 Р. Чандлер, Э. Квин.— М.: СКС, 1994.— 447 с.—
(Bestseller).

ISBN 5-86092-058-X

Сюжеты произведений, включенных в этот сборник, порадуют любителей детективов своим разнообразием и полной несхожестью друг с другом. Роман «Лимоны никогда не лгут» Р. Старка откроет перед читателем жестокий мир, в котором живут люди, находящиеся вне закона — налетчики, убийцы и воры; «Женщина в озере» Р. Чандлера готовит встречу со знаменитым частным детективом Филипом Марлоу, разыскивающим пропавшую жену некоего бизнесмена; а роман «Жила-была старуха...» Э. Квина поразит необычностью и непредсказуемостью событий, происходящих в богатейшей, но наполовину безумной семье.

Ж 4703000000-60 Без объявл.
979(01)-94

ББК 84.7США

Литературно-художественное издание

ЖЕНЩИНА В ОЗЕРЕ

Сборник

Перевод с английского

Редакторы *Н. С. Митрофанова, Е. Е. Таболина*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *В. М. Скробнева*
Корректор *М. И. Жильцова*

ИБ № 58

ЛР № 040234 от 24.01.90

Сдано в набор 25.11.93. Подписано в печать 09.03.94. Формат 84x108/32. Бумага газетная. Гарнитура Т. Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. отт. 23,52. Уч.-изд. л. 26,15. Тираж 100 000 экз. Заказ 4217.

Издательство «СКС». 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473 Москва, Краснопролетарская, 16.